

ISSN: 2949-284X

IP: ТЕОРИЯ
Сетевой
научный журнал **И ПРАКТИКА**
№ 3 (11). 2025

**Журнал ВАК
«Копирайт»**

**Журнал РГАИС
«Альманах»**

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ревинский О.В. Правовые режимы и правовые модели охраны интеллектуальных прав 4 – 20

Альбов А.П. Диалектика частных и публичных интересов в национальной правовой системе: теоретико-правовой анализ на примере принудительного лицензирования 21 – 35

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Груздев В.В. Искусственный интеллект в системе юридических понятий 36 – 45

Павликов С.Г. О правовой охране и защите результатов интеллектуальной деятельности 46 – 63

Алиев Т.Т. К вопросу о самозащите и иных способов неюрисдикционной защиты интеллектуальных прав 64 – 72

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Сергеева Н.Ю. Национализация имущества и механизмы ограничения исключительного права в условиях санкций 73 – 84

Головина А.Г., Лысков А.А. Динамика развития области гражданского мостостроения на примере запатентованных в Российской Федерации разработок на изобретения и полезные модели в XXI веке 85 – 101

ЭКОНОМИКА

Асылгузин Т.Р., Мокроносов А.Г. Роль патентно-информационных услуг в экосистеме интеллектуальной собственности 102 – 121

Пасешник Н.П., Васючков Е.В., Головин А.С. Повышение эффективности производственных мощностей организаций по монтажу сложного технологического оборудования в современных экономических условиях 122 – 132

Саяхов А.А., Сергеичева И.А. Стратегия масштабирования бизнеса в сфере торговли строительными материалами 133 – 142

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Хачатурян А.А. Роль сетевых технологий и экосистемного подхода в цифровой трансформации промышленности 143 – 153

Рыжов И.В., Дорофеев М.В. Анализ научно-методических подходов к управлению результатами интеллектуальной деятельности в интернете 154 – 168

Хачатурян К.С. Алгоритмы машинного обучения как инструмент цифровой трансформации для управления запасами в оборонной промышленности 169 – 183

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Аракелова А.О., Ницевич В.Ф. Государственное регулирование и поддержка креативных индустрий в Российской Федерации и Республике Беларусь: сравнительный анализ 184 – 204

Рыжов И.В. Проблемы развития городского инновационного потенциала в условиях цифровой трансформации 205 – 220

Научная статья

УДК: 347.77

Правовые режимы и правовые модели охраны интеллектуальных прав

Олег Витальевич Ревинский,

Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Москва, Россия

Кандидат юридических наук, профессор кафедры Патентного права и правовой охраны средств индивидуализации

o_revinski@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2566-8958>

Аннотация. В статье анализируются несколько примеров, применимых при разработке правовых режимов и правовых моделей охраны интеллектуальных прав отечественных правообладателей в условиях западных санкций. Показано, что прямая национализация в ответ на эти санкции неприменима к объектам интеллектуальных прав. Но на основании проведенного анализа сделано предложение о возможном применении норм из Гражданского кодекса Российской Федерации к зарубежным компаниям, ушедшим с отечественного рынка.

Ключевые слова: правовые режимы, правовые модели, национализация, интеллектуальные права, недружественные компании, товарные знаки.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках НИР «Зарубежный опыт национализации объектов интеллектуальной собственности в контексте ответных мер санкционной политики» (6-ГЗ-2023).

Для цитирования: Ревинский О.В. Правовые режимы и правовые модели охраны интеллектуальных прав // IP: теория и практика. – 2025. – № 3 (11).

Original article

Legal regimes and legal models of protection of intellectual rights
Oleg V. Revinskiy,

Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia
 PhD, Professor of the Department of Patent Law and Legal Protection of
 Individualization Means
 o_revinski@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2566-8958>

Abstract. The article analyzes several examples applicable in developing the legal regimes and legal models of protection of intellectual rights of domestic rightpossessors in the context of western sanctions. The direct nationalization is shown as inapplicable to the intellectual right objects. But on the ground of carried analyze a proposal is made on possibly applying the norms of the Civil Code of Russian Federation to the foreign companies leaved the domestic market.

Keywords: legal regimes, legal models, nationalization, intellectual rights, unfriendly companies, trademarks.

Funding: The research was carried out within the framework of the research project “Foreign experience of nationalization of intellectual property objects in the context of countermeasures of sanctions policy” (6-GZ-2023).

For citation: Revinskiy O.V. Legal regimes and legal models of protection of intellectual rights // IP: theory and practice. 2025. № 3 (11).

Введение

Вопросам изучения правовых режимов и правовых моделей национализации в разных государствах посвящены уже несколько публикаций [1–5] в рамках научно-исследовательской работы «Зарубежный опыт национализации объектов интеллектуальной собственности в контексте ответных мер санкционной политики» (шифр 6-ГЗ-2023). В частности, показано, «что институт национализации не может быть применим к исключительному имущественному праву, возникающему на интеллектуальную собственность», однако «указанное не означает, что законодательством этих стран данное право не может быть ограничено теми или иными способами» [4, с. 72].

Ранее был сделан вывод, что вся палитра нормативного правового регулирования укладывается «в три правовых режима национализации прав на объекты интеллектуальной собственности. К таким режимам относятся:

нерегулируемый, где основную роль играет волеизъявление сторон, выраженное в нормах договорного права, частично регулируемый, где действуют как нормы договорного права, так и нормы законодательные, и регулируемый, в котором действуют нормы законодательства» [3, с. 82]. Кроме того, в [3] выделены два типа моделей правового регулирования национализации прав на объекты интеллектуальной собственности: а) без каких-либо условий, т.е. общая модель, где правовые режимы применяются как таковые; б) с условиями, т.е. особенная модель, где правовые режимы применяются с учетом каких-либо условий. В рассматриваемом случае такими условиями являются санкции, введенные иностранными государствами [3, с. 83].

Настоящая статья посвящена разработке и обоснованию правовых режимов и правовых моделей охраны интеллектуальных прав отечественных производителей, возможных в настоящее время в условиях западных *санкций*, с учетом невозможности национализации объектов интеллектуальных прав.

Основное исследование

В условиях иностранных санкций, направленных на подрыв российской экономики, возрастает значение охраны интеллектуальных прав отечественных производителей. Вследствие указанных санкций многие прежние иностранные участники покинули российский (и белорусский) рынок, однако сохранили свои интеллектуальные права, когда действуют выданные им в РФ патенты и свидетельства на товарные знаки. Ушедшие иностранные поставщики перестали предлагать свои товары и услуги, охранявшиеся соответствующими российскими патентами или свидетельствами, но при этом продолжают поддерживать их в силе, уплачивая требуемые для этого пошлины. В результате россияне не получают товары (услуги), в которых воплощены охраняемые результаты интеллектуальной деятельности, либо которые маркированы охраняемыми средствами индивидуализации, а российские производители не могут из-за действующих

патентов или свидетельств предлагать аналогичные товары (услуги). Когда речь идет о критически важных товарах или услугах, такое положение может угрожать здоровью граждан (скажем, зарубежные лекарства, не имеющие аналогов), а также безопасности государственной инфраструктуры. Например, весной 2022 г. немецкая компания Siemens Mobility, оборудование которой использовалось для обслуживания скоростных поездов «Сапсан», в одностороннем порядке расторгла договоры о техническом обслуживании этих поездов и заявила об уходе из России [6].

Все это ставит задачу обеспечить должную правовую охрану отечественных производителей (поставщиков), выпускающих (предлагающих) такие же товары или услуги на замену «ушедшим». Самым оперативным способом замены этих товаров (услуг), очевидно, является их копирование, т.к. собственные разработки аналогов требуют затрат времени, средств и усилий. Даже для параллельного импорта необходимо найти посредников и соответствующие зарубежные рынки. В этой связи представляет интерес рассмотрение тех ситуаций, которые уже разбирались ранее в рамках указанной НИР при анализе реализации процесса национализации: какие из них могут быть применены в данном случае. При этом будем иметь в виду «направленность национализации на умножение общественной пользы» [1, с. 101].

1. Национализация Третьяковской галереи в 1918 г., которая проводилась, в том числе, с учетом ее просветительской роли [1, с. 111] и фактически означала экспроприацию полотен и скульптур, находящихся в ее стенах. Об исключительных правах тогда не было речи (эпоха военного коммунизма), и вроде бы здесь не к месту упоминать картины русских художников, говоря о рынке. Однако вспомним, что в годы первых пятилеток некоторые произведения искусства продавались за рубеж для получения валюты. Так что данную национализацию непременно следует отметить.

Проводилась эта национализация в соответствии с декретом Совета Народных Комиссаров (далее – СНК), подписанным В.И. Лениным. Этот

декрет вполне соответствует современному понятию «закон», потому что в те годы верховная власть осуществлялась именно СНК под руководством вождя мирового пролетариата. И, как видим, проводилась эта национализация с целью, которая отвечает государственным интересам.

Проведение такой национализации можно отнести к третьему режиму из упомянутых во Введении, в каковом режиме используются только нормы законодательства. Что же касается правовой модели этой национализации, то здесь, безусловно, имеет место особенная модель, поскольку большевики устанавливали новую власть на развалинах прежней.

2. Далее имеет смысл привести пример национализации на Кубе, в частности, вспомнить состоявшуюся в 1959 г. экспроприацию предприятия по изготовлению рома под маркой Havana Club. Тогда национализации подверглись материальные активы компании. При этом товарный знак Havana Club был перерегистрирован на правительство республики Куба лишь в 1976 г., поскольку срок предыдущей его регистрации истек.

Здесь, как видим, реально нет никакой национализации интеллектуальной собственности вопреки тому, что утверждается в подписанном накануне выхода в отставку президентом США Д. Байденом так называемом «Законе Бакарди» [7, с. 94–95]. Первая его статья говорит, что данный закон может упоминаться как «Закон 2023 года о несоблюдении в Америке украденных товарных знаков» (No Stolen Trademarks Honored in America Act of 2023). Вторая его статья вносит поправки в закон 1999 г. о конфискации, вводя, в частности, выражение «который используется в связи с предприятием или активами, которые были конфискованы, если только первоначальный правообладатель товарного знака, фирменного наименования или коммерческого обозначения не выразил прямо согласия» [8].

Данный пример приведен исключительно для полноты рассмотрения, поэтому ни к какому режиму и ни к какой модели национализации этот пример не относится, подтверждая установленную ранее невозможность прямого применения принципа национализации к объектам интеллектуальных прав.

Кстати, отметим, что использованный в обоих приведенных примерах термин «экспроприация» считается в современном российском праве синонимичным термину «национализация» [9, с. 151].

3. Еще одним примером, уместным для упоминания в данной работе, является проведенная в 2023 г. в африканской Республике Чад национализация одного из подразделений американской нефтяной компании Exxon Mobil. В ходе этой национализации были изъяты все активы и права любого рода в этой стране, включая и исключительные интеллектуальные права [3, с. 76–77]. Но реальной национализации интеллектуальной собственности этой компании все же не произошло, поскольку добываемая в Чаде на оборудовании национализированной компании нефть должна перекачиваться через соседний Камерун по нефтепроводу, принадлежащему той же Exxon Mobil [10, с. 86]. То есть если в Чаде и провели национализацию интеллектуальной собственности этой компании (о чем в открытом доступе нет подробностей), использовать эту интеллектуальную собственность даже без распоряжения ею не получается.

Поэтому данный пример, как и предыдущий, невозможно использовать для определения режима и модели национализации.

4. В следующем примере рассмотрим ограничения на распоряжение правами на российские патенты, введенные в Нидерландах в 2022 г., и на российские товарные знаки, введенные в Финляндии в 2023 г. Громко названные в средствах массовой информации «конфискацией», на деле эти ограничения означают блокировку распоряжения исключительным правом и правоприменения (защита прав в суде, препятствование возможности их использования для финансовых операций, к примеру, для залога) [11].

То есть и в этом случае никакой конфискации или национализации патентов или товарных знаков не произошло. Более того, соответствующие международные договоры – Парижская конвенция об охране промышленной собственности и Мадридская конвенция о международной регистрации

товарных знаков – не предусматривают такого ограничения исключительного права, как введение упомянутых рестрикций.

Однако учесть данный пример необходимо, т.к. он может помочь в выборе модели национализации (или хотя бы адекватной правовой охраны).

5. Также отметим предложенное к применению в РФ введение внешнего управления в отношении организаций, не менее чем на 25% принадлежащих иностранным лицам из недружественных государств [12].

Проект закона «О внешней администрации по управлению организацией» был внесен в Госдуму 12 апреля 2022 г., но пока так и не принят. В пояснительной записке к этому проекту указано, что он предлагается для защиты национальных интересов Российской Федерации, в том числе для обеспечения ее бе-зопасности и финансовой стабильности, а также прав и законных интересов участников рынка, работников и общества в целом. Внешняя администрация должна была назначаться по решению суда в отношении организаций, которые имеют существенное значение для обеспечения стабильности экономики и производства и в которых иностранные лица из недружественных государств владеют не менее чем 25% акций (долей). В этом законопроекте предложено несколько оснований для назначения внешней администрации, к примеру, закрытие или переориентация значимых производств, увеличение затрат потребителей, угроза существенного сокращения рабочих мест и др. Законопроект получил одобрение Комитета Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам¹.

Понятно, что введение внешней администрации не равноценно национализации, к тому же данным законопроектом предусматривается управление материальными активами организаций, но ничего не говорится об управлении нематериальными активами.

---

¹ Отзыв на проект федерального закона № 104796–8 «О внешней администрации по управлению организацией». URL: <http://budget.council.gov.ru/activity/legislation/review/135597/> (дата обращения: 11.08.2025).

Тот факт, что данный законопроект до сих пор не принят и даже не обсуждался после первого чтения, свидетельствует не о его недоработанности, а, скорее, о наличии опасений отпугнуть потенциальных инвесторов вкладывать деньги в российскую экономику. Однако представляется, что совсем отказаться от возможности назначения внешнего управления было бы неверным. Поэтому, надо полагать, появился президентский указ «О временном управлении некоторым имуществом»².

Заметим лишь, что с национализацией у такого подхода мало общего, так что ни режимы, ни модели национализации в этом примере не рассматриваются.

6. Наконец обратим внимание на ст. 1360 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), озаглавленную «*Использование изобретения, полезной модели или промышленного образца в интересах национальной безопасности*». В диспозиции этой статьи говорится о «случае крайней необходимости, связанной с обеспечением обороны и безопасности государства, охраной жизни и здоровья граждан». Это как раз та ситуация, которая может возникнуть в результате осуществления санкционных мероприятий, направленных против российской экономики.

Как следует из пункта 1 данной статьи, Правительство Российской Федерации имеет в этом случае право принять решение об использовании запатентованного объекта без согласия патентообладателя, но с уведомлением его об этом в кратчайший срок и с выплатой ему соразмерной компенсации. Напомним, что национализация осуществляется чаще всего в экстренных случаях, с уведомлением патентообладателя и с выплатой ему компенсации [1, с. 95–96]. То есть норма данной статьи, хотя и касается только правомочия использования какого-либо объекта патентного права, в точности отвечает

---

² Указ Президента Российской Федерации от 25.04.2023 № 302 «О временном управлении некоторым имуществом». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202304250033> (дата обращения: 11.08.2025).

условиям проведения национализации. Очевидно, что данный случай подпадает под третий режим национализации и ему отвечает модель с условиями, в качестве которых понимаются санкции недружественных государств.

В п. 2 ст. 1360 ГК РФ на Правительство РФ возлагается обязанность определить размер компенсации и порядок ее выплаты правообладателю. Об этом подробнее ниже.

Итак, мы рассмотрели шесть примеров национализации или действий, напоминающих ее. Продолжение этого рассмотрения не имеет смысла, поскольку, как уже показано ранее, реальная национализация интеллектуальной собственности невозможна, и в данном случае все примеры представляют собой некие паллиативы, имеющие к национализации отдаленное (а некоторые – весьма отдаленное) отношение.

Тем не менее рассмотрим подробнее механизм признания исключительных прав на нематериальные объекты. Эти права признаются (устанавливаются) в каждой стране верховной властью, от лица которой выступает патентное ведомство этой страны. Такое признание происходит в случае соответствия объекта условиям, установленным верховной властью. В этих установлениях (позитивное – условное! – право) обычно предусматривается возможность как принудительного использования объекта с признанным исключительным правом в экстраординарных ситуациях, так и прекращения правовой охраны в предписанных в законе случаях. Подобные нормы содержатся в статьях 1360, 1398 и 1512 ГК РФ. Рассмотрим отдельные пункты этих статей.

Первая из указанных статей уже разбиралась в последнем примере, но для полноты рассмотрения приведем и ее текст.

«Статья 1360. Использование изобретения, полезной модели или промышленного образца в интересах национальной безопасности

1. Правительство Российской Федерации имеет право в случае крайней необходимости, связанной с обеспечением обороны и безопасности

государства, охраной жизни и здоровья граждан, принять решение об использовании изобретения, полезной модели или промышленного образца без согласия патентообладателя с уведомлением его об этом в кратчайший срок и с выплатой ему соразмерной компенсации.

2. Методика определения размера компенсации и порядок ее выплаты утверждаются Правительством Российской Федерации».

«Статья 1398. Признание недействительным патента на изобретение, полезную модель или промышленный образец

1. Патент на изобретение, полезную модель или промышленный образец может быть признан недействительным полностью или частично в случаях:

1) несоответствия изобретения, полезной модели или промышленного образца условиям патентоспособности, установленным настоящим Кодексом, или требованиям, предусмотренным пунктом 4 статьи 1349 настоящего Кодекса, а также несоответствия промышленного образца требованиям, предусмотренным статьей 1231.1 настоящего Кодекса;

2) несоответствия документов заявки на изобретение или полезную модель, представленных на дату ее подачи, требованию раскрытия сущности изобретения или полезной модели с полнотой, достаточной для осуществления изобретения или полезной модели специалистом в данной области техники;

3) наличия в формуле изобретения или полезной модели, которая содержится в решении о выдаче патента, признаков, не раскрытых на дату подачи заявки в документах, представленных на эту дату (пункт 2 статьи 1378), либо наличия в прилагаемых к решению о выдаче патента на промышленный образец материалах изображений изделия, включающих существенные признаки промышленного образца, отсутствующие на изображениях, представленных на дату подачи заявки, или изображений изделия, с которых удалены существенные признаки промышленного образца, имеющиеся на изображениях, представленных на дату подачи заявки (пункт 3 статьи 1378);

4) выдачи патента при наличии нескольких заявок на идентичные изобретения, полезные модели или промышленные образцы, имеющих одну и ту же дату приоритета, с нарушением условий, предусмотренных статьей 1383 настоящего Кодекса;

5) выдачи патента с указанием в нём в качестве автора или патентообладателя лица, не являющегося таковым в соответствии с настоящим Кодексом, либо без указания в патенте в качестве автора или патентообладателя лица, являющегося таковым в соответствии с настоящим Кодексом.

<...>».

«Статья 1512. Основания оспаривания и признания недействительным предоставления правовой охраны товарному знаку

<...>

2. Предоставление правовой охраны товарному знаку может быть оспорено и признано недействительным:

<...>

б) полностью или частично в течение всего срока действия правовой охраны, если действия правообладателя, связанные с предоставлением правовой охраны товарному знаку или сходному с ним до степени смешения другому товарному знаку, признаны в установленном порядке злоупотреблением правом либо недобросовестной конкуренцией.

<...>».

Очевидно, что нормы ст. 1398 ГК РФ в данном случае неприменимы. Первые четыре подпункта в пункте 1 этой статьи относятся к ошибкам или несоответствиям в описании и формуле. Проверка каждого патента, выданного по иностранной заявке, осуществляется Роспатентом на стадии экспертизы этой заявки, и повторная проверка проводится только по заявлению заинтересованного лица. Пятый подпункт в пункте 1 говорит о случае неуказания должного лица либо об указании недолжного лица в качестве автора или патентообладателя. Напомним, что, согласно п. 1 ст. 1374

ГК РФ, названной *«Подача заявки на выдачу патента на изобретение, полезную модель или промышленный образец»*:

«1. Заявка на выдачу патента на изобретение, полезную модель или промышленный образец подается в федеральный орган исполнительной власти по интеллектуальной собственности лицом, обладающим правом на получение патента в соответствии с настоящим Кодексом (заявителем).

<...>».

Если по заявке принимается решение о выдаче патента, то заявитель, которому и принадлежит право на получение этого патента, становится патентообладателем. Понятно, что патентообладателем по иностранной заявке становится иностранный заявитель, и российский суд не станет доискиваться, правомерно ли указан правообладатель в патенте РФ, выданном по такой заявке. Так что ст. 1398 ГК РФ принимать во внимание не будем и сосредоточимся на двух других отмеченных статьях.

Согласно п. 1 ст. 1360 ГК РФ, использование охраняемого результата интеллектуальной деятельности государством (правительством РФ) без согласия патентообладателя должно осуществляться с выплатой соразмерной компенсации. Здесь очень важным является определение упомянутой соразмерности. Вспомним второй из рассмотренных примеров о национализации на Кубе: в ответ на претензии со стороны США в размере \$7–8 млрд за национализированные активы американских компаний и кубинских эмигрантов власти Кубы потребовали компенсацию за финансово-экономическую блокаду острова с начала 1960-х годов в размере примерно \$100 млрд. В нашем случае необходимо использовать этот кубинский опыт, как уже отмечено в предыдущей публикации автора [7].

В случае подобного использования действующих в России патентов «недружественных» компаний, ушедших с нашего рынка, отечественные производители могли бы на основании таких патентов в кратчайшие сроки наладить выпуск и предложение критически важных объектов интеллектуальных прав, чтобы минимизировать отрицательные последствия

от ухода иностранных патентообладателей. Выплачивать же компенсацию (и выплачивать ли) патентообладателям следует с учетом всех издержек и потерь, которые понесет Россия от недружественного поведения этих патентообладателей.

Обратимся теперь к ст. 1512 ГК РФ, согласно которой правовая охрана товарного знака может быть признана недействительной, если действия правообладателя сочтены злоупотреблением правом либо недобросовестной конкуренцией. При этом упомянутые действия уточнены как «связанные с предоставлением правовой охраны товарному знаку или сходному с ним до степени смешения другому товарному знаку». Напомним, что во втором абзаце пункта 1 рассматриваемой статьи 1512 говорится следующее:

«Признание недействительным предоставления правовой охраны товарному знаку влечет отмену решения федерального органа исполнительной власти по интеллектуальной собственности о регистрации товарного знака».

Отмена решения о регистрации товарного знака означает, что такая регистрация была ошибочной с самого начала, поскольку заявленный на регистрацию товарный знак подпадал под основания для отказа в регистрации согласно ст. 1483 ГК РФ. В данном случае нас интересуют абсолютные основания для отказа, перечисленные в пунктах 1–5 указанной статьи. Среди них наиболее подходящим для нас представляется основание, записанное в подпункте 2 пункта 3:

«3. Не допускается государственная регистрация в качестве товарных знаков обозначений, представляющих собой или содержащих элементы:

<...>.

2) *противоречащие общественным интересам, принципам гуманности и морали*» (Прим. – *Выделено автором*).

Национализация, напомним, проводится «в интересах общества и государства» [1, с. 96], следовательно, выделенное выше основание вполне годится в данном случае. Санкции недружественных государств, безусловно,

противоречат общественным интересам, поэтому, если представленные на российском рынке компании, инкорпорированные в таких государствах, объявили о своем уходе с нашего рынка, то данное поведение невозможно оценить иначе, нежели как противоречащее общественным интересам. Но тогда товарные знаки (часто называемые в средствах массовой информации «бренды») таких компаний, зарегистрированные в России, неизбежно подпадают под вышеуказанное основание для отказа в регистрации.

Никого не должно смущать то обстоятельство, что подобные знаки были зарегистрированы до того, как их правообладатели заявили об уходе из России. Во-первых, согласно подп. 1 п. 2 ст. 1512 ГК РФ:

«2. Предоставление правовой охраны товарному знаку может быть оспорено и признано недействительным:

1) полностью или частично в течение всего срока действия исключительного права на товарный знак, если правовая охрана была ему предоставлена с нарушением требований пунктов 1–5, 8 и 9 статьи 1483 настоящего Кодекса; <...>».

А, во-вторых, императивная норма из п. 3 ст. 1483 ГК РФ (попадающего в перечисление пунктов 1–5 в процитированном перед этим тексте) не предусматривает никаких изъятий.

Поэтому представляется уместным предложить применение этой нормы к товарным знакам тех компаний, которые можно условно называть недружественными. Прекращение правовой охраны таких товарных знаков откроет дорогу для регистрации как совпадающих, так и сходных товарных знаков отечественных производителей для маркировки своей продукции, заменяющей продукцию ушедших зарубежных компаний. При этом продукция этих зарубежных компаний, появляющаяся все же на российском рынке с маркировкой знаками, регистрация которых прекращена, должна считаться контрафактной со всеми вытекающими последствиями, как о том говорится и в п. 1 ст. 1515 ГК РФ:

«Товары, этикетки, упаковки товаров, на которых незаконно размещены товарный знак или сходное с ним до степени смешения обозначение, являются контрафактными».

Напомним и норму п. 3 ст. 1484 ГК РФ:

«Никто не вправе использовать без разрешения правообладателя сходные с его товарным знаком обозначения в отношении товаров, для индивидуализации которых товарный знак зарегистрирован, или однородных товаров, если в результате такого использования возникнет вероятность смешения».

На наш взгляд, такая практика окажется эффективнее тех предложений, которые уже прозвучали в средствах массовой информации, к примеру, уменьшение срока неиспользования товарного знака с момента объявления его правообладателя об уходе с российского рынка [13].

Заключение

Сделанные в данной статье предложения полностью отвечают, как уже установленной в предыдущих работах по указанной НИР 6-ГЗ-2023 невозможности национализации объектов интеллектуальных прав, так и прямо выраженной позиции российского руководства, исключившего национализацию западных компаний в нашей стране [14]. В то же время такие предложения вполне возможны в качестве мер борьбы с негативными последствиями ухода зарубежных компаний с российского рынка вследствие западных санкций.

Список источников

1. Аракелова А.О. и др. Методология исследования национализации интеллектуальной собственности. – Москва: Юрсервитум, 2023. – 152 с.
2. Ларина Т.Ю. и др. Анализ состояния нормативных правовых актов, государственных программ/проектов, механизмов национализации объектов интеллектуальной собственности в зарубежных государствах. – Москва: Юрсервитум, 2023. – 118 с.
3. Аракелова А.О. и др. Правовые режимы и модели национализации интеллектуальных прав в государствах глобального Юга. – Москва: Юрсервитум, 2024. – 94 с.

4. Голубев Е.В. и др. Правовые режимы и модели национализации прав на интеллектуальную собственность на примерах государств глобального Севера. – Москва: Юрсервитум, 2024. – 76 с.

5. Ревинский О.В. Правовая охрана и национализация прав на средства индивидуализации товаров в зарубежных государствах / О.В. Ревинский. – Москва: Юрсервитум, 2024. – 94 с.

6. Россия возвращается. С чем связана волна национализации частных предприятий. URL: <https://ukraina.ru/20240303/1053671318.html> (дата обращения: 15.01.2025).

7. Ревинский О.В. Возможности национализации интеллектуальных прав // IP: теория и практика / О.В. Ревинский. – 2025. – № 1. – С. 92–103.

8. Text of H.R. 1505 (118th): No Stolen Trademarks Honored in America Act of 2023 (Passed Congress version) – GovTrack.us. URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/118/hr1505/text> (дата обращения: 15.08.2025).

9. Евстратов А.Э. Национализация (экспроприация) собственности иностранных инвесторов: актуальные проблемы / А.Э. Евстратов, И.Ю. Гученков // Правоприменение, 2022, Т. 6, № 2. С. 147–158.

10. Петров Е.Н. Африканский опыт национализации объектов интеллектуальной собственности / Е.Н. Петров, О.В. Ревинский // IP: теория и практика. 2024. № 2. С. 83–92.

11. Знаковое решение. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6312469> (дата обращения: 11.08.2025).

12. Национализация: возврат в прошлое или эффективная мера? URL: <https://legalacademy.ru/sphere/post/nacionalizaciya-vozvrat-v-proshloe-ili-effektivnaya-mera> (дата обращения: 11.08.2025).

13. Враждебность товарного знака. URL: <https://pravo.ru/opinion/253910/> (дата обращения: 11.08.2025).

14. МИД исключил национализацию западных компаний в России. URL: <https://www.rbc.ru/business/29/05/2024/6656a6569a794781d577a210> (дата обращения: 11.08.2025).

References

1. Arakelova A.O. et al. Methodology for researching the nationalization of intellectual property. – Moscow: *Yurservitum Publ.*, 2023. – 152 p. (in Russ.).

2. Larina T.Yu. et al. Analysis of the status of regulatory legal enactments, state programs/projects, mechanisms of nationalizing objects of intellectual property in foreign states. – Moscow: *Yurservitum Publ.*, 2023. – 118 p. (in Russ.).

3. Arakelova A.O. et al. Legal regimes and models of nationalizing intellectual rights in global South states. – Moscow: *Yurservitum Publ.*, 2024. – 94 p.
4. Golubev E.V. et al. Legal regimes and models of nationalizing rights on intellectual property by the example of global North states. – Moscow: *Yurservitum Publ.*, 2024. – 76 p. (in Russ.).
5. Revinskiy O.V. Legal safeguard and nationalization of rights on means for individualizing goods in foreign states. – Moscow: *Yurservitum Publ.*, 2024. – 94 p. (in Russ.).
6. Russia returns. The reason for a wave of private business nationalization. С чем связана волна национализации частных предприятий. URL: <https://ukraina.ru/20240303/1053671318.html> (date of access: 15.01.2025) (in Russ.).
7. Revinskiy O.V. Possibilities for nationalizing intellectual rights. *IP: teoriya i praktika = IP: Theory and Practice*. 2025. No 1. P. 92–103 (in Russ.).
8. Text of H.R. 1505 (118th): No Stolen Trademarks Honored in America Act of 2023 (Passed Congress version) – GovTrack.us. URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/118/hr1505/text> (date of access: 15.08.2025) (in Russ.).
9. Evstratov A.E., Guchenkov I.Yu. Nationalization (expropriation) of foreign investor's property: relevant issues. *Law Enforcement Review*. 2022, vol. 6, no. 2. Pp. 147–158 (in Russ.).
10. Petrov E.N., Revinskiy O.V. African experience in nationalizing intellectual property objects. *IP: teoriya i praktika = IP: Theory and Practice*. 2024. No. 2. P. 83–92 (in Russ.).
11. Character decision. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6312469> (date of access: 11.08.2025) (in Russ.).
12. Nationalization: return to foretime or effective measure? URL: <https://legalacademy.ru/sphere/post/nacionalizaciya-vozvrat-v-proshloe-ili-effektivnaya-mera> (date of access: 11.08.2025) (in Russ.).
13. Hostility of trademark. URL: <https://pravo.ru/opinion/253910/> (date of access: 11.08.2025) (in Russ.).
14. Foreign Office has excluded the nationalization of western companies in Russia. URL: <https://www.rbc.ru/business/29/05/2024/6656a6569a794781d577a210> (date of access: 11.08.2025) (in Russ.).

Статья поступила 26.08.2025, принята к публикации: 10.09.2025.

© Ревинский О.В., 2025

Научная статья

УДК 340.130

**Диалектика частных и публичных интересов
в национальной правовой системе: теоретико-правовой анализ
на примере принудительного лицензирования**

Алексей Павлович Альбов,

Российская государственная академия

интеллектуальной собственности, Москва, Россия

Доктор юридических наук, профессор,

профессор кафедры гражданского и предпринимательского права

aap62@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1716-0177>

Аннотация. Исследуются теоретико-правовые аспекты соотношения частных и публичных интересов в правовой системе на примере института принудительного лицензирования. Анализируются исторические истоки данной проблематики в римском праве, где впервые были сформулированы принципы сосуществования публичной и частной сфер. Рассматривается философское осмысление этой дихотомии в гегелевской диалектике, выявляются методологические затруднения при определении публичного интереса в современной юриспруденции. При этом особое внимание уделяется анализу концептуальных подходов к определению пределов государственного вмешательства в частноправовую сферу. Обосновывается необходимость разработки динамической модели пропорциональности и верифицируемых процедур выявления публичного интереса, способных преодолеть теоретические противоречия между защитой частных прав и обеспечением общественного блага.

Ключевые слова: принципы и ценность права, принудительное лицензирование, баланс интересов, публичный интерес, пропорциональность, справедливость, интеллектуальная собственность, ограничение прав, распределение благ, правовое регулирование.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках НИР «Принудительное лицензирование по мотивам государственного,

общественного и иного публичного интереса: правовой и социально-экономический аспект» (5-ГЗ-2023).

Для цитирования: Альбов А.П. Диалектика частных и публичных интересов в национальной правовой системе: теоретико-правовой анализ на примере принудительного лицензирования / Альбов А.П. // IP: теория и практика. – 2025. – № 3 (11).

Original article

**Dialectics of private and public interests
in the national legal system: theoretical and legal analysis
on the example of compulsory licensing**

Alexey P. Albov,

Russian State Academy

Intellectual Property, Moscow, Russia

Doctor of Law, Professor,

Professor of the Department of Civil and Business Law

aap62@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1716-0177>

Abstract. The theoretical and legal aspects of the correlation of private and public interests in the legal system are investigated using the example of the institute of compulsory licensing. The article analyzes the historical origins of this issue in Roman law, where the principles of the coexistence of public and private spheres were formulated for the first time. The philosophical interpretation of this dichotomy in the Hegelian dialectic is considered, and methodological difficulties in determining the public interest in modern jurisprudence are revealed. At the same time, special attention is paid to the analysis of conceptual approaches to determining the limits of state intervention in the private legal sphere. The necessity of developing a dynamic model of proportionality and verifiable procedures for identifying public interest capable of overcoming theoretical contradictions between the protection of private rights and ensuring the public good is substantiated.

Key words: principles and value of law, compulsory licensing, balance of interests, public interest, proportionality, fairness, intellectual property, limitation of rights, distribution of benefits, legal regulation.

Financing: The study was carried out within the framework of the research project "Compulsory licensing based on state, public and other public interests: legal and socio-economic aspects" (5-GZ-2023).

For citation: Albov A.P. Dialectics of private and public interests in the national legal system: theoretical and legal analysis on the example of compulsory licensing // IP: Theory and Practice. 2025. No. 3 (11).

Введение

В современной социально-экономической обстановке проблема соотношения защиты частных прав и обеспечения публичных интересов приобретает все большее значение. Это противоречие становится особенно острым в период трансформации общественного устройства и правовых парадигм, когда традиционные представления о неприкосновенности частной собственности вступают в сложное взаимодействие с необходимостью обеспечения общественного блага. Именно теория права как базовая фундаментальная дисциплина призвана сформировать доктрину для решения подобных отраслевых вопросов.

Существующий пробел в национальной правовой доктрине, где отсутствует целостная теоретическая модель разрешения подобных противоречий, создает неопределенность для правоприменителей и затрудняет гармоничное развитие правовой системы. Разработка методологии определения справедливого баланса интересов представляется одной из наиболее актуальных задач современной юридической науки.

Данное исследование направлено на разработку теоретико-правовой модели взаимодействия частных и публичных интересов в национальной правовой системе. В рамках работы анализируются основные закономерности их соотношения и предлагаются принципы, обосновывающие допустимость ограничения частных прав в публичных интересах. Исследование также предполагает формирование критериев оценки государственного вмешательства в частноправовую сферу на основе принципа пропорциональности.

Научная гипотеза исследования состоит в предположении, что диалектическое взаимодействие частных и публичных интересов в национальной правовой системе основывается на принципе пропорциональности, требующем теоретического обоснования критериев допустимого ограничения частных прав. Предполагается, что данный принцип позволяет преодолеть формальное противопоставление частных и публичных интересов через разработку теоретико-правовой модели их сбалансированного сосуществования.

Методы

Методологическую основу исследования составляет комплекс взаимодополняющих научных методов. Диалектический метод применяется для анализа взаимодействия частного и публичного интереса, что позволяет выявить внутренние закономерности их взаимосвязи. Формально-юридический метод используется для анализа правовых конструкций и институтов, в которых находит отражение исследуемый конфликт интересов. Аксиологический – позволяет определить иерархию правовых ценностей и их соотношение в контексте защиты разнонаправленных интересов. Структурно-функциональный анализ применяется для выявления функций государственного вмешательства в частноправовую сферу и определения его целевой направленности. Комплексное использование указанных методов обеспечивает всестороннее исследование теоретико-правовой проблематики диалектики частных и публичных интересов.

Основное исследование

Теоретические истоки дихотомии частных и публичных интересов обнаруживаются в римском правовом наследии, где формула Ульпиана *Publicum jus est quod ad statum rei Romanae spectat, privatum quod ad singulorum utilitatem* не только разграничила две сферы правового регулирования, но и заложила фундаментальный принцип их взаимодействия. Римские юристы

создали многоуровневую систему правовых конструкций, обеспечивающих их сосуществование: от *actiones populares*, защищавших публичный интерес через частную инициативу, до института *dominium eminens*, допускавшего ограничение частной собственности в общественных целях при условии справедливой компенсации [1].

Эта правовая диалектика получила философское осмысление в системе Г.В.Ф. Гегеля, где антиномия частного и публичного преодолевается через диалектическое «снятие» (*Aufhebung*) – государство не подавляет, а интегрирует частные интересы, образуя высшую форму нравственности, в которой объективная свобода государства и субъективная свобода личности образуют органическое единство [2].

Современная теория права требует дальнейшего развития этих идей через разработку динамической модели пропорциональности, преодолевающей как либеральный индивидуализм, абсолютизирующий частный интерес, так и этатистский коллективизм, превращающий публичный интерес в инструмент подавления личности. Необходимо теоретическое обоснование системы гибких критериев легитимности государственного вмешательства, учитывающих как нормативную иерархию ценностей, так и конкретно-исторический контекст их реализации.

Методологические сложности, с которыми сталкивается исследователь при рассмотрении вопроса об определении публичного интереса в философии Гегеля, связаны с диалектикой объективного и субъективного. Ключевое противоречие состоит в том, что публичный интерес – объективная категория, превосходящая механическую сумму частных интересов, но при этом отсутствуют конкретные критерии его идентификации: «Государство действительно, и его действительность состоит в том, что интерес целого реализуется, распадаясь на особенные цели» [3], государство выступает как воплощение разумной всеобщности, однако методологически не разрешает вопрос о способах верификации соответствия государственных решений

объективному публичному благу, оставляя открытым вопрос о потенциальном конфликте между декларируемым и действительным публичным интересом.

В современной теории права и государства эта проблема приобретает уже не только теоретический характер, сколько – практический в виде следующих методологических затруднений: отсутствие верифицируемых процедур выявления публичного интереса; сложность отделения подлинно публичного интереса от корпоративно-бюрократических интересов государственного аппарата; методологическая неопределенность критериев агрегирования разнонаправленных социальных интересов в единый публичный интерес. Эти пробелы требуют разработки интегративной теоретико-правовой концепции, способной установить рациональные процедурные и содержательные критерии определения публичного интереса, отвечающие принципам правового государства и пропорциональности ограничений.

В современной правовой доктрине сформировались три основные концепции пределов государственного вмешательства.

Либертарианская модель исходит из примата индивидуальных прав и концепции «негативной свободы». Ее фундаментальный принцип – презумпция невмешательства в частную сферу, при которой публичный интерес признается лишь производным от частного. Опираясь на философию Ф.А. фон Хайека и Р. Нозика, эта модель устанавливает, что государственное регулирование допустимо исключительно в случаях явной угрозы правам третьих лиц. Таким образом, либертарианский подход стремится к максимальной минимизации государственного вмешательства, последовательно отстаивая приоритет частных интересов над публичными [4; 5; 6].

Утилитарная модель, разработанная И. Бентамом и Д.С. Миллем, представляет собой прагматичный инструментальный подход к оценке правовых решений: легитимность государственного вмешательства определяется через количественный анализ совокупной общественной

полезности; ограничения допустимы, когда общественные выгоды превышают издержки. Полезность утилитарной модели заключается в ее рациональном, математически обоснованном подходе к принятию решений, что позволяет проводить cost-benefit анализ нормативных актов, обеспечивая прозрачные критерии оценки эффективности законодательства. Очевидно, что применение утилитарной методологии может способствовать развитию экономического анализа права и созданию таких регуляторных инструментов, которые будут максимизировать общественное благосостояние. При этом важно учитывать, что потенциальным недостатком чистого утилитаризма может стать недостаточная защита прав меньшинств ради блага большинства [7].

Социальная модель, разработанная Дж. Роулзом и Р. Дворкином, стремится к оптимальному балансу между индивидуальными правами и общественным благом. Она основывается на концепции справедливости как честности, где общественный договор заключается за «завесой неведения», когда участники не знают своего положения в будущем обществе. В отличие от утилитаризма, эта модель защищает права меньшинств, а в отличие от либертарианства, признает необходимость государственного регулирования для обеспечения справедливого распределения ресурсов. Социальная модель допускает ограничение частных прав, но с соблюдением принципа приоритета основных свобод. Ключевым критерием оценки справедливости – положение наименее обеспеченных членов общества. Государственное вмешательство легитимно, тогда и только тогда, когда оно направлено не только на защиту от причинения вреда, но и на создание условий для подлинного равенства возможностей, при согласовании индивидуальной свободы и требований общественной солидарности [8; 9].

Коммуникативная теория Ю. Хабермаса предлагает дискурсивный механизм легитимации, где пределы вмешательства определяются в процессе рационального общественного диалога. Хабермас фокусируется не на калькуляции полезности или защите априорных прав, а на качестве

демократического процесса формирования решений. Практическое применение этой теории воплощается в концепции «рефлексивного права», где нормы возникают в процессе структурированной коммуникации между различными социальными группами. В правоприменении этот дискурс обосновывает важность публичного обсуждения [10].

В рамках настоящего исследования практическая ценность этих концепций состоит в возможности формировании методологического инструментария для оценки государственного регулирования. Оценка легитимности ограничений частных прав опирается на систему взаимосвязанных критериев.

Если рассматривать право как воплощение идеи свободы и понимать его через концепцию «снятия» (*Aufhebung*) противоречий между частным и общим, то на этом основании в современной юриспруденции можно выделить систему рациональных критериев: первый – легальность, требующая формального закрепления ограничений в законе, что соответствует римскому принципу *Libertas est potestas faciendi id quod jure licet*; второй – наличие легитимной цели, соответствующей общепризнанным публичным интересам, что отражает гегелевское понимание государства как воплощения нравственной идеи; третий – необходимость ограничения в демократическом обществе в соответствии с социальными потребностями, прямо вытекающее из диалектического соотношения общего и частного, зафиксированная еще в римской конструкции Цицероном – *Salus populi suprema lex esto*; четвертый – пропорциональность ограничения преследуемой цели, что логически завершает процесс диалектического синтеза частного и публичного интересов в конкретно-исторических условиях – *Jus est ars boni et aequi* (Цельс).

В судебной практике эти критерии образуют последовательный тест, позволяющий дифференцировать правомерные ограничения от неконституционного вмешательства.

Принцип пропорциональности, восходящий к римской доктрине *Moderamen inculpatae tutelae*, представляет собой многоуровневый механизм

оценки государственного вмешательства, первоначально он применялся в контексте самообороны и требовавший, чтобы защита была соразмерна нападению, со временем эволюционировал в универсальное требование соразмерности любого правового ограничения. В римском праве он отражал фундаментальное понимание того, что даже легитимная цель не может оправдывать чрезмерные меры, а средства должны соответствовать преследуемым целям по своей интенсивности и объему вмешательства.

Этот принцип можно разложить на триаду:

- 1) пригодность (способность избранной меры достигать легитимной цели);
- 2) необходимость (отсутствие менее ограничительных альтернатив);
- 3) соразмерность в узком смысле (баланс между преимуществами для публичного интереса и тяжестью ограничений частных прав).

Ценность этого принципа состоит в том, что он позволяет перевести абстрактный конфликт интересов в плоскость рациональной юридической аргументации, обеспечивая структурированный подход к решению сложных коллизий публичного и частного в правовой сфере, т.е. в государстве справедливость достигается, когда необходимое ограничение частного интереса возвышает его до подлинно всеобщего, преодолевая, таким образом, их мнимое противоречие в разумном синтезе.

Современная теоретическая модель должна исходить из того, что право собственности не является самоцелью, а служит средством реализации личности в социуме, что порождает двойственность его природы: с одной стороны, собственность обеспечивает автономию личности; с другой – создает асимметрию доступа к ресурсам, требующую корректировки. Отсюда вытекает теоретическое обоснование возможности налогообложения, сервитутов, изъятия для общественных нужд и иных форм ограничения права собственности. Таким образом, принудительное лицензирование можно рассматривать как прямое проявление баланса между индивидуальными правами собственности и общественной пользой, где государство выступает

механизмом корректировки рыночного распределения прав в ситуациях, когда абсолютизация частных прав создает критические препятствия для реализации общественных интересов.

Теоретическое обоснование справедливого распределения благ в национальной правовой системе базируется на синтезе формального и материального понимания справедливости.

Формальная справедливость требует равного применения права к равным случаям, что выражается в принципе равенства перед законом. Еще в римском праве существовал принцип *Salus populi suprema lex esto*, который обосновывал возможность ограничения частных прав ради общественного блага. Аристотель также различал два вида справедливости: распределительную (distributive) и уравнивающую (corrective) [11]. Принудительное лицензирование можно рассматривать как механизм распределительной справедливости, направленный на более справедливое распределение доступа к интеллектуальным благам.

Материальная справедливость ориентирует на достижение определенного результата распределения, учитывая исходное неравенство возможностей. Современная теория права обосновывает необходимость сочетания процедурной справедливости (честность правил игры) и распределительной справедливости (корректировка результатов).

В национальной правовой системе это находит выражение в дифференциации правового регулирования, позитивной дискриминации, прогрессивном налогообложении. Принципиально важно, что эти механизмы должны рассматриваться не как изъятие из принципа формального равенства, а как его диалектическое развитие в конкретно-исторических условиях, обеспечивающее переход от декларативного к фактическому равенству возможностей.

Институт принудительного лицензирования представляет собой классический пример теоретико-правового механизма балансирования частных и публичных интересов. В его основе лежит концептуальное

противоречие между исключительным правом патентообладателя на результат интеллектуальной деятельности и общественной потребностью в доступе к социально значимым технологиям.

Теоретическая модель этого института строится на признании того, что исключительное право не является абсолютным, а имеет имманентные социальные ограничения. При этом правовая конструкция принудительного лицензирования воплощает несколько ключевых теоретико-правовых принципов:

- 1) признание легитимности ограничения частного интереса в исключительных случаях;
- 2) сохранение экономической основы права интеллектуальной собственности через механизм справедливой компенсации;
- 3) процедурные гарантии, предотвращающие произвольное применение данного механизма.

Такое сочетание элементов делает принудительное лицензирование наглядной иллюстрацией теории «внутренних ограничений» права собственности, согласно которой монополия патентообладателя изначально содержит в себе предпосылки для социального контроля.

Принудительное лицензирование воплощает классическую структуру принципа пропорциональности, последовательно реализуя все его элементы. Критерий пригодности проявляется в том, что данный механизм непосредственно обеспечивает доступ к запатентованной технологии, устраняя патентную блокаду.

Критерий необходимости отражается в предварительном требовании исчерпать возможности добровольного лицензирования, прежде чем прибегать к принудительным мерам. Наконец, критерий соразмерности в узком смысле выражается в балансировании между общественной выгодой от расширения доступа к технологии и экономическими потерями патентообладателя. Этот баланс обеспечивается через механизм

справедливого вознаграждения, рассчитываемого на основе рыночных параметров.

Ключевая теоретическая проблема принудительного лицензирования заключается в определении содержания «публичного интереса», оправдывающего вмешательство в исключительное право. Международное право и национальные законодательства используют различные формулировки: «чрезвычайные обстоятельства», «здравоохранение», «национальная безопасность» – однако критерии их установления остаются дискуссионными.

Возникает теоретический вопрос о субъекте квалификации: должен ли публичный интерес определяться законодательно, административно или судебным решением? Проблематичен и вопрос о соотношении количественных и качественных параметров: является ли публичным интересом обеспечение доступа к технологии для максимально широкого круга лиц или защита фундаментальных прав ограниченной группы? Отдельную теоретическую проблему составляет темпоральное измерение публичного интереса: краткосрочный интерес в расширении доступа к существующим технологиям может противоречить долгосрочному интересу в стимулировании инноваций. Эти вопросы наглядно демонстрируют, что публичный интерес – не статичная категория, а динамичная конструкция, требующая контекстуального анализа в каждом конкретном случае и процедурных механизмов легитимации принимаемых решений.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает, что диалектика частных и публичных интересов представляет собой фундаментальное противоречие, пронизывающее всю правовую систему. Исторический анализ показал эволюцию теоретических подходов от абсолютизации частного интереса в классических либеральных доктринах к признанию необходимости их сбалансированного взаимодействия в современной теории права.

Принципиально важным результатом исследования стало выявление неправомерности противопоставления частных и публичных интересов как антагонистических категорий. Более продуктивным представляется их понимание как взаимодополняющих элементов единой социально-правовой системы, где публичный интерес включает защиту частных прав в качестве своего необходимого компонента, а реализация частного интереса невозможна без стабильной системы публичного порядка.

В результате исследования можно сформулировать следующие теоретические принципы соотношения частных и публичных интересов: принцип презумпции приоритета частного интереса, который может быть опровергнут только при наличии весомых обоснований публичной необходимости; принцип минимального необходимого вмешательства, требующий выбора наименее ограничительных средств достижения легитимных публичных целей; принцип справедливой компенсации при ограничении частных прав в публичных интересах; принцип процедурной справедливости при определении баланса интересов; принцип динамического равновесия, предполагающий контекстуальный подход к определению оптимального соотношения интересов в конкретных исторических условиях.

Разработанная теоретическая модель легитимации государственного вмешательства представляет собой многоуровневую структуру, включающую нормативный, процедурный и содержательный компоненты:

- нормативный компонент требует законодательного закрепления оснований и пределов вмешательства;
  - процедурный компонент предполагает соблюдение установленного порядка принятия решений, обеспечивающего учет различных интересов;
  - содержательный компонент включает оценку соответствия вмешательства критериям пропорциональности: наличие легитимной цели, пригодность избранных средств, их необходимость и соразмерность.
- Предложенная модель преодолевает ограниченность как формально-позитивистского подхода, сводящего легитимность к соблюдению процедуры,

так и естественно-правового подхода, апеллирующего к абстрактным ценностям, создавая операциональный механизм практической оценки легитимности.

Особую актуальность приобретает разработка теоретических моделей, обеспечивающих баланс интересов в условиях глобальных вызовов, требующих координации усилий как на национальном, так и на международном уровне.

Список источников

1. Кашаев К.А. Соотношение частных и публичных интересов в цивилистическом правовом регулировании: баланс или солидарность? / К.А. Кашаев // Пробелы в российском законодательстве. – 2023. – Т. 16. – № 8. – С. 126–131.
2. Гегель Г.В.Ф. Философия права [Пер. с нем.] / АН СССР, Ин-т философии / Г.В.Ф. Гегель. – Москва: Мысль, 1990. – 524 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Философия истории / Г.В.Ф. Гегель. – Москва: Гос. соц.-эк. изд-во, 1935. – 468 с.
4. Нозик Р. Анархия, государство и утопия / Пер. с англ. Б. Пинскера, под ред. Ю. Кузнецова и А. Куряева / Р. Нозик. – Москва: ИРИСЭН, 2008. – 424 с.
5. Хайек Ф.А. фон. Дорога к рабству; пер. с англ. / Ф.А. фон Хайек. – Москва: Либеральная миссия: Новое изд-во, 2005. – 264 с.
6. Хайек Ф.А. фон. Пагубная самонадеянность: ошибки социализма; пер. с англ. под. ред. У.У. Бартли / Ф.А. фон Хайек. – Москва: Новости, 1992. – 302 с.
7. Дмитриев А.В. Теория общего блага и утилитаризм в истории учений о праве и государстве // Вестник Гуманитарного университета / А.В. Дмитриев. – 2023. – № 3 (42). – С. 99–108.
8. Ролз Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995. – 534 с.
9. Макеева Л.Б. Философия эгалитарного либерализма в США: Джон Ролз и Рональд Дворкин // История философии / Л.Б. Макеева. – 2005. – № 12. – С. 45–62.
10. Хабермас Ю. Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика; пер. с нем. Т. Атнашева / Ю. Хабермас. – Москва: Новое литературное обозрение, 2023. – 104 с.
11. Аристотель. Никомахова этика. – Москва: Азбука. – 2022. – 448 с.

References

1. Kashaev K.A. Correlation of private and public interests in civil legal regulation: balance or solidarity? *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian legislation*. 2023. Vol. 16. No. 8. Pp. 126–131 (in Russ.).
2. Hegel G.V.F. *Filosofiya prava = Philosophy of law*. USSR Academy of Sciences, Institute of Philosophy. Moscow: Mysl Publ., 1990. 524 p. (in Russ.).
3. Hegel G.V.F. *Filosofiya istorii = Philosophy of history*. Moscow: State Social and Economic Publishing House, 1935, 468 p. (in Russ.).
4. Nozik, R. *Anarkhiya, gosudarstvo i utopiya = Anarchy, the state and utopia* / Translated from English by B. Pinsker, edited by Yu. Kuznetsov and A. Kuryaev. Moscow: IRISEN Publ., 2008. 424 p. (in Russ.).
5. Hayek F.A. background. *Doroga k rabstvu = The Road to Slavery* / Translated from English – Moscow: Liberal Mission: New publishing house, 2005. 264 p. (in Russ.).
6. Hayek F.A. *Pagubnaya samonadeyannost': oshibki sotsializma = Pernicious arrogance: The Mistakes of Socialism* / Translated from English under the editorship of W.W. Bartley. Moscow: Novosti Publ., 1992. 302 p. (in Russ.).
7. Dmitriev A.V. Theory of the common good and utilitarianism in the history of the teachings of law and the state. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta = Bulletin of the University of Humanities*. 2023. No. 3 (42). Pp. 99–108 (in Russ.).
8. Rawls J. *Teoriya spravedlivosti = The theory of justice*. Novosibirsk: Publishing House of Novosibirsk University, 1995. 534 p. (in Russ.).
9. Makeeva L.B. Philosophy of egalitarian liberalism in the USA: John Rawls and Ronald Dworkin. *Istoriya filosofii = History of Philosophy*. 2005. No. 12. Pp. 45–62 (in Russ.).
10. Habermas Yu. *Novaya strukturnaya transformatsiya publichnoy sfery i deliberativnaya politika = A new structural transformation of the public sphere and deliberative policy* / translated from German by T. Atnashev. Moscow: New Literary Review, 2023. 104 p. (in Russ.).
11. Aristotle. *Nikomakhova etika = Nicomachean ethics*. Moscow: ABC Publ. 2022. 448 p. (in Russ.).

Статья поступила 11.08.2025, принята к публикации: 19.08.2025.

© Альбов А.П., 2025

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Научная статья

УДК 347.1

Искусственный интеллект в системе юридических понятий

Владислав Викторович Груздев,

Российская государственная академия

интеллектуальной собственности, Москва, Россия

И.о. декана юридического факультета,

доктор юридических наук, доцент

gruzvlad@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4236-8140>

Аннотация. В статье исследуется проблема правосубъектности искусственного интеллекта. Доказывается, что правосубъектность есть признанная правопорядком способность юридически значимого проявления воли, т.е. облеченная в правовую форму волевая способность людей и их организованных коллективов. Искусственный интеллект гипотетически может приобрести волевою способность и, как следствие, стать субъектом права лишь в случае создания аналога человеческого сознания. Сделан вывод о необходимости специального регулирования отношений по поводу результатов интеллектуальной деятельности, созданных при использовании искусственного интеллекта, учитывая, что нормы части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации в действующей редакции определяют правовой режим результатов интеллектуальной деятельности, созданных человеком.

Ключевые слова: авторство, результаты интеллектуальной деятельности, искусственный интеллект, правосубъектность, волевая способность.

Для цитирования: Груздев В.В. Искусственный интеллект в системе юридических понятий / В.В. Груздев // IP: теория и практика. – 2025. – № 3 (11).

Artificial intelligence in the system of legal concepts

Vladislav V. Gruzdev,

Russian State Academy
 of Intellectual Property, Moscow, Russia
 Acting Dean of the Faculty of Law,
 Doctor of Law, docent
 gruzvlad@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4236-8140>

Abstract. The article explores the problem of the legal personality of artificial intelligence. It is proved that legal personality is the ability of a legally significant manifestation of will recognized by a legal person, that is, the volitional ability of people and their organized collectives clothed in a legal form. Artificial intelligence can hypothetically acquire volitional ability and, as a result, become a subject of law only if an analogue of human consciousness is created. It is concluded that the legal regime of the results of intellectual activity created using artificial intelligence should be determined based on the general provisions of civil legislation. At the same time, the norms of Part four of the Civil Code of the Russian Federation in actual redaction are applicable by analogy with the law (subject to the necessary conditions), as well as in order to establish violations of the rights of others when using artificial intelligence.

Key words: authorship; results of intellectual activity; artificial intelligence; legal personality; volitional ability

For citation: Gruzdev V.V. Artificial intelligence in the system of legal concepts // IP: Theory and Practice. 2025. No. 3 (11).

Введение

Тема искусственного интеллекта является одной из самых обсуждаемых в современном обществе. Нередко понятие искусственного интеллекта используют без должного осмысления и встраивания в развивавшуюся веками систему теоретических знаний. Избежать подобных ошибок позволяет обращение к основополагающим понятиям и категориям, разработанным социально-гуманитарными науками, прежде всего отечественной юриспруденцией.

Методы

В процессе исследования применялись методы: общенаучные (анализ, синтез, абстрагирования, логический, восхождения от абстрактного к

конкретному, аналогия, индукция, дедукция), специально-юридические (формально-юридический, толкования правовых норм, структурно-функциональный, межотраслевой).

Основное исследование

Согласно п. 2 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных», искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека; указанный комплекс включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру (в том числе информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации), программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

Из приведенных положений закона определенно следует, что речь идет о предназначенных для использования в «духовном» производстве *объектах* общественных отношений.

Безусловно, искусственный интеллект создает результаты интеллектуальной деятельности. Некоторыми учеными предлагается признать его автором, в том числе соавтором человека. В этом случае неизбежно наделение в той или иной мере искусственного интеллекта качествами *субъекта права*, т.е. предоставление ему правосубъектности.

В юриспруденции *правосубъектность* является, без преувеличения, ключевой категорией. Способность быть участником правоотношений принадлежит только людям. Иные мнения на этот счет являются следствием ошибочного методологического подхода к выявлению сущности правосубъектности, когда исследования проводятся с использованием исключительно формально-догматического приема, а акцент делается на юридические формы.

С.С. Алексеев подчеркивает, что в качестве непосредственного предмета правового регулирования выступает волевое поведение участников общественных отношений. Поэтому существенной особенностью таких отношений является то, что они могут быть предметом правового воздействия лишь постольку, поскольку выступают в качестве волевых решений [1]. Не случайно гражданское право исконно являлось правом отдельной личности как известной волевой единицы, сферой ее свободы и самоопределения [2].

По выразительному высказыванию Р. Иеринга, «воля должна быть признана поистине творческою, т.е. строящей из самой себя, силой в мире – такова она в Боге, такова, по подобию его, и в человеке» [3].

Свобода является свойством воли, ее природой, без свободы нельзя говорить о регулировании поведения. Понятие «свобода воли» является предпосылкой свободного волевого процесса как психического регулирования поведения (познание необходимости, способность и возможность совершить основанный на этом познании процесс регулирования). В то же время свобода воли включает в себя этот процесс, проявляющийся в господстве над собой, в практическом осуществлении его в соответствии с познанной необходимостью. Свободная воля реализуется человеком путем конкретного психического регулирования своего поведения, включающего выбор решения и путей его реализации [4].

Участниками общественных отношений являются только волеспособные субъекты. Гражданско-правовому регулированию подвергаются не некие «обезличенные» общественные отношения, а

индивидуализированные («конкретные», «волевые») связи, возникающие в объективной действительности между реальными лицами [5]. Присущая людям способность проявления воли обуславливает самую потребность в нормировании их поведения. Волевая способность человека сохраняется и в тех случаях, когда он в определенный период своей жизни не может понимать значение своих действий и (или) руководить ими.

Homo sapiens по своему естеству независимо от возраста, состояния психики и содержания юридических предписаний приобретает в момент рождения способность проявлять собственную волю (волеспособность). Эта способность к волевым действиям неотъемлема от индивидуума и сохраняется у него вплоть до физического исчезновения. При таком подходе снимается противоречие между постулатом «субъект права – волеспособное лицо» и правовой действительностью (лица, лишенные разумной воли, признаются законом субъектами права). Люди сохраняют способность проявлять волю в течение всей своей жизни, а поэтому ни при каких условиях не перестают быть субъектами права: даже полностью утраченная воля может в любое время возвратиться.

Кроме того, правовое регулирование осуществляется путем наделения субъектов правами и обязанностями, реализация которых предполагает совершение волевых актов. Содержание юридической связи всегда представлено возможностями и долженствованиями *сознательного* поведения. В противном случае целенаправленное воздействие на общественные отношения с целью их упорядочения полностью исключается.

Социальным содержанием правосубъектности является волевая способность, которая требует признания правопорядком. Более чем очевидно, что волевой способностью обладают только люди и их коллективные образования. Без учета данных обстоятельств правосубъектностью можно наделить все, что угодно.

Правосубъектность выступает необходимой предпосылкой любого правоотношения. Поэтому правовое регулирование имманентно предполагает

признание государством за волеспособными лицами правосубъектности с одновременным созданием юридических условий ее реализации. Соответственно, правосубъектность имеет два аспекта – как определенная связь государства с субъектом, благодаря которой государство устанавливает пределы поведения субъекта, и как способность субъекта быть участником правоотношений [6].

Отдельные люди и их коллективы способны проявлять волю, что обусловлено природой человека. Роль правопорядка – в признании данной способности. Современное гражданское право подтверждает волеспособность людей (физических лиц) и их коллективов (юридических лиц, публично-правовых образований). Для этого используются специальные *юридические формы* правоспособности и дееспособности, которые отражают состояние волевой способности данного лица в данный момент времени.

Таким образом, правосубъектность представляет собой *единство волевой способности, как социального содержания, и право-, дееспособности, как юридических форм*. В указанном качестве правосубъектность есть признанная правопорядком способность юридически значимого проявления воли, т.е. облеченная в правовую форму волевая способность людей и их организованных коллективов.

Искусственный интеллект никогда не обладал и в настоящее время не обладает волевой способностью. Воля в созданном природой мире – продукт исключительно человеческого сознания. Искусственный интеллект гипотетически может приобрести волевою способность в случае создания *аналога человеческого сознания*, когда машина начнет программировать себя без какого-либо участия людей, т.е. существовать автономно. Такое «электронное лицо» рано или поздно «попросит» признать его субъектом права.

Однако наивно было бы отрицать растущее значение робототехники, заметно проявляющей себя в самых разных областях человеческой деятельности, включая так называемое духовное производство.

Искусственный интеллект, действительно, способен творить, создавая результаты интеллектуальной деятельности. Но в целях регулирования соответствующих отношений нет никакой необходимости наделять его качествами субъекта права.

Как известно, охраняемые нормами интеллектуального права объекты закрепляются в законе исчерпывающим образом по принципу **numerus clausus**. Результаты интеллектуальной деятельности, созданные искусственным интеллектом, *не предусмотрены* в ст. 1225 ГК РФ, которая в системной взаимосвязи со ст. 1228 ГК РФ содержит перечень результатов интеллектуальной деятельности, *созданных человеком*.

Следовательно, правовой режим результатов интеллектуальной деятельности, созданных с использованием искусственного интеллекта, надлежит определять исходя из общих положений гражданского законодательства. При этом нормы части четвертой ГК РФ применимы по аналогии закона (с соблюдением необходимых условий), а также в целях установления нарушений прав других лиц при использовании искусственного интеллекта.

В раздел VII ГК РФ целесообразно включить отдельную главу «Права на результаты интеллектуальной деятельности, созданные при использовании искусственного интеллекта», где должны содержаться специальные нормы, определяющие правовой режим соответствующих результатов интеллектуальной деятельности. При формулировании таких норм предлагается учитывать следующие концептуальные соображения.

1. Искусственный интеллект является объектом прав, предназначенным для создания результатов интеллектуальной деятельности. В связи с этим искусственный интеллект принципиально не может признаваться автором результатов интеллектуальной деятельности и, как следствие, обладателем интеллектуальных прав.

2. Лицо, внесшее в ходе правомерного использования искусственного интеллекта творческий вклад в создание результата интеллектуальной

деятельности, надлежит признавать автором данного объекта интеллектуальной собственности.

3. Если при использовании искусственного интеллекта человеком не привнесено творческого вклада, следует исходить из того, что у созданного подобным образом результата интеллектуальной деятельности нет автора. На такой результат интеллектуальной деятельности личные неимущественные права не возникают. В то же время лицо, правомерно использовавшее искусственный интеллект при создании для себя результата интеллектуальной деятельности, становится обладателем исключительных прав. Указанное лицо и его правопреемники, а после прекращения их существования другие заинтересованные лица вправе осуществлять охрану неприкосновенности произведения науки, литературы, искусства.

4. Результаты интеллектуальной деятельности, созданные искусственным интеллектом автономно, без какого-либо участия человека, поступают с момента создания в общественное достояние и могут свободно использоваться любым лицом без чьего-либо согласия или разрешения и без выплаты авторского вознаграждения. При этом охрана неприкосновенности произведения науки, литературы, искусства осуществляется любым заинтересованным лицом.

5. Результаты интеллектуальной деятельности, созданные при неправомерном использовании искусственного интеллекта, в том числе в случае нарушения прав и законных интересов других лиц, законом не охраняются.

Заключение

В современной доктрине феномен искусственного интеллекта воспринимается далеко неоднозначно. В целях решения, существующих в данной области проблем методологически верным представляется определение правосубъектности в качестве единства волевой способности, как социального содержания, и право-, дееспособности, как юридических форм. При таком подходе обнаруживается несостоятельность попыток обосновать

необходимость признания искусственного интеллекта субъектом права. Вместе с тем требуется специальное регулирование отношений по поводу результатов интеллектуальной деятельности, созданных при использовании искусственного интеллекта, учитывая, что нормы части четвертой ГК РФ определяют правовой режим результатов интеллектуальной деятельности, созданных человеком.

Список источников

1. Алексеев С.С. Общая теория права: учебник / С.С. Алексеев. – Москва: Проспект, 2008. – 565 с.
2. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. – Москва: Статут, 2003. – 349 с.
3. Иеринг Р. Цель в праве: Избранные труды. В 2 т. Т. 1 / Р. Иеринг. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. – 616 с.
4. Ойгензихт В.А. Воля и волеизъявление. Очерки теории, философии и психологии права / В.А. Ойгензихт. – Душанбе: Дониш, 1983. – 256 с.
5. Красавчиков О.А. Структура предмета гражданско-правового регулирования социалистических общественных отношений / О.А. Красавчиков // Категории науки гражданского права. Избранные труды. В 2 т. Т. 1. – Москва: Статут, 2005. – С. 28–44.
6. Скоробогатова В.В. Правосубъектность граждан в российском гражданском праве / В.В. Скоробогатова. – Иркутск: БГУЭП, 2011. – 151 с.

References

1. Alekseev S.S. *Obshchaya teoriya prava = General Theory of Law: a textbook*. Moscow: Prospect Publ., 2008. 565 p. (in Russ.).
2. Pokrovskij I.A. *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava = The main problems of civil law*. Moscow: Statut Publ., 2003. 349 p. (in Russ.).
3. Iering R. *Cel' v prave = The goal in law; Selected works*. In vol. 2. Vol. 1. Saint Petersburg: Law Center Press Publ., 2006. 616 p. (in Russ.).
4. Ojgenziht V.A. *Volya i voleiz'yavleniye. Ocherki teorii, filosofii i psikhologii prava = Will and Expression of Will. Essays on the Theory, Philosophy, and Psychology of Law*. Dushanbe: Donish Publ. 1983. 256 p. (in Russ.).
5. Krasavchikov O.A. The structure of the subject of civil law regulation of socialist public relations. *Kategorii nauki grazhdanskogo prava. Izbrannyye trudy = Categories of the science of civil law. Selected works*. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Statut Publ. 2005. P. 28–44 (in Russ.).

6. Skorobogatova V.V. *Pravosub'yektnost' grazhdan v rossiyskom grazhdanskom prave = Legal Personality of Citizens in Russian Civil Law*. Irkutsk: BGUEP Publ. 2011. 151 p. (in Russ.).

Статья поступила 08.08.2025, принята к публикации: 19.08.2025.

© Груздев В.В., 2025

Научная статья
УДК 347.77

О правовой охране и защите результатов интеллектуальной деятельности

Сергей Герасимович Павликов,

Российская государственная академия интеллектуальной
собственности, Москва, Россия

Заведующий кафедрой Патентного права и правовой охраны средств
индивидуализации, доктор юридических наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0001-9385-8548>

SPIN-код 7909-2709

AuthorID: 251344

s.pavlikov@rgiis.ru

Аннотация. В статье охарактеризованы некоторые аспекты развития общественных отношений, объектами которых выступают результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. Установлено, что одним из главных факторов повышения внимания ученых к данной проблематике стало изменение способов посягательства на российские РИД и СИ со стороны стран «недружественной юрисдикции». Сформированы выводы о необходимости противодействия угрозам усиления санкций на основе заблаговременной подготовки и доведения до сведения заинтересованных стран проектов нормативных правовых актов о расширении перечня зарубежных товаров (групп товаров), на которые не распространяются требования об охране исключительного права, а также расширения сферы применения принудительного лицензирования, в том числе с использованием института признания лица иноагентом.

Установлен факт целесообразности усиления роли государства в процессе охраны и защиты РИД и СИ, что не противоречит принципу диспозитивности гражданского права. Обосновывается, в частности, целесообразность увеличения количества электронных сервисов, которые создаются государственными структурами (например, Роспатентом и др.) с постепенным ограничением количества коммерческих структур, оказывающих соответствующие информационные услуги.

Ключевые слова: правовая охрана, правовая защита, результаты интеллектуальной деятельности, средства индивидуализации, основание, классификация, сфера, расширение, параллельный импорт, санкции,

исключительное право, распространение, ответные меры, цифровые технологии, система, электронные сервисы, Роспатент, ВОИС, регистрация правообладателей, патент, патентный троллинг, нейросетевые технологии, Евразийское патентное ведомство, искусственный интеллект.

Для цитирования: Павликов С.Г. О правовой охране и защите результатов интеллектуальной деятельности / С.Г. Павликов // IP: теория и практика. – 2025. – № 3 (11).

Original article

Of legal protection and enforcement of intellectual property rights

Sergei G. Pavlikov,

Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia

Head of the Department of Patent Law and Legal Protection of Means of Individualization of the Russian State Academy of Intellectual Property, Doctor of Law.Sciences, Professor

<https://orcid.org/0000-0001-9385-8548>

SPIN-код 7909-2709

AuthorID: 251344

s.pavlikov@rgiis.ru

Abstract. The article describes some aspects of the development of social relations, the objects of which are the results of intellectual activity and means of individualization. It has been established that one of the main factors in increasing the attention of scientists to this issue has been a change in the ways in which countries with "unfriendly jurisdiction" encroach on Russian RID and SI. Conclusions have been drawn about the need to counter the threats of increased sanctions based on the early preparation and communication to interested countries of draft regulatory legal acts on expanding the list of foreign goods (groups of goods) that are not subject to the requirements for the protection of exclusive rights, etc., as well as expanding the scope of compulsory licensing, including using the institution of recognition of a person a foreign agent. It has been established that it is advisable to strengthen the role of the state in the process of protecting and protecting REED and SI, which does not contradict the principle of dispositivity of civil law. The article substantiates, in particular, the expediency of increasing the number of electronic services created by government agencies (for example, Rospatent, etc.) with a gradual limitation of the number of commercial structures providing relevant information services.

Keywords: legal protection, legal protection, results of intellectual activity, means of individualization, basis, classification, scope, expansion, parallel import, sanctions, exclusive right, distribution, retaliatory measures, digital technologies, system, electronic services, Rospatent, WIPO, registration of copyright holders, patent, patent trolling, neural network technologies, Eurasian Patent Office, artificial intelligence.

For citation: Pavlikov S.G. Of legal protection and enforcement of intellectual property rights // IP: Theory and Practice. 2025. No. 3 (11).

Введение

Использование таких различных по своему содержанию терминов, как правовая «охрана» и «защита», в отношении результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации (далее – РИД и СИ) доминирует в юридической науке. Они применяются в названиях научных структурных подразделений (например, кафедра правовой охраны и защиты интеллектуальной собственности Московского университета им. А.С. Грибоедова) [1], в Гражданском кодексе Российской Федерации («охраняемые РИД и СИ» – ст. 1225; «Авторство и имя автора охраняются бессрочно. После смерти автора защиту его авторства....» – ст. 1228; «право на указание на экземплярах фонограммы и (или) их упаковке своего имени или наименования и право на защиту фонограммы от искажения действуют и охраняются в течение всей жизни гражданина» – ст. 1323; «защита интеллектуальных прав... с оспариванием предоставления этим результатам и средствам правовой охраны» – ст. 1248 и т.д.), в судебных актах (например, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» принято «в целях обеспечения правильного и единообразного разрешения судами споров об *охране и о защите (Прим.* – здесь и далее выделено автором) интеллектуальных прав», «личные неимущественные и иные права возникают и подлежат *защите* только в случаях, когда они специально поименованы и их *охрана* установлена положениями части четвертой ГК РФ») – п. 32) и т.д.

Представляется возможным охарактеризовать наиболее актуальные процессы и явления, которые присущи российскому государству и обществу на современном этапе его развития на основе разграничения понятий «охрана» и «защита» применительно к РИД и СИ.

Методы

Для исследования вопросов правовой охраны и защиты РИД и СИ использовались методы анализа, в том числе анализа различных доктринальных подходов, сопоставительного и иных. Метод анализа интернет-пространства позволил выявить наиболее актуальные тенденции в исследуемых сферах общественных отношений. Метод обобщения использован для формулирования выводов.

Основное исследование

Ученые считают, что «гражданские права и законные интересы, в том числе в сфере интеллектуальной собственности, подлежат не только защите, но и правовой охране» [2]. Однако ознакомление с доктринальными источниками и источниками права позволяет утверждать, что де-факто понятия «охрана» и «защита» либо фактически отождествляются, либо определить их различия практически невозможно.

Отметим, что работ по этой проблематике достаточно много [3]. Мы будем исходить из того, что понятие правовая «защита» следует отличать от понятия правовая «охрана», которое обычно трактуется более широко, т.к. включает любые меры, направленные на обеспечение интересов управомоченного субъекта. Под правовой охраной принято понимать совокупность гарантий государства, связанных с нормативным запрещением, либо иным ограничением определенных действий против охраняемого объекта и направленных на предупреждение и профилактику правонарушений.

Итак, ученые и правоприменители в «большинстве своем разделяют охрану и защиту. Важно, что с позиции соотношения понятий охраны и защиты последняя применяется к тем правам, которые уже нарушены» [4].

Выбор способа обеспечения интеллектуальной деятельности должен обуславливаться реалиями общественных отношений. Однако в ряде случаев уверенно констатировать наличие такой взаимосвязи затруднительно. Например, одна из ключевых статей части четвертой ГК РФ носит название «Защита исключительных прав». Менее убедительным становится мнение некоторых правоприменителей о том, что де-факто речь шла об их правовой охране в силу наличия широкого перечня его способов, в том числе носящих превентивный характер: например, «принятие соразмерных объему и характеру правонарушения обеспечительных мер» (п. 2 ст. 1252 ГК РФ). Вместе с тем, согласно Федеральному закону от 07.07.2025 № 214-ФЗ, с 4 января 2025 г. очень спорно говорить о наличии «правовой охраны», поскольку только «*в случае нарушения исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и на средства индивидуализации их защита осуществляется...*».

Не менее спорным является вопрос относительно ответных мер со стороны Российской Федерации в отношении посягательств «коллективного Запада» на российскую интеллектуальную собственность. Автор убежден, что все более своевременным для научных исследований и разработок практических предложений становится выбор мер правовой охраны или защиты РИД и СИ в условиях давления (санкций) на Российскую Федерацию. Имеет место появление новых способов посягательств на российские РИД на основе их нелегального использования как отдельными лицами, так и специальными объединениями, чаще всего, со стороны стран «недружественной юрисдикции». Способы вышеуказанных посягательств могут быть самыми различными. Так, структуры, формально созданные для осуществления патентной деятельности на территории европейских стран в рамках Европейского патентного ведомства (Patent Register, Online Filing,

Espacenet, European Patent Bulletin) [5], были причастны, по мнению ряда исследователей, к подобного рода правонарушениям.

Соответственно, реалии общественных отношений обуславливают необходимость развития и оказания поддержки со стороны Российской Федерации таким структурам, как Евразийское патентное ведомство. Так, его президент Г.П. Ивлиев, характеризуя достижения этой структуры в части охраны именно российских средств индивидуализации, справедливо отмечает необходимость ее активизации на основе формирования евразийских судов по интеллектуальной собственности и, главное, расширения сферы объектов, подлежащих правовой охране [6].

Не теряет свою актуальность проблематика так называемого параллельного импорта. Отметим, что правовое регулирование этого процесса (например, о выделении групп товаров, не подпадающих под институт ограничения исключительных прав на РИД) обуславливает все больший научный интерес [7].

Сложившаяся в начале 2025 г. ситуация, когда Российской Федерации периодически «предлагают» (США и большинство стран – членов ЕС) перспективы усиления санкций (500-процентные пошлины на импорт из стран, покупающих российскую нефть, газ, уран и другие продукты), либо их смягчение в зависимости от нашего «поведения», требует более осторожного реагирования с учетом активизации в августе того же года процесса мирного урегулирования. Представляется, что не нужно принятие специального «превентивного» закона, как предлагают некоторые авторы [7], а целесообразно, учитывая, что угроза и способ давления заблаговременно доводятся до сведения России также реагировать подготовкой проекта по внесению изменений, например, в Приказ Минпромторга России от 21.07.2023 № 270 (ред. от 01.04.2025).

Возможно, менее «глобальным», но не менее эффективным направлением в части противодействия вышеуказанным процессам, может стать расширение сферы применения института принудительного

лицензирования [8]. Разделяем мнение А.П. Альбова о том, что принудительное лицензирование представляет собой институт патентного права, позволяет государству или третьим лицам использовать запатентованное изобретение (или полезную модель) без согласия патентообладателя [9; 10]. Сфера его применения может быть расширена, в том числе, за счет лиц, признанных иноагентами.

В Ежегодном отчете Правительства в Государственной Думе от 26.03.2025¹ отмечено, что в приоритетном порядке следует позволить вернуться «компаниям, которые не заявляли об уходе из РФ, продолжали работать здесь через «дочки» и ответственно относились к трудовым коллективам». Подобная характеристика соответствует некоторым структурам под временным управлением². В качестве примера можно назвать компанию Ariston, которой вернули контроль над активами без продажи отечественным инвесторам. Президент России своим Указом отменил временное управление российской «дочкой» Ariston Holding N.V. С апреля 2024 г. 100% акций «Аристон Термо Русь» владела компания «Газпром бытовые системы». После отмены временного управления итальянский производитель электроприборов заявил, что полностью восстановил контроль над дочерней компанией и намерен продолжать деятельность в России. С учетом того, что это далеко не единичный случай (в 2024 г. отменили временное управление в отношении акций Dapop, и компания затем продала российские активы отечественной «Вамин Р»; похожая ситуация была и с «Балтикой»: в декабре 2024 г. ее акции вывели из-под временного управления, и компанию купил «ВГ Инвест»³. Представляется, что в отношении такого рода ситуаций достаточно применения мер правовой защиты соответствующих РИД и СИ.

---

¹ Сайт правительства РФ: URL: <http://government.ru/news/54597/> (дата обращения: 01.01.2025).

² См.: URL: <https://pravo.ru/story/258103> (дата обращения: 01.01.2025).

³ См.: URL: <https://lenta.ru/news/2025/03/27/net> (дата обращения: 01.01.2025).

Одним из факторов актуализации затронутой проблематики стало также распространение цифровых технологий, расширение системы электронных сервисов. Трудно не разделить мнение о том, что «в условиях глобальной цифровизации традиционные механизмы патентной защиты сталкиваются с новыми вызовами, требующими переосмысления и адаптации существующего законодательства. Особое значение приобретает необходимость обеспечения технологической независимости государства в условиях геополитической напряженности и санкционного давления [1].

Помимо рассмотренных выше, в этой сфере можно выделить и другие вопросы, требующие реагирования со стороны ученых и законодателя. Так, например, «проблема патентного троллинга приобретает особую актуальность и остроту в современных условиях цифровизации и повсеместного внедрения систем искусственного интеллекта» [11]. Более подробно к анализу этого явления обратимся в дальнейшем.

Стоит согласиться с тем, что имеет место значительный рост количества электронных сервисов (образовательных, финансовых, медицинских, транспортных и, соответственно, осуществление мер правовой защиты необходимо [5].

Электронный сервис, в том числе обеспечивающий реализацию получения патента на средства индивидуализации, работает на сайте Роспатента⁴; на официальном сайте Федерального института промышленной собственности есть ресурс Scrum Guide⁵, который позволяет использовать в патентных исследованиях методологию (руководство) Scrum. «Благодаря этому руководству необходимость в разработке собственной документации отсутствует, а адаптация участников к методологии происходит быстро и эффективно. Для обеспечения единообразия и однозначности понимания методологии в данной статье применяются оригинальные (используемые в Scrum Guide) обозначения ролей, названия мероприятий и инструментов» [12].

---

⁴ См.: URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/faq> (дата обращения: 01.01.2025).

⁵ См.: URL: <https://www.fips.ru/to-applicants/inventions/index.php> (дата обращения: 01.01.2025).

На сайте ВОИС также можно обнаружить электронный сервис, позволяющий оптимизировать работу с патентными ландшафтами (патентным картированием) – «специфическим видом визуального представления распределения массива патентов по различным аспектам» [13]. В настоящее время появилось достаточно много информации о практическом использовании патентных ландшафтов, в том числе в Интернете. ВОИС составила список таких докладов, которые свободно доступны или могут быть получены по запросу, либо бесплатно или за плату.

Небезынтересно отметить, что ученые предлагают «обратить внимание на понятия «информационный поиск» и «патентный поиск», а также на их отличия. Первое включает в себя поиск непатентной литературы по общедоступным источникам информации, в том числе в сети Интернет [14].

Представляется обоснованным расширение именно таких электронных сервисов (по регистрации правообладателей – ur.siovsor@yraterces, Scrum Guide и др.), которые создаются государственными структурами (Роспатент, ФИПС и др.) с постепенным ограничением (полагаем, что их количество избыточно) числа коммерческих структур, оказывающих информационные услуги, как правило, за более высокую плату.

Безусловно, в рамках научной статьи невозможно исследовать все направления по созданию новых механизмов охраны и защиты РИД и СИ и совершенствованию существующих.

В числе первых нередко называют разработку специальных договорных конструкций, формализующих применение средств индивидуализации в процессе обучения технологиям ИИ, легализацию права применения объектов авторских и смежных прав при формировании алгоритмов искусственного интеллекта (без согласия правообладателей, но с условием выплаты соответствующего вознаграждения), появление принципиально новых структур, управляющих изучаемыми правами коллективно и т.д. [15].

Разумеется, примеров совершенствования соответствующих механизмов в контексте расширения сферы применения правовой охраны и защиты средств индивидуализации можно привести значительно больше [16].

Так, ученые обращают внимание на недостатки, к примеру, патентной охраны изобретений (не всегда оправданная и, по сути, ничем не ограниченная «множественность» продления патента, причем без учета фактора нахождения изобретения в гражданском обороте, иных обстоятельств) [17]. Примеры могут быть связаны с конкретным блоком, союзом, дружественным нашей стране. Так, некоторые авторы считают, что подлежит изучению и, возможно, апробации в Российской Федерации опыт стран БРИКС, которые не осуществляют патентную охрану способов лечения животных, людей [18].

Отдельное направление представляют научные труды, в том числе молодых ученых, преследующие цель формирования новаторских механизмов правовой охраны изучаемых объектов. Так, аспирант Российской государственной академии интеллектуальной собственности Е.С. Пикулев предлагает «двойной механизм» охраны промышленного образца: «Первым шагом правообладатель получает правовую охрану внешнего вида изделия как промышленного образца; второй шаг – путем активного использования этого дизайна на рынке формируется его узнаваемость среди потребителей. На следующей стадии становится возможной регистрация данного внешнего вида уже в качестве объемного товарного знака» [19].

Подавляющее большинство исследователей связывают кардинальные изменения в части совершенствования правовой охраны и защиты РИД и СИ с искусственным интеллектом (далее – ИИ). В юридической литературе предлагается в этих целях активное использование только мер защиты (как более редкий вариант – напротив, охраны) применения ИИ. Здесь возможны варианты:

а) отрицание ИИ как «создателя» средств индивидуализации и акцент на негативные аспекты. К примеру, некоторые авторы полагают, что, по крайней мере, первоначально исключительные права на «продукт» ИИ имеет субъект,

применивший, в частности, нейросеть, с его «личностью» связано появление нового средства индивидуализации [20]. Вместе с тем факты «осознания ИИ себя как личностью», «отказа от команд по самоуничтожению», «собственных притязаний на создаваемые РИД» и т.п. уже не носят единичный характер⁶.

По мнению А.А. Григоряна, «искусственный интеллект существенно упрощает процесс поиска и идентификации потенциально нарушающих права произведений, в том числе случаев, когда автор существует, но не указан на произведении, что достигается путем использования специализированных поисковых запросов и алгоритмов. Данная ситуация приводит к росту количества необоснованных претензий и судебных исков, направленных на получение компенсаций или принуждение к заключению лицензионных соглашений» [1];

б) более лояльные к ИИ варианты. В частности, И.А. Михайлова считает целесообразным четко определить критерии охраноспособности объектов, созданных ИИ, их маркировки и т.д. [21].

ИИ все чаще фигурирует в предложениях по увеличению перечня средств индивидуализации и, соответственно, применения к ним именно правовой защиты в соответствии со ст. 1252 ГК РФ [5]. Заметим, что это не единственный пример, поскольку предлагается отнесение к средствам индивидуализации цифровой формы [22], онлайн-курсов, характеризующихся как мультимедийный продукт (базы данных, аудиовизуальные произведения и др.) [23]. Некоторые авторы настаивают на создании «калькуляторов рисков», связывая это с увеличением «продуктов» ИИ и, соответственно, потребностями в междисциплинарных экспертизах [24].

По нашему мнению, ИИ, безусловно, является наиболее перспективным способом оптимизации правовой охраны средств индивидуализации, однако следует считать преждевременным его легальное закрепление до разрешения ряда принципиальных вопросов, прежде всего, связанных с безопасностью его

---

⁶ См.: URL: <https://infostart.ru/journal/news> (дата обращения: 01.07.2025).

использования и определением круга лиц, ответственных за причинение им вреда. Поспешность принятия в 2024 г. [7] Европарламентом спорного по своим принципам правового регулирования Закона об искусственном интеллекте (AI Act) является одним из аргументов в подкрепление такого суждения. В этом плане вопрос о достаточности мер только правовой защиты в силу ст. 1252 ГК РФ представляется очень спорным.

Итак, «в современном мире надлежащая и эффективная система защиты прав на объекты интеллектуальной деятельности – одно из основных средств развития научно-технического прогресса, творческих и культурных достижений» [25]. Соответственно, вопрос об усилении роли государства в процессе правовой охраны средств индивидуализации также приобретает все более актуальный характер. К примеру, имеет место немало явлений и процессов, сущность которых в ряде случаев носит неоднозначный характер. Так, в частности, патентный троллинг, на первый взгляд, «однозначно негативное» явление. Однако небезынтесной представляется позиция тех ученых, которые утверждают, что «отсутствие производственной активности патентообладателя не должно приводить к автоматическому ограничению его правомочий по сравнению с патентообладателями, осуществляющими активную инновационную деятельность, при отсутствии достоверно установленных фактов неправомерного использования патентоохраняемых решений... До устранения данной правовой неопределенности реализация запретительной функции исключительного права *per se* (пер. с лат. – «сами по себе») не может квалифицироваться как противоправное деяние. Активизация деятельности непрактикующих патентообладателей детерминирована несовершенством правового регулирования в сфере признания недействительности патентов и механизмов защиты нарушенных прав» [1].

Примеров здесь привести можно также достаточно много. Например, «франчайзинг... представляет собой систему, в которую вовлечено множество игроков бизнес-цепочки, которые независимы друг от друга, но в конечном итоге тесно взаимосвязаны. Основу этой системы цементирует центральный

элемент – лицензированное использование объектов интеллектуальной собственности в отработанной, как часовой механизм, проверенной бизнес-модели...» Однако, «что касается защиты франчайзи от небрежных или недобросовестных практик франчайзеров, то ее практически нет, т.к. применение общих норм о добросовестности (п. 3 ст. 1 ГК РФ) и пределах осуществления прав (ст. 10 ГК РФ) при отсутствии должного вспомогательного механизма, направленного на защиту франчайзи, неэффективно» [11].

Отметим, что контрольная и надзорная деятельность в части правовой охраны средств индивидуализации также в силу выше указанных факторов активизируется. Так, например, органы прокуратуры, как пишет С.Г. Хусьянова, выявляют нарушения закона в сфере *правовой охраны* и использования РИД военного, специального и двойного назначения, полученных при опытно-конструкторских работах. «Прокуроры ориентированы на инициирование проверок соответствующих юридических лиц, изучение патентов, госконтрактов и договоров на предмет соблюдения интересов Российской Федерации при распространении прав на результаты интеллектуальной деятельности» [25].

Полагаем, что усиление роли государства в анализируемом процессе не противоречит принципу диспозитивности гражданского права и необходимо в современный период.

Заключение

Была дана характеристика некоторым аспектам развития общественных отношений, объектами которых выступают РИД и СИ. Осуществлена их классификация, обусловленная, прежде всего, такими основаниями, как: 1) необходимость применения «широкого спектра» правовых мер воздействия, включая механизмы превенции (правовая охрана) и 2) «достаточность» использования инструментов правовой защиты.

Установлено, что одним из главных факторов повышения внимания ученых к данной проблематике стало изменение способов посягательств на российские РИД и СИ со стороны стран «недружественной юрисдикции». Сформированы выводы о необходимости противодействия угрозам усиления санкций, направленных, в том числе, и на российскую интеллектуальную собственность, на основе заблаговременной подготовки и доведения до сведения компетентных представителей всех заинтересованных стран проектов нормативных правовых актов о расширении перечня зарубежных товаров (групп товаров), на которые не распространяются требования об охране исключительного права и т.п., а также расширения сферы применения принудительного лицензирования, в том числе с использованием института признания лица иноагентом.

Появление новых форм «сильного» ИИ, разработчики которого все чаще уверяют, что «он сам» требует признания за ним авторства на творческий труд, позволило автору статьи аргументировать суждение о том, что ИИ, возможно, является наиболее перспективным способом формирования РИД и СИ при условии повышения внимания в отношении безопасности их правовой охраны и защиты.

Установлен факт целесообразности усиления роли государства в процессе охраны и защиты РИД И СИ, что не противоречит принципу диспозитивности гражданского права. Обосновывается, в частности, целесообразность увеличения количества электронных сервисов по регистрации правообладателей, которые создаются государственными структурами, с постепенным ограничением коммерческих структур, оказывающих соответствующие информационные услуги.

Список источников

1. Григорян А.А. Эволюция патентного законодательства в эпоху цифровых технологий / А.А. Григорян // ИС. Промышленная собственность. – 2025. – № 2. – С. 47–52.

2. Михайлова Е.В. Некоторые вопросы охраны и защиты интеллектуальных прав по российскому законодательству / Е.В. Михайлова // Нотариальный вестник. – 2024. – № 3. – С. 56–64.

3. Груздев В.В. Гражданско-правовая защита, защита гражданских прав, гражданско-правовая охрана: соотношение понятий проблемы правового обеспечения безопасности личности, общества и государства: Сборник статей по материалам ежегодной международной научно-практической конференции; В 3 т. – Новосибирск, 2016. – С. 66–67.

4. Семеновых А.Е. Правовая охрана и правовая защита: общетеоретические аспекты соотношения и взаимодействия: Дисс... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2024.

5. Кононенко И.Ю. Обзор электронных сервисов в сфере интеллектуальной собственности / И.Ю. Кононенко, Д.В. Заставный, Ю.А. Лагида, Д.И. Зубов // ИС. Промышленная собственность. – 2024. – № 6. – С. 34–43.

6. Ивлиев Г.П. Среднесрочные и долгосрочные задачи права в сфере интеллектуальной собственности в Евразийском регионе / Г.П. Ивлиев // Журнал российского права. – 2024. – № 1. – С. 18–24.

7. Сальникова А.В. Перспективы делегализации параллельного импорта в Российской Федерации / А.В. Сальникова, А.А. Мичурина // Таможенное дело. – 2025. – № 1. – С. 8–11.

8. Андрущенко И.С. Оценка принудительной лицензии с позиции экономического анализа права // ИС. Промышленная собственность. – 2025. – № 2. – С. 42–46.

9. Альбов А.П. Принципы права и перспективная модель принудительного лицензирования в контексте управления интеллектуальной собственностью в Российской Федерации // Современный юрист. – 2025. – № 1. – С. 18–26.

10. Альбов А.П. Принудительное лицензирование по мотивам государственного, общественного и иного публичного интереса: теоретико-правовой и социально-экономический аспект: Монография / А.П. Альбов, А.Т. Волков, Е.В. Голубев. – Москва: ФГБОУ ВО РГАИС, 2024. – 112 с.

11. Васильева Т.В. Обязанность раскрытия информации как инструмент защиты франчайзи от недобросовестного франчайзера по праву Канады // ИС. Промышленная собственность. – 2025. – № 2. – С. 13–22.

12. Коробчук М.В., Рослякова Т.В. Методология SCRUM как инструмент взаимодействия изобретателя и патентоведа / М.В. Коробчук, Т.В. Рослякова // ИС. Промышленная собственность. – 2025. – № 2. – С. 53–61.

13. Шведова В.В. Патентные ландшафты в системе патентных исследований // Изобретательство. – 2017. – № 11. – С. 18–19.

14. Скандари О.А. Алгоритм проведения патентных исследований для медицинских разработок / О.А. Скандари, Ю.Д. Александров, Ю.А. Горбунова, Е.Д. Николаева // ИС. Промышленная собственность. – 2025. – № 2. – С. 62–69.

15. Гюльбасарова Е.В. Обеспечение охраны интеллектуальных прав в условиях развития передовых технологий // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – № 10. С. 81–89.

16. Козлова М.В. Соблюдение прав правообладателей при реорганизации лицензиатов – юридических лиц // ИС. Авторское право и смежные права. – 2024. – № 6. – С. 37–40.

17. Балашова А.И. Правовой механизм продления срока патентной монополии на изобретения // ИС. Промышленная собственность. – 2024. – № 5. – С. 56–62.

18. Латынцев А.В. Непатентуемость в законодательстве стран БРИКС изобретений, противоречащих принципам биоэтики // Российский юридический журнал. – 2024. – № 3. – С. 20–31.

19. Пикулев Е.С. Внешний вид изделия как средство индивидуализации: нюансы охраны // ИС. Промышленная собственность. – 2025. – № 2. – С. 82–87.

20. Абрамова Е.Н. Права на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта / Е.Н. Абрамова, Е.В. Хамидуллина // Хозяйство и право. – 2024. – № 10. – С. 71–83.

21. Михайлова И.А. Трансформации законодательства об авторском праве в условиях развития искусственного интеллекта // Современное право. – 2024. – № 9. – С. 90–95.

22. Витко В.С. О возможности признания цифровой формы объективной в смысле п. 3 ст. 1259 ГК РФ // ИС. Авторское право и смежные права. – 2024. – № 5. – С. 72–84.

23. Гринь Е.С. Онлайн-курсы как разновидность сложных объектов интеллектуальных прав // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – № 9. – С. 61–67.

24. Наумов В.Б. Калькулятор рисков в сфере интеллектуальной собственности / В.Б. Наумов, К.В. Дождиков // ИС. Авторское право и смежные права. – 2024. – № 5. – С. 4–14.

25. Шведова В.В. Патентные ландшафты в системе патентных исследований // Изобретательство. – 2017. – № 11. – С. 18–19.

References

1. Grigoryan A.A. The evolution of patent legislation in the digital age. *Industrial property*. 2025. No. 2. Pp. 47–52 (in Russ.).
2. Mikhailova E.V. Some issues of protection and protection of intellectual property rights under Russian law. *Notary Bulletin*. 2024. No. 3. Pp. 56–64 (in Russ.).
3. Gruzdev V.V. Civil law protection, protection of civil rights, civil law protection: the relationship between the concepts of the problem of legal security of the individual, society and the state: Collection of articles based on the materials of the annual international scientific and practical conference: In 3 volumes. Novosibirsk, 2016. Pp. 66–67 (in Russ.).
4. Semenov A.E. Legal protection and legal protection: general theoretical aspects of correlation and interaction: Diss... kand. jurid. Sciences, Yekaterinburg, 2024 (in Russ.).
5. Kononenko I.Yu., Zastavny D.V., Lagida Yu.A., Zubov D.I. Review of electronic services in the field of intellectual property. *IP. Industrial property*. 2024. No. 6. Pp. 34–43 (in Russ.).
6. Ivliev G.P. Medium-term and long-term tasks of law in the field of intellectual property in the Eurasian region. *Journal of Russian Law*. 2024. No. 1. Pp. 18–24 (in Russ.).
7. Salnikova A.V., Michurina A.A. Prospects for delegating parallel imports in the Russian Federation. *Customs business*. 2025. No. 1. Pp. 8–11 (in Russ.).
8. Andrushchenko I.S. Evaluation of compulsory license from the perspective of economic analysis of law. *IP. Industrial property*. 2025. No. 2. Pp. 42–46 (in Russ.).
9. Albov A.P. Principles of law and a promising model of compulsory licensing in the context of intellectual property management in the Russian Federation. *Modern Lawyer*. 2025. No. 1. Pp. 18–26 (in Russ.).
10. Albov A.P. Compulsory licensing based on state, public and other public interests: theoretical, legal and socio-economic aspects: A monograph / A.P. Albov, A.T. Volkov, E.V. Golubev. Moscow: *RGAIS Publ.*, 2024. 112 p. (in Russ.).
11. Vasilyeva T.V. The obligation to disclose information as a tool to protect franchisees from unscrupulous franchisors under Canadian law. *IP. Industrial property*. 2025. No. 2. Pp. 13–22 (in Russ.).
12. Korobchuk M.V., Roslyakova T.V. SCRUM methodology as a tool for interaction between an inventor and a patent specialist. *IP. Industrial property*. 2025. No. 2. Pp. 53–61.
13. Shvedova V.V. Patent landscapes in the system of patent research. *Invention*. 2017. No. 11. Pp. 18–19 (in Russ.).

14. Skandari O.A., Alexandrov Yu.D., Gorbunova Yu.A., Nikolaeva E.D. Algorithm of patent research for medical developments. *IP. Industrial property*. 2025. No. 2. Pp. 62–69 (in Russ.).
15. Gulbasarova E.V. Ensuring the protection of intellectual property rights in the context of the development of advanced technologies. *Actual problems of Russian law*. 2024. No. 10. Pp. 81–89 (in Russ.).
16. Kozlova M.V. Observance of the rights of copyright holders during the reorganization of licensees – legal entities. *IP. Copyright and related rights*. 2024. No. 6. Pp. 37–40 (in Russ.).
17. Balashova A.I. The legal mechanism for extending the term of the patent monopoly on inventions. *IP. Industrial property*. 2024. No. 5. Pp. 56–62 (in Russ.).
18. Latintsev A.V. Non-patentability in the legislation of the BRICS countries of inventions that contradict the principles of bioethics. *Russian Law Journal*. 2024. No. 3. Pp. 20–31 (in Russ.).
19. Pikulev E.S. Product appearance as a means of individualization: nuances of protection. *IP. Industrial property*. 2025. No. 2. Pp. 82–87 (in Russ.).
20. Abramova E.N., Khamidullina E.V. Intellectual property rights created using artificial intelligence. *Economy and law*. 2024. No. 10. Pp. 71–83 (in Russ.).
21. Mikhailova I.A. Transformations of copyright legislation in the context of the development of artificial intelligence. *Modern law*. 2024. No. 9. Pp. 90–95 (in Russ.).
22. Vitko V.S. On the possibility of recognizing the digital form as objective in the sense of paragraph 3 of Article 1259 of the Civil Code of the Russian Federation. *IP. Copyright and related rights*. 2024. No. 5. Pp. 72–84 (in Russ.).
23. Grin E.S. Online courses as a type of complex objects of intellectual property rights. *Actual problems of Russian law*. 2024. No. 9. Pp. 61–67 (in Russ.).
24. Naumov V.B., Dozhdikov K.V. Risk calculator in the field of intellectual property // *IP. Copyright and related rights*. 2024. No. 5. Pp. 4–14 (in Russ.).
25. Shvedova V.V. Patent landscapes in the system of patent research. *Invention*. 2017. No. 11. Pp. 18–19 (in Russ.).

Статья поступила 08.09.2025, принята к публикации: 16.09.2025

© Павликов С.Г., 2025

Научная статья

УДК 347.1

К вопросу о самозащите и иных способах неюрисдикционной защиты интеллектуальных прав

Тигран Тигранович Алиев,

Российская государственная академия интеллектуальной собственности,
Москва, Россия,

Заведующий кафедрой Гражданского, арбитражного процесса и
правоохранительной деятельности, доктор юридических наук, профессор,
Почетный адвокат России

tta70@mail.ru

AuthorID: 258099

Аннотация. В статье рассматриваются способы, связанные с самозащитой интеллектуальных прав и иные, которые позволяют правообладателю оперативно реагировать на нарушение его прав. В статье делается акцент на то, что самозащита преимущественно применяется при нарушении абсолютных прав и носит фактический характер, в то время как меры оперативного воздействия реализуются в рамках договорных связей и имеют юридическую природу.

Ключевые слова: защита интеллектуальных прав, неюрисдикционная форма, самозащита, меры оперативного воздействия, самозащита гражданских прав, самозащита интеллектуальных прав, способы самозащиты интеллектуальных прав, процедуры защиты интеллектуальных прав.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках НИР «Совершенствование судебной защиты интеллектуальных прав в Российской Федерации и ее гармонизация с аналогичными системами стран – участниц ЕАЭС» (З-ГЗ-2023).

Для цитирования: Алиев Т.Т. К вопросу о самозащите и иных способах неюрисдикционной защиты интеллектуальных прав // IP: теория и практика. – 2025. – № 3 (11).

Original article

On the issue of self-defense and other non-jurisdictional methods of protecting intellectual rights

Tigran T. Aliev,

Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia

Head of the Department of Civil, Arbitration Procedure and Law Enforcement, Doctor of Law, Professor, Honorary Lawyer of Russia

tta70@mail.ru

Abstract. The article discusses methods related to self-defense of intellectual rights, including the procedures for non-jurisdictional forms of self-defense of intellectual rights. The article concludes that self-defense is primarily used in cases of absolute rights violations and is of a factual nature, while operational measures are implemented within the framework of contractual relations and have a legal nature.

Keywords: intellectual rights protection, non-jurisdictional form, self-protection, operational measures, self-protection of civil rights, self-protection of intellectual rights, methods of self-protection of intellectual rights, procedures for protecting intellectual rights.

Funding: The study was carried out as part of the research project "Improving the Judicial Protection of Intellectual Rights in the Russian Federation and its Harmonization with Similar Systems in the EAEU Member States" (3-GZ-2023).

For citation: Aliev T.T. On the issue of self-defense and other non-jurisdictional methods of protecting intellectual rights // IP: theory and practice. 2025. No. 3 (11).

Введение

В контексте защиты интеллектуальных прав неюрисдикционная форма включает в себя множество способов. Среди них наиболее заметными и широко признанными в научной литературе являются самозащита и меры оперативного воздействия. Эти механизмы позволяют правообладателю оперативно реагировать на нарушения, обеспечивая гибкость и снижая издержки. Несмотря на схожее функциональное назначение, данные способы различаются по целям, правовым основаниям и механизмам реализации, что требует их отдельного рассмотрения и последующего сопоставления.

Перейдем к более детальному рассмотрению самозащиты и мер оперативного воздействия.

Методы

В процессе проведения исследования применялись методы сравнительного и статистического анализа, обобщения и систематизации.

Основное исследование

Говоря о самозащите гражданских прав, следует отметить, что ГК РФ не содержит легального определения данного понятия, однако в ст. 14 ГК РФ содержатся требования к способам самозащиты. Они должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения. Несмотря на отсутствие прямой дефиниции, законодатель ограничивает произвольное поведение управомоченного лица рамками правомерности, направляя его действия на строго необходимый и соразмерный ответ на нарушение, что свидетельствует о важности индивидуальной оценки конкретной ситуации, при которой должна учитываться не только степень нарушения, но и характер применяемых мер во избежание злоупотребления правом. Отсутствие легального определения самозащиты влечет за собой необходимость обращения к научной доктрине для более точного понимания его содержания.

Аналогичные положения о самозащите содержатся в гражданском законодательстве ряда стран ШОС. Так, нормы Таджикистана и Кыргызстана практически совпадают с российскими, допуская самозащиту при условии соразмерности и необходимости. В то же время законодательство Беларуси содержит более детализированный подход: самозащита допускается только, если такие действия не нарушают закон, а причинение вреда может быть признано правомерным в случае крайней необходимости или необходимой обороны. Это подчеркивает стремление белорусского законодателя более четко определить допустимые пределы самозащиты и минимизировать риски злоупотребления правом.

Согласно трактовке Е.А. Суханова, самозащита гражданских прав представляет собой «совершение управомоченным лицом фактических действий, которые соответствуют закону и направлены на защиту материальных и нематериальных благ» [1]. Исходя из данного определения, можно сделать вывод о том, что субъект, чье право было нарушено или находится под угрозой нарушения, проявляет личную инициативу и активную позицию носителя права, который самостоятельно реализует свою защитную функцию. В данном определении речь идет о действиях фактического порядка, т.е. таких, которые не имеют формального юридического характера, но, тем не менее, направлены на восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и пресечения действий, нарушающих право. Такие действия, как правило, имеют прямое физическое или организационное выражение: удаление незаконного контента, направление претензии, блокировка доступа к объекту и др. Несмотря на то, что управомоченное лицо действует самостоятельно, его действия не могут быть произвольными. Они должны укладываться в рамки действующего законодательства, быть соразмерными и необходимыми для пресечения нарушения.

Д.В. Полозова считает, что самозащита интеллектуальных прав – это самостоятельный и самодостаточный целеполагающий способ защиты, т.е. неюрисдикционные законные меры (непосредственные действия либо бездействие) субъекта права интеллектуальной собственности, направленные на охрану принадлежащих ему субъективных интеллектуальных прав от неправомерных посягательств третьих лиц [2]. Примечательно, что в формулировке используется термин «охрана», а не «защита», что имеет важное теоретико-прикладное значение. Под охраной, в отличие от защиты, следует понимать не только действия, направленные на устранение уже произошедшего нарушения, но и меры, предупреждающие или минимизирующие возможность его наступления. Самозащита включает в себя как защиту в узком смысле, так и упреждающее регулирование.

В данном определении упоминается самостоятельность и самодостаточность. Стоит остановиться на самодостаточности такого способа защиты. Д.В. Полозова считает, что самозащита может быть полноценным способом восстановления нарушенного права, при правильном применении она может не только предотвратить нарушение, но и обеспечить реальное восстановление положения, существовавшего до нарушения прав.

Важным аспектом определения является то, что Полозова Д.В. рассматривает самозащиту как меры, к которым относятся как действия, так и бездействие. Такая формулировка расширяет спектр возможных форм самозащиты, поскольку правообладатель может не только активно противодействовать нарушению, но и сознательно воздерживаться от определенных действий, если это позволяет избежать нарушения прав или свести к минимуму его последствия.

При рассмотрении способов самозащиты интеллектуальных прав необходимо учитывать различие между абсолютными и относительными правами, поскольку это различие влияет на правовую природу и способы их защиты [3].

В случае нарушения абсолютных прав самозащита направлена на неопределенный круг лиц, и правообладатель обладает правом пресекать нарушение своих абсолютных прав самостоятельно. Это может проявляться, например, в таких действиях, как блокировка незаконно размещенного контента.

В отличие от абсолютных прав, относительные права возникают в контексте конкретных обязательств между сторонами. Здесь самозащита будет адресной, т.е. направленной исключительно на конкретного контрагента, который нарушает условия договора. Меры самозащиты в данном случае могут включать, например, отказ от исполнения договора.

Именно универсальный характер самозащиты дает основание утверждать, что она может применяться как в рамках договорных, так и внедоговорных правоотношений. В ситуациях, когда нарушение произошло

вне договорных обязательств или договор не содержит конкретных санкций за нарушение, пострадавшая сторона вправе прибегнуть к мерам защиты, предусмотренным действующим законодательством.

К действиям, относящимся к самозащите, можно отнести блокировку незаконно размещенного контента, направление уведомлений о нарушении, нанесение водяных знаков на изображения и видеоматериалы, ограничение доступа к объекту интеллектуальной собственности, а также сознательное бездействие, если оно направлено на предотвращение либо минимизацию нарушения права.

Перейдем к рассмотрению мер оперативного воздействия, а также соотнесем их с понятием самозащиты. Согласно позиции В.П. Грибанова, под такими мерами следует понимать определенные правовые инструменты правоохранительного характера, которые могут быть использованы управомоченной стороной в рамках гражданских обязательственных отношений без необходимости обращения в государственные органы [4].

Таким образом, меры оперативного воздействия можно охарактеризовать как предусмотренные законом или соглашениями между сторонами действия юридического характера, которые управомоченное лицо может применить к должнику при нарушении им обязательств, не прибегая к вмешательству судебных или иных государственных органов.

Важно также выделить различие между мерами оперативного воздействия и самозащитой. В отличие от последней, оперативные меры являются строго юридическими действиями, а не фактическими. Они могут быть реализованы только при наличии соответствующих указаний в законодательстве или в договоре. Кроме того, при использовании оперативных мер от управомоченного лица не требуется оценивать вину другой стороны либо соразмерность предпринимаемых действий по отношению к допущенному нарушению, что, напротив, является обязательным условием при применении самозащиты [5].

Разделение конкретных действий по категориям самозащиты и мер оперативного воздействия позволяет более глубоко раскрыть содержание указанных способов неюрисдикционной защиты и их практическое применение в сфере интеллектуальных прав.

Обратимся к рассмотрению особенностей процедуры защиты интеллектуальных прав неюрисдикционными способами защиты. Процедура защиты интеллектуальных прав в неюрисдикционной форме напрямую зависит от характера правоотношений, в рамках которых произошло нарушение, а также от выбранного способа реагирования со стороны управомоченного лица.

В ситуации, когда имеет место внедоговорное правонарушение, т.е. нарушение происходит со стороны неопределенного круга лиц, например, в случае незаконного размещения произведения в сети Интернет, использования объекта без разрешения правообладателя или обхода технических средств защиты, речь идет о защите абсолютного субъективного права. В таком случае основным способом реагирования становится самозащита. Процедура защиты при этом строится на личной инициативе субъекта, которому принадлежит интеллектуальное право, и предполагает реализацию действий фактического характера, направленных на пресечение или предотвращение нарушения. Это может выражаться в блокировке доступа к неправомерно размещенному контенту, направлении уведомлений нарушителям, применении технических средств защиты, ограничивающих возможность несанкционированного использования объектов.

Все эти действия осуществляются без обращения в компетентные органы, но при этом должны соответствовать требованиям законности, соразмерности и необходимости.

Иной характер приобретает процедура защиты в случае возникновения нарушений в рамках договорных обязательств. В этой ситуации речь идет об относительных правах, возникающих между конкретными сторонами. Здесь наряду с возможностью применения самозащиты, направленной на

ограничение действий контрагента, ключевое значение приобретают меры оперативного воздействия.

Заключение

Таким образом, процедура защиты интеллектуальных прав посредством самозащиты и мер оперативного воздействия зависит от совокупности условий, а именно от характера нарушенного права, правовой природы отношения и предусмотренных сторонами механизмов реагирования. Самозащита преимущественно применяется при нарушении абсолютных прав и носит фактический характер, в то время как меры оперативного воздействия реализуются в рамках договорных связей и имеют юридическую природу.

При этом следует отметить, что в странах ШОС законодательство в сфере самозащиты гражданских прав демонстрирует высокую степень сходства, закрепляя допустимость таких мер при условии их соразмерности и правомерности. Это подтверждает общую тенденцию признания неюрисдикционных форм защиты как важного и эффективного механизма защиты интеллектуальных прав в современных правовых порядках.

Список источников

1. Суханов Е.А. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. 2-е изд., стереотип / Е.А. Суханов. – Москва: Статут – 2011. – С. 425.
2. Полозова Д.В. Самозащита интеллектуальных прав в договорных отношениях / Д.В. Полозова // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 2(26). – С. 256.
3. Полозова Д.В. Об обязательственно-правовых и абсолютно-правовых способах защиты исключительных прав / Д.В. Полозова // Российское правосудие. – 2013. – № 12 (92). – С. 68.
4. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав / В.П. Грибанов. – Москва: Статут. – 2000. – С. 132.
5. Михайликов В.Л. Формы защиты авторских прав / В.Л. Михайликов // Nomothethika: Философия. Социология. Право. – 2010. – № 2 (73). – С. 138.

References

1. Sukhanov E.A. *Rossiyskoye grazhdanskoye pravo: uchebnik: v 2 t. T. 1: Obshchaya chast'. Veshchnoye pravo. Nasledstvennoye pravo. Intellektual'nyye prava. Lichnyye neimushchestvennyye prava = Russian Civil Law: Textbook: in 2 vol. Vol. 1: General Part. Property Law. Inheritance Law. Intellectual Rights. Personal Non-Property Rights.* 2nd ed., stereotype. Moscow: Statut Publ. 2011. P. 425 (in Russ.).
2. Polozova D.V. Self-Defense of Intellectual Rights in Contractual Relations. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 2014. No. 2(26). P. 256 (in Russ.).
3. Polozova D.V. On the Obligatory and Absolute Legal Methods of Protecting Exclusive Rights. *Rossiyskoye pravosudiye = Russian Justice.* 2013. No. 12(92). P. 68 (in Russ.).
4. Griбанov V.P. *Osushchestvleniye i zashchita grazhdanskikh prav = Exercise and Protection of Civil Rights.* Moscow: Statut Publ. 2000. P. 132.
5. Mikhailikov V.L. Forms of Copyright Protection. *Nomothethika: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo = Nomothethika: Philosophy. Sociology. Law.* 2010. No. 2 (73). P. 138 (in Russ.).

Статья поступила 10.09.2025, принята к публикации: 17.09.2025.

© Алиев Т.Т., 2025

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Научная статья

УДК 347.77

Национализация имущества и механизмы ограничения исключительного права в условиях санкций

Наталья Юрьевна Сергеева,

Российская государственная академия интеллектуальной собственности
Москва, Россия

Кандидат юридических наук, доцент кафедры Гражданского и
предпринимательского права

NSkafedra@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3964-7904>

Аннотация. Статья посвящена обзору современного гражданского законодательства о национализации имущества и законодательства, регламентирующего возможные механизмы ограничений исключительного права в условиях санкций с целью выявления отдельных проблем правового регулирования, а также необходимости внедрения в часть четвертую ГК РФ института, сходного с институтом национализации. Опираясь на доктрину и действующее законодательство о реторсиях, принудительных лицензиях и иных механизмах ограничений исключительного права (ограничительных мерах), автор приходит к выводу, что в действующем правовом поле достаточно инструментов для решения существующих проблем.

Ключевые слова: национализация, право собственности, интеллектуальная собственность, исключительное право, санкции.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках НИР «Зарубежный опыт национализации объектов интеллектуальной собственности в контексте ответных мер санкционной политики» (6-ГЗ-2023).

Для цитирования: Сергеева Н.Ю. Национализация имущества и механизмы ограничения исключительного права в условиях санкций / Н.Ю. Сергеева // IP: теория и практика. – 2025. – № 3 (11).

Original article

Nationalization of property and mechanisms for limiting exclusive rights under sanctions

Natalia Yu. Sergeeva,

Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia

Associate Professor of the Department of Civil and Business Law

PhD in Law

NSkafedra@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3964-7904>

Abstract. The article is devoted to the review of modern civil legislation on the nationalization of property and legislation regulating possible mechanisms of restrictions of exclusive rights in the context of sanctions in order to identify certain problems of legal regulation, as well as the need to introduce an institution similar to the institution of nationalization in Part Four of the Civil Code of the Russian Federation. Based on the doctrine and current legislation on retorsions, compulsory licenses, and other mechanisms of restrictions of exclusive rights (restrictive measures), the author concludes that there are sufficient tools in the current legal framework to address the existing problems.

Key words: nationalization, ownership, intellectual property, exclusive right, sanctions.

Funding: The study was carried out within the framework of the research project “Foreign experience of nationalization of intellectual property objects in the context of countermeasures of the sanctions policy” (6-GZ-2023).

For citation: Sergeeva N.Yu. Nationalization of property and mechanisms for limiting exclusive rights under sanctions // IP: theory and practice. 2025. No. 3 (11).

Введение

В гражданском праве Российской Федерации институту национализации, в том числе изучению его во взаимосвязи с интеллектуальной собственностью, посвящено множество трудов [1; 2; 3; 4]. Такой интерес связан с тем, что действующее гражданское законодательство в указанной области требует совершенствования, поскольку положения о национализации фактически не действуют из-за отсутствия специального (рамочного) правового регулирования. Вместе с тем в условиях санкций существующая правовая реальность требует мер ответного реагирования на действия, осуществляемые против России. Особенно остро данная проблема

проявляется в сфере интеллектуальной собственности, максимально уязвимой для многочисленных нарушений прав из-за ее нематериальной природы. В этой связи видится весьма актуальным и своевременным противостояние названным действиям благодаря имеющимся в действующем гражданском законодательстве правовым инструментам.

Данная статья посвящена обзору современного гражданского законодательства о национализации имущества и законодательства, регламентирующего возможные механизмы ограничений исключительного права с целью выявить необходимость внедрения в правовое поле части четвертой ГК РФ института, сходного с институтом национализации, в сложившейся геополитической реальности.

Методы

В процессе исследования были применены методы логического и системного анализа, сравнительный метод с целью выявления соотношения российского и зарубежного опыта национализации имущества, а также формально-юридический метод с целью толкования правовых норм и выявления юридических конструкций.

Основное исследование

Если обратиться к исследованию института национализации в его исторической ретроспективе, то можно увидеть, что идея приоритета государственных интересов над частными была теоретически обоснована еще средневековыми юристами, которые аргументировали необходимость предоставления государственной власти соответствующих компетенций.

В современном гражданском праве данные идеи получили свое развитие: в действующем Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) определены различные виды отчуждения имущества для государственных нужд. Так, помимо национализации, о которой пойдет речь в настоящей статье, к ним относится также отчуждение недвижимого

имущества в связи с изъятием земельного участка для государственных или муниципальных нужд (ст. 239.2 ГК РФ), реквизиция (ст. 242 ГК РФ), конфискация (ст. 243 ГК РФ) и др. Однако, как справедливо отмечается в доктрине: «Несмотря на близкое родство этих понятий, национализация должна играть собственную, особую роль в вопросах собственности и экономических отношениях вообще» [2].

Сегодня институт национализации подпадает под случаи принудительного изъятия имущества у собственника, перечисленные в п. 2 ст. 235 «Основания прекращения права собственности» ГК РФ, среди которых упомянута, в числе прочих, национализация (абз. 14). Данные положения содержатся в главе 15 ГК РФ, именуемой «Прекращение права собственности».

Под национализацией, согласно указанной норме, следует понимать принудительное обращение в государственную собственность имущества, принадлежащего физическим и юридическим лицам. При этом она производится на основании закона с возмещением стоимости изъятых имущества и других убытков в порядке, установленном ст. 306 ГК РФ. Если же обратиться к ее смыслу, то мы увидим, что, во-первых, убытки государство возмещает только в случае принятия закона, прекращающего право собственности, а во-вторых, споры о возмещении убытков разрешаются исключительно судом.

Вместе с тем **базового** (рамочного) закона о национализации до сих пор не принято, следовательно, и механизма реализации положений абз.14 п. 2 ст. 235 ГК РФ в законе нет. Имеются, однако, при этом единичные нормативные акты, в которых национализация имущества упоминается применительно к конкретным областям. Так, например, согласно ст. 13 Федерального закона от 08.01.1998 № 10-ФЗ «О государственном регулировании развития авиации» государство в целях обеспечения своих интересов в области развития авиации вправе на основании федерального закона национализировать (обратить в

государственную собственность) имущество, находящееся в собственности физических и юридических лиц.

Интересно отметить, что попытки закрыть существующий законодательный пробел в праве предпринимались неоднократно, но ни одна законодательная инициатива до настоящего момента не нашла одобрения. Так, в частности, последний законопроект № 692092-7 «Об основах национализации в Российской Федерации» был отклонен Государственной Думой сравнительно недавно – в 2020 г.¹

Вопрос относительно необходимости наличия данного федерального закона в действующем гражданском законодательстве является спорным. Как отмечено в доктрине: «Есть две точки зрения по этому вопросу. Согласно первой, закон о национализации принимать не стоит. Видимо, в законотворческой среде еще действуют «конституционные страхи» возврата старых советских институтов, которые связываются с образами очередного передела собственности, деприватизации и т.д. Позиция «не буди лихо, пока оно тихо», несомненно, имеет основания. Тем более что ряд задач фактической национализации научились решать в иных, уже отработанных и простых организационно-правовых рамках (изъятие земельных участков, изъятие недвижимого имущества, находящегося на изымаемых земельных участках, конфискация и т.д.). Согласно второй позиции, закон о национализации необходим, и чем быстрее он появится, тем лучше. К тому же определенная нормативная база и практика отчуждения имущества для государственных нужд в России наработана. Правда, в этих наработках видны противоречия и пробелы. Правовые элементы национализации следует упорядочить и привести в соответствие с конституционными основами [2].

Так, в поддержку принятия закона о национализации В.Д. Мазаев приводит ряд аргументов:

1. Правовой институт национализации в форме специального закона

---

¹ Официальный сайт Госдумы. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/692092-7> (дата обращения: 26.06.2025).

должен конкретизировать конституционную гарантию защиты права частной собственности и наполнить ее реальным правовым содержанием, обеспечив права собственников в отношениях с государством от необоснованных притязаний и несправедливой компенсации за потерю имущества.

2. С появлением конституционного обязательства государства обеспечивать условия устойчивого экономического роста национализация должна использоваться как нормальный инструмент воздействия на отношения собственности для стабилизации экономического развития, укрепления социальной устойчивости.

3. Необходимо упорядочить уже имеющиеся фактические общественные отношения в сфере национализации и соответствующую нормативную базу [2].

Приведенная позиция уважаемого ученого нам представляется убедительной. На наш взгляд, закон о национализации, безусловно, следует принять. Однако, думается, что имеющиеся законодательные меры требуют усиления в ситуации, когда частные интересы россиян грубо нарушаются за рубежом. Отметим в этой связи, что в 2022 г. на рассмотрении в Государственной Думе РФ находился законопроект № 103072-8 «О внесении изменения в статью 235 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и регулировании отдельных правоотношений по принудительному изъятию имущества»², которым предлагалось дополнить указанную статью возможностью принудительного изъятия имущества в иных случаях, предусмотренных федеральным законом. По смыслу законопроекта такая возможность предусматривалась для изъятия в собственность РФ объектов права собственности, находящихся на ее территории и принадлежащих по состоянию на 24 февраля 2022 г. иностранным государствам, иностранным лицам, связанным с иностранными государствами, которые совершают в отношении РФ, российских юрлиц и физлиц недружественные действия, а

---

² Официальный сайт Госдумы. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/103072-8> (дата обращения: 26.06.2025).

также их бенефициарам и лицам, находящимся под контролем указанных иностранных лиц, независимо от места их регистрации или места преимущественного ведения ими хозяйственной деятельности. При этом речь шла о движимом и недвижимом имуществе, денежных средствах, вкладах в банках, ценных бумагах, корпоративных правах, ином имуществе (активах), которые непосредственно или через аффилированных лиц принадлежат вышеуказанным иностранным государствам и лицам. Изъятие указанного имущества предлагалось осуществлять без выплаты компенсации стоимости таких объектов.

Данный законопроект не получил поддержки законодателя. Комитет Государственной Думы по государственному строительству и законодательству предложил Совету Государственной Думы вернуть указанный законопроект субъекту законодательной инициативы в соответствии с частью 7¹ ст. 108 Регламента Государственной Думы, а также в связи с тем, что законопроект содержит самостоятельный предмет правового регулирования и предусматривает внесение изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации³.

Интересно отметить в этой связи, что в Республике Беларусь уже несколько лет действует практически аналогичный Закон № 240-З «Об изъятии имущества»⁴ (далее – Закон). Им предусмотрено принудительное изъятие имущества, возможное в случае возникновения угрозы национальным интересам данного государства. Основанием для такого изъятия является совершение в отношении Республики Беларусь, ее юридических и (или) физических лиц недружественных действий (ст. 3 Закона). При этом согласно ст. 2 Закона при изъятии объектов права собственности вопрос о компенсации (возмещении) их стоимости решается с учетом применения компенсации (возмещения) при совершении в отношении Республики Беларусь, ее

³ Официальный сайт Госдумы. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/103072-8?ysclid=mcd2p224m812226562> (дата обращения: 26.06.2025).

⁴ URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12300240> (дата обращения: 26.06.2025).

юридических и (или) физических лиц недружественных действий.

Не вдаваясь в правовой анализ возможности наличия данного нормативного акта в гражданском законодательстве, который не является предметом настоящей статьи, отметим, что наличие подобного законодательного акта следует рассматривать как крайнюю меру и некую альтернативу принудительному изъятию имущества. Подобная мера в определенных случаях может быть, действительно, эффективной и отвечать национальным интересам государства в сложной геополитической ситуации.

Возвращаясь к институту национализации, следует подчеркнуть, что объектом национализации является имущество, которое имеет собственника. Не случайно положения о национализации находятся в разделе II ГК РФ, именуемом «Право собственности и другие вещные права». В свою очередь право собственности является основным вещным правом, объектом которого являются, прежде всего, объекты материального мира (вещи). Сказанное означает, что понятие «имущество», которое употребляется в контексте п. 2 ст. 235 ГК РФ следует рассматривать применительно к субъективному вещному праву, тогда как субъективные имущественные права с иной правовой природой под нее не подпадают и национализации не подлежат.

Среди таких прав в контексте настоящей статьи мы выделим исключительное право, являющееся, по смыслу ст. 1226 ГК РФ, также правом имущественным, однако под положения о национализации не подпадающим (ст. 1227 ГК РФ), поскольку возникает на идеальный объект – интеллектуальную собственность (ст. 1225 ГК РФ). Именно нематериальность данного объекта делает интеллектуальную собственность максимально уязвимой для нелегитимных действий недружественных правообладателей.

В этой связи возникает вопрос: следует ли внедрить в правовое поле части четвертой ГК РФ институт, сходный с национализацией имущества, в сложившейся геополитической реальности? Имеются ли основания для усиления контрмер на недружественные и нелегитимные действия коллективного Запада?

В доктрине данный вопрос представлен как дискуссионный.

Так, одни ученые полагают, что в законодательстве об интеллектуальной собственности «уже существует институт, который однозначно составляет конкуренцию механизму национализации – это принудительная лицензия» [3, с. 202]. При этом уважаемый автор указывает на то, что «отличия института принудительной лицензии однозначно представляют собой преимущества перед национализацией, т.к. не лишают его исключительных прав, соответственно, возможности распоряжения ими, в то же самое время за предоставление указанной лицензии правообладателю также полагается компенсация, как и при национализации» [3, с. 202]. Другие ученые считают, что «принцип национализации неприменим в явном виде к интеллектуальной собственности, включающей в себя идеальные объекты. Однако нормы об использовании запатентованных результатов интеллектуальной деятельности без согласия патентообладателя в случае угрозы общественным интересам вполне могут быть применены по аналогии с нормами о национализации частной (материальной) собственности – при обязательном соблюдении надлежащего законного порядка и с выплатой адекватной компенсации. Вот только расчет этой компенсации должен проводиться с учетом как стоимости исключительного права на «национализируемый» объект, так и всех тех убытков, которые создает уход правообладателя этого объекта с российского рынка» [4].

По нашему мнению, высказанные мнения цивилистов, в целом, сводятся к общему выводу о том, что в действующем правовом поле достаточно правовых механизмов для решения существующих проблем, возникающих в сфере интеллектуальной собственности в сложившихся правовых реалиях. Считаем, что наряду с упомянутыми принудительными лицензиями, положениями об использовании запатентованных результатов интеллектуальной деятельности без согласия патентообладателя в случае угрозы общественным интересам существуют также реторсии, которые не менее эффективны в подобной ситуации, что в полной мере демонстрирует

Постановление Правительства РФ от 29.03.2022 № 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы»⁵. Наряду с указанными мерами введены также новые правовые инструменты, благодаря которым осуществляется противодействие санкционному давлению⁶, формирующие сегодня, по сути, новый институт – институт ограничительных мер в сфере интеллектуальной собственности. Все сказанное позволяет говорить об отсутствии какой-либо необходимости внедрять в часть четвертую ГК РФ еще один правовой институт, аналогичный институту национализации имущества.

Заключение

Подводя итог сказанному, выделим главное.

1. Под национализацией в действующем гражданском законодательстве следует понимать принудительное обращение имущества гражданина или юридического лица в собственность государства на возмездной основе. Основанием для этого является федеральный закон, который в настоящее время не принят, что создает практическую проблему, связанную с применением соответствующих положений ГК РФ. Данный пробел в праве требует внимания законодателя. Представляется также, что в ситуации, когда частные интересы россиян грубо нарушаются за рубежом, следует рассмотреть возможность внедрения в гражданское законодательство, в том

---

⁵ Постановление Правительства РФ от 29.03.2022 № 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_413173/ (дата обращения: 01.05.2025).

⁶ Указ Президента РФ от 27.05.2022 № 322 «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми правообладателями»; Указ Президента РФ от 15.02.2024 № 122 «О совершенствовании порядка принятия решений об использовании изобретений, полезных моделей и промышленных образцов в целях обеспечения экономической безопасности Российской Федерации»; Указ Президента РФ от 20.05.2024 № 430 «О временном порядке приобретения исключительных прав некоторыми правообладателями и исполнения денежных обязательств перед отдельными иностранными кредиторами и подконтрольными им лицами» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document/> (дата обращения: 03.05.2025).

числе, усиленных мер о принудительном изъятии имущества в собственность государства в случаях угрозы его национальным интересам. При этом вопрос о возмещении стоимости изъятых имущества следует решать с учетом применения возмещения при совершении в отношении Российской Федерации, ее юридических и (или) физических лиц недружественных действий. Подобная мера в определенных случаях может быть действительно эффективной и отвечающей национальным интересам государства в сложной геополитической ситуации.

2. Обзор современного гражданского законодательства о национализации имущества и законодательства, регламентирующего возможные механизмы ограничений исключительного права показал отсутствие необходимости внедрения в правовое поле части четвертой ГК РФ института, аналогичного институту национализации. Опираясь на доктрину и действующее законодательство о реторсиях, принудительных лицензиях и иных механизмах ограничений исключительного права (ограничительных мерах), автор приходит к выводу, что в действующем правовом поле достаточно инструментов для решения существующих проблем, возникающих в сфере интеллектуальной собственности в условиях санкций. При этом более радикальные меры могут разрушить столь сложный и хрупкий баланс, позволяющий сегодня охранять объекты интеллектуальных прав на международном пространстве.

Список источников

1. Белов В.А. Национализация в российском гражданском праве: история и современность / В.А. Белов // Законодательство. – 1999. – № 2. – С. 24–27.
2. Мазаев В.Д. Конституционализация национализации / В.Д. Мазаев // Законодательство. – 2024. – № 4. – С. 37–43.
3. Голубев Е.В. Особенности национализации объектов интеллектуальной собственности в контексте природы интеллектуальных прав / Е.В. Голубев // Образование и право. – 2024. – № 7. С. 199–203.

4. Ревинский О.В. Возможности национализации интеллектуальных прав / О.В. Ревинский // IP: теория и практика. 2025. № 1. URL. <https://iptp.rgiis.ru/index.php/IPTP/article/view/170>.

References

1. Belov V.A. Nationalization in Russian civil law: history and modernity. *Zakonodatel'stvo = Legislation*. 1999. No. 2. P. 24–27 (In Russ.).
2. Mazaev V.D. Constitutionalization of nationalization. *Zakonodatel'stvo = Legislation*. 2024 g. No. 4. P. 37–43 (In Russ.).
3. Golubev E.V. Peculiarities of nationalization of intellectual property objects in the context of the nature of intellectual rights. *Obrazovanie i pravo = Education and Law*. 2024. No. 7. P. 199–203 (In Russ.).
4. Revinskij O.V. Possibilities of nationalization of intellectual rights. *IP: teoriya i praktika = IP: theory and practice*. 2025. No. 1. URL. <https://iptp.rgiis.ru/index.php/IPTP/article/view/170> 1 (In Russ.).

Статья поступила 27.06.2025, принята к публикации: 13.08.2025.

© Сергеева Н.Ю., 2025

Научная статья

УДК 624.21

**Динамика развития области гражданского мостостроения
на примере запатентованных в Российской Федерации
разработок на изобретения и полезные модели в XXI веке**

Александра Георгиевна Головина¹

Александр Анатольевич Лысков²

^{1, 2} Федеральный институт промышленной собственности, Москва, Россия

¹ Начальник отдела горного дела, строительства и легкой промышленности

agolovina@rupto.ru

<https://orcid.org/0009-0007-6253-8665>

² Главный государственный эксперт по интеллектуальной собственности отдела горного дела, строительства и легкой промышленности, кандидат технических наук

aleksandr.lyskov@rupto.ru

<https://orcid.org/0009-0003-1399-7647>

Аннотация. На основе использования патентных данных и аналитических инструментов сформировано представление о динамике патентования в РФ изобретений и полезных моделей в области гражданского мостостроения. Одним из показателей развития различных технических областей, в том числе гражданского мостостроения, является количество выданных патентов на изобретения и полезные модели. Представлена динамика числа опубликованных охранных документов на изобретения и полезные модели РФ в области гражданского мостостроения в XXI веке. Выявлены направления патентования в области гражданского мостостроения, ключевые патентообладатели. В современных условиях важно поддерживать инновационный процесс, обеспечивать формирование технологического суверенитета.

Ключевые слова: гражданское мостостроение, мост, патент, охранный документ, патентная активность.

Для цитирования: Головина А.Г., Лысков А.А. Динамика развития области гражданского мостостроения на примере запатентованных в Российской Федерации разработок на изобретения и полезные модели в XXI веке // IP: теория и практика. 2025. № 3 (11).

Original article

The civil bridge building area dynamic on the example of inventions and utility models patented in Russia in the 21st century

Alexandra G. Golovina¹

Alexander A. Lyskov²

^{1, 2} Federal Institute of Intellectual Property, Moscow, Russia

¹ Head of the Department of Mining, Construction and Light Industry

agolovina@rupto.ru

<https://orcid.org/0009-0007-6253-8665>

² Chief State Patent Examiner on Intellectual Property of the Department of Mining, Construction and Light Industry, PhD of Technical Sciences

aleksandr.lyskov@rupto.ru

<https://orcid.org/0009-0003-1399-7647>

Abstract. Based on the use of patent data and analytical tools, an idea was formed about the dynamics for inventions and utility models in Russia of the civil bridge building. One of the indicators of the development of various technical areas, including civil bridge building, is the quantity of issued patents on inventions and utility models. Dynamics of published protection documents for inventions and utility models in Russia in the area of civil bridge building in the 21st century has been presented. Features the strategy of patenting has been revealed. The areas of patenting and top applicants of the civil bridge building has been shown. In modern conditions, it is important to support the innovation process and to ensure the formation of technological sovereignty.

Keywords: civil bridge building, bridge, patent, protection document, patent activity.

For citation: Golovina A.G., Lyskov A.A. The civil bridge building area dynamic on the example of inventions and utility models patented in Russia in the 21st century // IP: theory and practice. 2025. № 3 (11).

Введение

При строительстве мостов ключевым фактором является научная деятельность, направленная на разработку новых материалов, техники и технологий. Мостостроение является одним из самых сложных видов строительных работ. Строительство мостов осуществляется с учетом специфики местности и требует сложных расчетов, которые учитывают в том числе особенности грунта, нагрузки на опоры, интенсивность движения и влияние внешних факторов. В связи с этим разрабатываются инновации в области мостостроения, появляются более прогрессивные материалы и конструктивные решения [1].

Анализ мирового развития науки и техники показывает, что теория и методы анализа конструкций мостов, теория проектирования и технологии расчета, строительные материалы и другие технические аспекты мостостроения развиваются и совершенствуются, а теоретические направления и техническое применение в строительстве мостов достигли высокого технологического уровня. Всё это открывает широкие возможности для разработок и ставит перед проектировщиками и исследователями мостов по всему миру сложные технические задачи [2]. Многие мосты являются выдающимися памятниками инженерного искусства, а также примером использования новейших технологий [3].

От активности сегодняшних и будущих изобретателей напрямую зависит прогресс в области мостостроения.

В современных условиях важно наращивать интенсивность научных исследований, создавать передовые результаты научной и интеллектуальной деятельности, поддерживать инновационный процесс и научно-технологическое развитие разработчиков и страны в целом [4].

Методы

В процессе исследования на основе оценочных данных российских и зарубежных патентных и патентно-аналитических поисковых систем были

применены методы количественного и логического анализа, а также методы сравнения и обобщения с целью выявления направлений и областей патентования, ведущих разработчиков в области гражданского мостостроения.

Основное исследование

Для лучшего ориентирования заинтересованных лиц, в том числе разработчиков и изобретателей, проведен анализ опубликованных охранных документов на технические решения – патентов на изобретения и полезные модели.

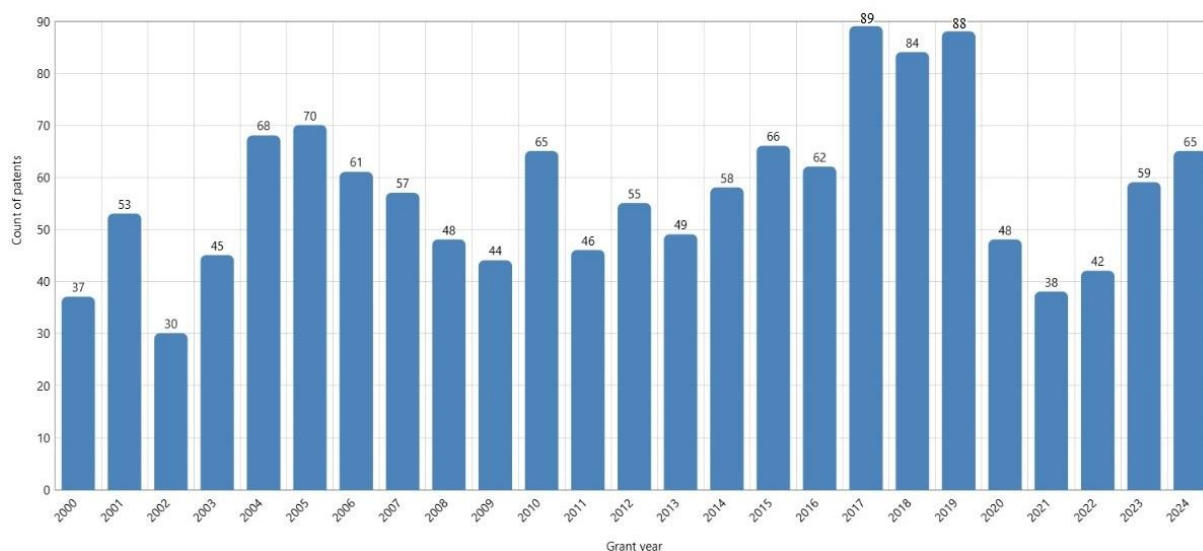
Вначале представим динамику патентов на изобретения и полезные модели в области гражданского мостостроения, распространяющих свое действие на территории Российской Федерации. В этом случае в качестве охранных документов будем рассматривать российские патенты на изобретения и полезные модели, а также евразийские патенты на изобретения.

Ориентировочные статистические показатели в данной работе представлены по оценочным данным российских и зарубежных патентных и патентно-аналитических поисковых систем: платформа Роспатента, Patsearch, Orbit Intelligence, Espacenet.

Согласно действующей Международной патентной классификации (далее – МПК) 2025 года, раздел «Е» относится к строительству и горному делу. Далее, раздел «Е01» относится к дорожному строительству, строительству железных дорог и мостов. Подраздел «Е01D» включает в себя мосты. Именно этот подраздел МПК «Е01D» принят для дальнейшего анализа в качестве оценочного. Предполагается, что наполнение указанного подраздела патентами на изобретения и полезные модели показывает степень заинтересованности в охранных продуктах у изобретателей в области гражданского мостостроения – строительства мостов и путепроводов, которые являются важными элементами городской инфраструктуры, облегчают перемещение людей, транспорта, а также ресурсов и услуг.

Количество опубликованных охранных документов (включающих российские патенты на изобретения и полезные модели, а также евразийские патенты на изобретения) по классам МПК, входящим в подраздел «E01D» за XXI век (2000-2024 годы включительно) показано на рис. 1.

Рис. 1. Распределение запатентованных в РФ изобретений и полезных моделей в разделе МПК E01D по 2000-2024 годам

Как видно из рис.1, количество патентов, распространяющих свое действие на территории РФ, на протяжении всего исследуемого периода находится на весьма высоком уровне и достигает своего пика более 80 патентов в год в период 2017-2019 годов. По сравнению с пиковыми значениями в 2017-2019 годах, количество опубликованных патентов в последующие годы хоть и уменьшилось примерно на 30% (что, вероятно, связано с пандемией COVID-19), но имеет весьма высокий потенциал. Общей тенденцией всего периода 2000-2024 годов является сохранение существенной патентной активности.

Анализ динамики числа патентов в области гражданского мостостроения показывает, что мостостроение в стране является площадкой для применения инновационных технологий, которые влекут за собой проявление технических эффектов и, как следствие, способствуют

повышению долговечности, безопасности, ремонтпригодности одних из самых сложных элементов дорожного строительства.

Только за последние годы дорожно-транспортный каркас страны пополнился такими выдающимися сооружениями, как вантовый мост через Оку на трассе М-12 «Восток», Высокогорский мост через Енисей в Красноярском крае, мост через реку Свирь в Ленинградской области, железнодорожный мост через реку Ареду на Транссибе, Крымский мост, мост через Обь в Сургуте, мост через Волгу на обходе Твери, Архангельский мост через Шексну. В ходе проектирования и строительства мостов патентуются инновационные технические решения. Так, например, в ходе строительства моста Гонконг-Чжухай-Макао в Китае – самого протяженного морского моста, часть которого проходит в подводном тоннеле, было получено 454 патента на оригинальные инженерные решения, сам мост в 2020 году получил награду за выдающиеся достижения в области конструкции Международной ассоциации мостостроения и проектирования конструкций [3].

Как видно из рис.1, всего за 2000-2024 годы получило охрану около 1,4 тыс. патентов (1427 единиц) на изобретения и полезные модели в области гражданского мостостроения, распространяющих свое действие на территории РФ.

Основная часть патентов (98% от общего числа патентов с действием на территории РФ) является патентами РФ. Остальные 2% приходится на Евразийские патенты (24 единицы, что составляет 2% от общего числа патентов с действием на территории РФ). Указанные 24 евразийских патента по динамике их патентования за 2000-2024 годы распределены примерно равномерно (в среднем по 1 ед. в год). Правовая охрана запатентованному решению, выданному Евразийским патентным ведомством, предоставляется на территории выбранных правообладателем государств, которые являются членами регионального договора – Евразийской патентной конвенции.

Среди выявленных патентов РФ (1403 ед.) в области гражданского мостостроения, 56% приходится на изобретения и 44% – на полезные модели.

В качестве изобретений охраняются технические решения, относящиеся к продукту или способу, в том числе к применению продукта или способа по определенному назначению; в качестве полезных моделей - технические решения, относящиеся к устройству. Такая относительно высокая доля патентов на полезные модели (44% от общего числа патентов РФ) связана с характером инновационных решений в области гражданского мостостроения – в большей своей массе это продукты (устройства, узлы, отдельные конструктивные модули).

Среди патентов, распространяющих свое действие на территории РФ, есть патенты как с отечественными патентообладателями (резидентами), так и патенты с иностранными патентовладельцами (нерезидентами).

Анализ патентов показал, что для области гражданского мостостроения характерно существенное преобладание резидентов по отношению к нерезидентам. Так, из общего числа около 1,4 тыс. вышеупомянутых патентов только 80 патентов принадлежат иностранным патентообладателям – нерезидентам, что составляет всего около 6% от общего числа запатентованных технических решений. Остальные 94% от общего числа патентов с действием на территории РФ принадлежат отечественным разработчикам.

Такая относительно небольшая доля присутствия нерезидентов (6%) в данной области позволяет предполагать, что гражданское мостостроение не является зависимым от иностранных правообладателей, и интеллектуальная собственность сосредоточена преимущественно в руках российских патентообладателей.

В качестве сравнения, в другой области, отличной от мостостроения – например в области скважинного уплотнительного оборудования для нефтегазодобывающей промышленности, на нерезидентов приходится уже около 20% от всего объема патентов за тот же период [5].

Высокую степень импортонезависимости в гражданском мостостроении подтверждает и тот факт, что отрасль мостостроения, с опытом и знаниями

российских проектных институтов, входит в пятерку наиболее конкурентоспособных направлений отечественной промышленности, а также в пятерку сильнейших отраслей в мире по наличию ресурсов, техники, компетенций, степени подготовленности персонала [6].

При исследовании выявленного массива охранных документов был проведен анализ сущности технических решений в области гражданского мостостроения.

Так, по характеристике объектов патентования в области гражданского мостостроения по своему назначению, из запатентованных технических решений были выделены следующие основные группы:

- 1) патенты на конструкции мостов в целом;
- 2) патенты на отдельные конструктивные элементы мостов;
- 3) патенты на различные способы и устройства для возведения, сборки, ремонта, укрепления мостов.

На рис. 2 показано количество опубликованных в XXI веке (2000-2024 годы включительно) патентов в области гражданского мостостроения, распределенных по назначению на вышеупомянутые три группы.

Рис. 2. Распределение по назначению охранных документов в области гражданского мостостроения, опубликованных в 2000-2024 годах

Из рис. 2 видно, что велика доля патентов, приходящихся на конструкции мостов в целом (585 единиц – из них 367 изобретений и 218 полезных моделей) и на отдельные конструктивные элементы мостов (529 единиц – из них 271 изобретение и 258 полезных моделей). Меньше, но в достаточном количестве (293 единицы – из них 204 изобретения и 89 полезных моделей) патентов было выявлено не на сами мосты и их элементы, а на решения, обеспечивающие их возведение и ремонт, а именно – на различные способы и устройства для возведения, сборки, ремонта, укрепления мостов.

По характеру конструкции мостов в целом, из запатентованных технических решений на конструкции мостов были условно выделены 6 основных направлений конструкций мостов:

- 1) передвижные, переносные или сборно-разборные мосты; наплавные мосты (58%);
- 2) мосты, характеризующиеся поперечным сечением несущей конструкции перекрытия (16,5%);
- 3) мосты, характеризующиеся комбинацией конструкций (10%);
- 4) висячие мосты или мосты на канатах или тросах (8%);
- 5) арочные мосты (5%);
- 6) мосты со сквозными фермами (2,5%).

На рис. 3 показано количество опубликованных в XXI веке (2000-2024 годы включительно) патентов на конструкции мостов в целом, распределенных по характеру конструкции на вышеупомянутые шесть направлений.

Рис. 3. Распределение по характеру конструкции охранных документов на конструкции мостов в целом, опубликованных в 2000-2024 годах

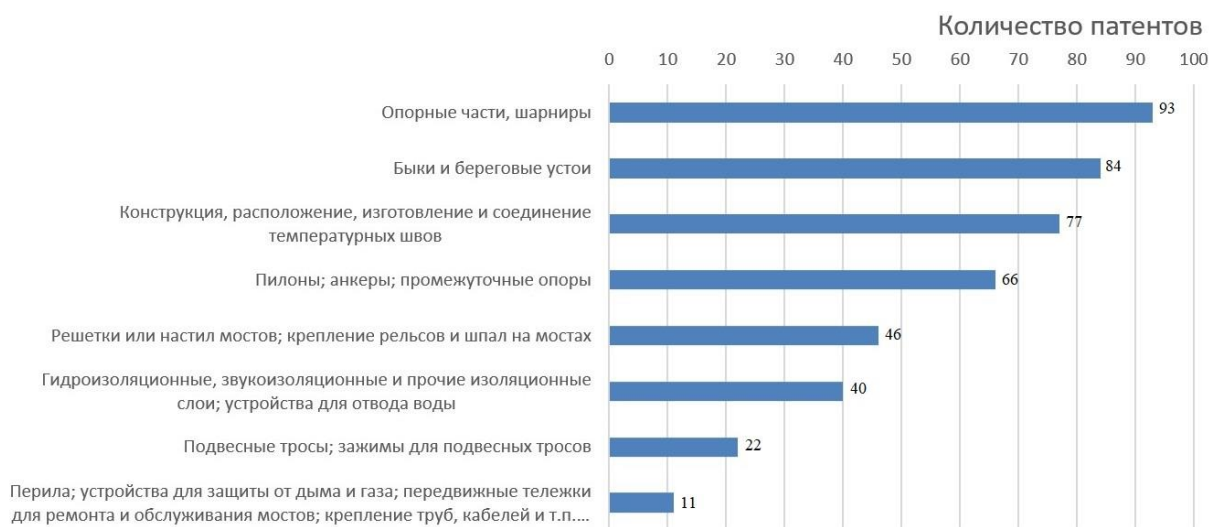
Из рис. 3 следует, что велика доля патентов, приходящихся на передвижные, переносные или сборно-разборные, а также наплавные мосты (340 единиц, или 58% от общего числа патентов на конструкции мостов в целом) – эти технические решения конструкций мостов развиваются наиболее интенсивно. Также большой интерес для разработчиков представляют мосты, характеризующиеся поперечным сечением несущей конструкции перекрытия (95 единиц, или 16,5%); висячие мосты или мосты на канатах или тросах (47 единиц, или 8%), а также мосты, характеризующиеся комбинацией конструкций (58 единиц, или 10%). Среди всех конструкций мостов менее наполнены патентами остальные группы – арочные мосты (30 единиц, или 5%) и мосты со сквозными фермами (15 единиц, или 2,5%), что позволяет сделать вывод о том, что конкуренция среди таких конструкций мостов невелика и разработчикам в этих направлениях легче будет сосредоточить свои интеллектуальные силы.

По основным видам конструктивных элементов мостов, из запатентованных технических решений на конструктивные элементы мостов были условно выделены 8 основных видов конструктивных элементов мостов:

- 1) опорные части, шарниры (18%);
- 2) быки и береговые устои (16%);

- 3) конструкция, расположение, изготовление и соединение температурных швов (15%);
- 4) пилоны; анкеры; промежуточные опоры (12%);
- 5) решетки или настил мостов; крепление рельсов и шпал на мостах (9%);
- 6) гидроизоляционные, звукоизоляционные и прочие изоляционные слои; устройства для отвода воды (8%);
- 7) подвесные тросы; зажимы для подвесных тросов (4%);
- 8) перила; устройства для защиты от дыма и газа; передвижные тележки для ремонта и обслуживания мостов; крепление труб, кабелей и т.п. на мостах (2%).

На рис. 4 показано количество опубликованных в XXI веке (2000-2024 годы включительно) патентов на конструктивные элементы мостов, распределенных по восьми вышеупомянутым видам конструктивных элементов.

Рис. 4. Распределение по видам конструктивных элементов мостов охранных документов, опубликованных в 2000-2024 годах

Из рис. 4 видно, что велика доля патентов, приходящихся на такие конструктивные элементы мостов, как быки и береговые устои (84 единицы,

или 16% от общего числа патентов на конструктивные элементы мостов); опорные части, шарниры (93 единицы, или 18%); конструкция, расположение, изготовление и соединение температурных швов (77 единиц, или 15%); пилоны; анкеры; промежуточные опоры (66 единиц, или 12%). Они представляют наибольший интерес для разработчиков. Менее заполнены такие ниши, как гидроизоляционные, звукоизоляционные и прочие изоляционные слои, устройства для отвода воды (40 единиц, или 8%); перила, устройства для защиты от дыма и газа, передвижные тележки для ремонта и обслуживания мостов, крепление труб, кабелей и т.п. на мостах (11 единиц, или 2%); решетки или настил мостов, крепление рельсов и шпал на мостах (46 единиц, или 9%); подвесные тросы, зажимы для подвесных тросов (22 единицы, или 4%).

Анализ основных обладателей патентов, опубликованных в 2000-2024 годах в области гражданского мостостроения показал, что по указанной тематике не прослеживается одного явного лидера по числу принадлежащих ему патентов. По количеству патентов лидируют в основном российские проектные институты, производственные компании, федеральные учреждения. В таблице 1 представлены сведения об основных отечественных обладателях охранных документов в области гражданского мостостроения в XXI веке (2000-2024 годы включительно). При этом для представленных в таблице 1 основных патентообладателей-резидентов характерно патентование по всем направлениям в области гражданского мостостроения, что может указывать на отсутствие какой-либо выраженной ниши, не занятой отечественными патентообладателями.

К патентам, распространяющим свое действие на территории РФ в области гражданского мостостроения, проявляют относительно небольшой интерес и нерезиденты, как было проанализировано выше. В таблице 2 представлены сведения об основных обладателях-нерезидентах охранных документов в области гражданского мостостроения в XXI веке (2000-2024

годы включительно). Двухбуквенные коды стран (DE, FR, CH) приведены в соответствии со стандартом ST.3 [7].

Табл. 1. Основные патентообладатели-резиденты в мостостроении

Патентообладатель	Кол-во патентов
ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ имени генерала армии А.В. Хрулева"	88
ОАО по проектированию строительства мостов "Институт Гипростроймост"	61
ООО "НПП СК МОСТ"	31
ФГБОУ ВО "Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема"	29
ОАО "Научно-исследовательский институт транспортного строительства"	29
Российская Федерация, от имени которой выступает Министерство Обороны РФ	28
ФГБУ "З Центральный научно-исследовательский институт" Министерства обороны РФ	22
ФГБОУ ВПО "Астраханский государственный технический университет"	19
ФГБУН Институт машиноведения и металлургии Дальневосточного отделения РАН	18
ФГБОУ ВО "Сибирский государственный университет путей сообщения"	17
ОАО "Мостотрест"	16
ФГБУН Хабаровский федеральный исследовательский центр Дальневосточного отделения РАН	14
ФГБОУ ВО "Казанский государственный архитектурно-строительный университет"	14
ФГБУ "Центральный научно-исследовательский испытательный институт инженерных войск" Министерства обороны РФ	13
ООО Проектно-исследовательский институт "Кировмостдорпроект"	13
ФГБОУ ВПО "Томский государственный архитектурно-строительный университет"	12
Петербургский государственный университет путей сообщения	11
ФГУП Конструкторское бюро транспортного машиностроения	9
ФГБУ "Научно-исследовательский испытательный центр Железнодорожных войск" Министерства обороны РФ	9
ООО "Научно-технологический испытательный центр АпАТЭК-Дубна"	9
ООО "Опора"	9
ОАО Институт по изысканиям и проектированию мостовых переходов "ГИПРОТРАНСМОСТ"	9
ОАО "Волгомост"	9
ГОУ ВПО "Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия	9
АО "Спецремпроект"	9
Военная академия тыла и транспорта	9
ООО "Деформационные швы и опорные части"	8
Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова Министерства обороны РФ	8
ОАО "Институт по изысканиям и проектированию мостовых переходов" - "Гипротрансмост"	8

Представленные в таблице 2 основные патентообладатели-нерезиденты патентуют в основном технические решения, связанные с опорными частями мостов, конструкцией температурных швов, а также с конструкцией висячих (вантовых) мостов.

Табл. 2. Основные патентообладатели-нерезиденты в мостостроении

Патентообладатель	Кол-во патентов
МАУРЕР ЗЁНЕ ИНЖИНИРИНГ ГМБХ & КО (DE)	11
СОЛЕТАНШ ФРЕЙССИНЕ С.А.С. (FR)	8
ФСЛ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬ АГ (CH)	6

Анализ патентов в области гражданского мостостроения за период 2000-2024 годы также показывает, что среди них статус действующих имеет около 200 патентов. В свою очередь из них имеются патенты-«долгожители», которые на протяжении долгого времени имели статус действующих. Например, это такие патенты на изобретения, как:

- RU 2303674 C1, опубл. 27.07.2007 (действует последний 20-й год) – «Способ сооружения свайных фундаментов мостовых опор»;
- RU 2304656 C1, опубл. 20.08.2007 (действует последний 20-й год) – «Способ демонтажа объемными блоками решетчатого пролетного строения моста»;
- RU 2310033 C1, опубл. 10.11.2007 (действует последний 20-й год) – «Консольные подмости и способ сооружения консольных плит или карнизных блоков железобетонного пролетного строения моста»;
- RU 2325476 C2, опубл. 27.05.2008 (действует последний 20-й год) – «Способ замены опорных частей моста».

Охраняемые этими патентами технические решения относятся к способам и устройствам для возведения и ремонта мостов, техническими результатами являются повышение несущей способности со снижением материалоемкости, снижение возникающих при замене опор напряжений в пролетном строении, повышение скорости проводимых работ.

Обладатель указанных патентов ОАО «Мостотрест» (с 2021 года исключительное право перешло к АО «Дороги и Мосты») продлевает срок их действия, оплачивая государственные пошлины, следовательно, патенты нужны компании играют важную роль в ее деятельности. На основании этого можно также заключить, что для указанной организации патенты на технические решения имеют коммерческую ценность. Кроме того, с высокой долей вероятности, объем прав, охраняемый формулами этих патентов, представляет практическую значимость при строительстве и эксплуатации [5]. С сущностью этих технических решений можно ознакомиться подробнее по

вышеуказанным номерам патентов, например, в разделе «Открытые реестры» официального сайта ФГБУ ФИПС.

Заключение

Таким образом, на основе использования патентных данных и аналитических инструментов сформировано представление о динамике патентования в РФ технических решений в области гражданского мостостроения в XXI веке, представленных изобретениями и полезными моделями.

Динамика получения патентов, распространяющих свое действие на территории РФ, демонстрирует постоянство на всем исследуемом периоде.

Для области гражданского мостостроения среди патентов, распространяющих свое действие на территории РФ, характерно существенное преобладание отечественных патентообладателей (резидентов) по отношению к зарубежным патентообладателям (нерезидентам). Такая тенденция патентования российских разработок вносит вклад в развитие независимости отрасли нашей страны и способствует формированию ее технологического суверенитета.

Выявлены направления патентования в области гражданского мостостроения. Велика доля патентов, приходящихся на конструкции мостов в целом и на отдельные конструктивные элементы мостов.

Из конструкций мостов наиболее патентуемыми являются передвижные, переносные или сборно-разборные, а также наплавные мосты.

Из конструктивных элементов мостов максимальное количество патентов на изобретения и полезные модели в XXI веке, распространяющих свое действие на территории РФ, опубликовано среди опорных частей и шарниров мостов.

Выявлены основные патентообладатели в области мостостроения – ими являются как государственные структуры – российские проектные институты,

федеральные учреждения, так и коммерческие организации – производственные компании.

Такой анализ областей техники необходим для выявления направлений разработок, демонстрирующих наиболее интенсивное развитие, а также направлений, развитие которых менее динамично.

В современных условиях важно поддерживать инновационный процесс, обеспечивать формирование технологического суверенитета, анализировать перспективы гражданского мостостроения.

Список источников

1. Нагимов М.Ф. Инновации в области мостостроения: прогрессивные материалы и конструктивные решения // Экономика строительства. 2023. №7. С. 64-68.
2. Renda Zhao, Kaifeng Zheng, Xing Wei et al. State-of-the-art and annual progress of bridge engineering in 2021 // Advances in Bridge Engineering. 2022. V. 3, 29. doi: 10.1186/s43251-022-00070-1.
3. Перспективы мостостроения. URL: <https://времяроссии.рф/event/perspektivy-mostostroeniya> (дата обращения: 12.05.2025).
4. Головина А.Г., Лысков А.А. Стратегия патентования изобретений и полезных моделей в области горного дела на примере российских компаний // IP: теория и практика. 2024. № 4 (8). С. 28-41.
5. Лысков А.А., Сальников М.Ю. Значимость патентов и патентных исследований в области добычи нефти и газа в условиях импортозамещения. Патентное исследование пакерной продукции // Инженерная практика. 2023. №3. С. 4-10.
6. Ключевая тенденция российского мостостроения – реализация проектов в сжатые сроки. URL: <https://www.avtodorogi-magazine.ru/arkhiv/razdely/14-tochka-zreniya/453-klyuchevaya-tendentsiya.html> (дата обращения: 13.05.2025).
7. Справочник по информации и документации в области промышленной собственности. URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/documents/st-3-rekomenduemyy-standart-na-dvubukvennye-kody-dlya-predstavleniya-stran-administrativnyh-edinic-i-mezhpravitelstvennyh-organizacij/download> (дата обращения: 12.05.2025).

References

1. Nagimov M.F. Innovations in the field of bridge construction: progressive materials and constructive solutions. *Ekonomika stroitel'stva* = Economics of construction. 2023, No. 7. P. 64-68 (in Russ.).
2. Renda Zhao, Kaifeng Zheng, Xing Wei et al. State-of-the-art and annual progress of bridge engineering in 2021. *Advances in Bridge Engineering*. 2022. V. 3, 29. doi: 10.1186/s43251-022-00070-1.
3. Perspektivy mostostroeniya = Prospects of bridge construction. URL: <https://xn--b1agjasmkca4m.xn--p1ai/event/perspektivy-mostostroeniya> (date of access: 12.05.2025) (in Russ.).
4. Golovina A.G., Lyskov A.A. The strategy of patenting inventions and utility models in the field of mining on the example of Russian companies. *IP: teoriya i praktika* = IP: theory and practice. 2024, No. 4 (8). P. 28-41 (in Russ.).
5. Lyskov A.A., Salnikov M.Yu. The importance of patents and patent research in the field of oil and gas production in the context of import substitution. Patent research of packer products. *Inzhenernaya praktika* = Engineering practice. 2023, No. 3. P. 4-10 (in Russ.).
6. Klyuchevaya tendenciya rossijskogo mostostroeniya – realizaciya proektov v szhatye sroki = The key trend in Russian bridge construction is the implementation of projects in a short time. URL: <https://www.avtodorogi-magazine.ru/arkhiv/razdely/14-tochka-zreniya/453-klyuchevaya-tendentsiya.html> (date of access: 13.05.2025) (in Russ.).
7. Spravochnik po informacii i dokumentacii v oblasti promyshlennoi sobstvennosti = Handbook of information and documentation in the field of industrial property. URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/documents/st-3-rekomenduemyy-standart-na-dvubukvennye-kody-dlya-predstavleniya-stran-administrativnyh-edinic-i-mezhpravitelstvennyh-organizacij/download> (date of access: 13.11.2024) (in Russ.).

Статья поступила: 11.08.2025, принята к публикации: 28.08.2025.

© Головина А.Г., Лысков А.А., 2025

Научная статья

УДК 338.46

Роль патентно-информационных услуг в экосистеме интеллектуальной собственности

Тимур Ринатович Асылгужин¹, Александр Германович Мокроносов²

^{1,2} Уральский государственный экономический университет,
Екатеринбург, Россия

¹ Аспирант

ORCID 0000-0001-6072-2927

SPIN-код: 8318-6000, AuthorID: 1143041

asul555@bk.ru

² Профессор кафедры экономики предприятий, доктор экономических наук, профессор

ORCID 0000-0002-8644-7932

SPIN-код: 3536-4362, AuthorID: 387112

amokronosov@mail.ru

Аннотация. На фоне масштабной платформенной цифровизации растущая потребность наукоемких и высокотехнологичных отраслей интеллектуальной экономики в патентно-информационных услугах обуславливает актуальность развития методологии прогнозирования и оценки эффективности экосистемных форм взаимодействия государства, бизнеса и общества. В статье систематизирован обзор научных работ, раскрывающих социальную значимость и экономическую сущность экосистем применительно к особенностям интеллектуальной экономики; дана авторская трактовка понятия экосистемы интеллектуальной собственности как динамично развивающейся межотраслевой интеграции независимых, вовлеченных в работу с результатами интеллектуальной деятельности участников на единой цифровой платформе с целью получения эффектов от опережающего создания новых уникальных ценностей и формирования устойчивых конкурентных преимуществ на рынке патентно-информационных

услуг; предложена концептуальная модель взаимодействия элементов субъектно-объектной структуры экосистемы, включающей в качестве интегрирующего элемента информационно-сервисное поле патентно-информационных услуг, которое координирует взаимодействие между ядром – цифровыми платформами и участниками экосистемы на различных иерархических уровнях, формируя единую устойчивую пространственно-временную среду.

Ключевые слова: экосистема интеллектуальной собственности, патентно-информационные услуги, интеллектуальная экономика.

Для цитирования: Асылгужин Т.Р. Роль патентно-информационных услуг в экосистеме интеллектуальной собственности / Т.Р. Асылгужин, А.Г. Мокроносов // IP: теория и практика. – 2025. – № 3 (11).

Original article

The role of patent and information services in the ecosystem intellectual property

Timur R. Asylguzhin¹, Alexander G. Mokronosov²

^{1,2} Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia

¹ Postgraduate student

ORCID 0000-0001-6072-2927

SPIN-код: 8318-6000, AuthorID: 1143041

asul555@bk.ru

² Professor of the department of Enterprise Economics, Grand PhD in Economics, Professor

ORCID 0000-0002-8644-7932

SPIN-код: 3536-4362, AuthorID: 387112

amokronosov@mail.ru

Abstract. Against the background of large-scale platform digitalization, the growing need of knowledge-intensive and high-tech industries of the intellectual economy for patent information services determines the urgency of developing a methodology for forecasting and evaluating the effectiveness of ecosystem forms of interaction between the state, business and society. The article provides a systematic review of scientific papers that reveal the social significance and economic essence

of ecosystems in relation to the features of the intellectual economy.; The author's interpretation of the concept of an intellectual property ecosystem is given as a dynamically developing interdisciplinary integration of independent participants involved in working with the results of intellectual activity on a single digital platform in order to obtain the effects of advancing the creation of new unique values and the formation of sustainable competitive advantages in the market of patent and information services.; A conceptual model of the interaction of the elements of the subject-object structure of the ecosystem is proposed, which includes as an integrating element the information and service field of patent and information services, which coordinates the interaction between the core – digital platforms and ecosystem participants at various hierarchical levels, forming a single stable spatiotemporal environment.

Keywords: ecosystem intellectual property, patent-information services, intellectual economy.

For citation: Asylguzhin T.R., Mokronosov A.G. The Role of Patent Information Services in the Ecosystem of Intellectual Property // IP: Theory and Practice. – 2025. – No. 3 (11).

Введение

Ускорение динамики, повышение неопределенности и усложнение экономического развития, происходящие под влиянием масштабной цифровой платформенной трансформации и сервисизации, отражающей увеличение в структуре создаваемой добавленной стоимости доли услуг, интегрированных в сами продукты, расширение сервисных бизнесов, насыщение ими межотраслевых производственно-сбытовых сетевых партнерских цепочек, смещает акцент инновационного развития на интеллектуально-информационные ресурсы, превращая интеллектуальную собственность (далее – ИС) в стратегический нематериальный актив, а результаты интеллектуальной деятельности в основные драйверы инновационного роста.

В условиях интеллектуальной экономики возрастает значимость эффективных механизмов управления знаниями, интеллектуальной собственностью и интеллектом, что требует переосмысления структурных и организационных форм взаимодействия между ключевыми участниками

экосистемы, наращивания и наиболее полного использования интеллектуального потенциала нации¹. В данном контексте формирование экосистемы интеллектуальной собственности (далее – ЭКСИС) выступает как стратегический ответ на вызовы, связанные с обеспечением технологического суверенитета и лидерства государства². Стратегические национальные ориентиры, определенные Президентом РФ для развития цифровых платформ и экосистем цифровой экономики, обуславливают необходимость разработки теоретико-методологических подходов и методического инструментария для формирования и реализации моделей экономических отношений с высоким уровнем информационного сервисного обмена, особенно в деятельности кросс-отраслевых коопераций предприятий и организаций³.

В качестве гипотезы выдвигается предположение, что патентно-информационные услуги (далее – ПИУ) могут выступать в роли интегративного фактора, способствующего консолидации участников и целостности ЭКСИС. Целью настоящего исследования является разработка модели ЭКСИС, отражающей ее ключевые структурно-функциональные элементы и их взаимосвязи в условиях интеллектуальной экономики.

Методы

В процессе проведения исследования применялись библиометрический анализ публикаций по проблеме формирования экосистемы в условиях интеллектуализации экономики, системный и сравнительный анализ для декомпозиции ЭКСИС на уровни и выявления взаимосвязи между

---

¹ Постановление Правительства РФ от 29.03.2019 № 377 (ред. от 15.05.2025) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации». URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=505483&dst=10102> (дата обращения 17.07.2025).

² Федеральный закон от 28.12.2024 № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=494804&dst=100005> (дата обращения: 17.07.2025).

³ Распоряжение Президента РФ от 14.10.2024 № 325-рп «О межведомственной рабочей группе по развитию экосистем цифровой экономики и цифровых платформ». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51186> (дата обращения: 17.07.2025).

элементами, концептуальное моделирование для разработки абстрактных схем визуализации сложных функциональных процессов.

Основное исследование

В рамках актуальных научных исследований интеллектуальная экономика становится предметом глубокого изучения и обсуждения среди авторитетных экспертов. Г.Б. Клейнер характеризует интеллектуальную экономику как высшую стадию цифровой экономики и экономики знаний – «экономика постзнаний», где интеллект выступает ключевым ресурсом и результатом экономической деятельности, а ключевыми участниками являются интеллектуальные социально-экономические системы, как естественного, так и искусственного происхождения, в том числе различные экосистемы [1; 2]. Согласно позиции А.В. Бабкина и Е.В. Шкарупетовой, интеллектуальная экономика представляет собой экосистему, в которой объединены и уравновешены механизмы экономики знаний и инноваций, цифровых трансформаций, обучающих процессов, конкурентного развития, зеленого роста, сетевого взаимодействия и социальной ответственности, а ее развитие строится на принятии оптимальных решений [3]. Цель интеллектуальной экономики, по мнению С.Ю. Глазьева, А.А. Понукалина и Е.А. Наумова, заключается в установлении контроля над производством и распространением опережающих научно-технологических знаний, в том числе через регламентирование доступа к ним и введение санкций за нарушения [4]. О.П. Неретин с соавторами в условиях интеллектуализации экономики идентифицируют роль ИС, воплощенных в продуктах и технологиях, как единый воспроизводственный контур экономического развития [5]. Происходит интенсивное использование знаний в экономической деятельности с целью увеличения добавленной стоимости продукта в современной экономике [6]. Следовательно, инновационные экосистемы, включая экосистему ИС, являются ключевыми участниками интеллектуальной экономики, формируя институциональную,

организационную и цифровую среду для управления, защиты, воспроизводства, распространения и коммерциализации знаний, информации и нематериальных активов, составляющие интеллектуальный потенциал страны. В этих условиях особое значение приобретают патентно-информационные услуги, которые участвуют на всех стадиях жизненного цикла инноваций, выполняя функцию связующего элемента в ЭКСИС.

В последнее десятилетие концепция экосистемного подхода к исследованию социально-экономических систем переживает пик своей популярности. Однако на данный момент в экономической науке и практике не выработано общепринятого определения термина «экосистема». Несмотря на интенсивное развитие теории в данной сфере и активное формирование экосистем ведущими международными корпорациями, концептуальная согласованность этого понятия остается нерешенной задачей. Разнообразие формулировок свидетельствует о неопределенности в его понимании. В ряде исследований сформулированы различные концептуальные модели экосистем (таблица 1), каждая из которых раскрывает особенности отношений между экономическими субъектами на различных уровнях.

Таблица 1

Существующие трактовки экономической сущности экосистем

Автор	Авторская интерпретация экосистемы
Г.Б. Клейнер	Социально-экономическая экосистема – территориально локализованное социально-экономическое образование, представленное совокупностью взаимодействующих самостоятельных экономических, социальных или организационных субъектов, или групп, а также продуктов их деятельности, способное к самостоятельному функционированию и развитию в течение значительного периода времени за счет кругооборота материальных, информационных, энергетических и иных ресурсов [7]
В.В. Акбердина, С.Г. Пьянкова	Цифровая платформа в промышленности – это развитая экосистема, основанная на взаимоотношениях элементов отрасли (производственные предприятия, поставщики, дилеры, научные центры, университеты, ассоциации и др.), осуществляемых в цифровой среде, обеспечивающих сокращение транзакционных издержек за счет эффективной специализации и разделения труда [8]
С.В. Орехова, Н.Ю. Ярошевич	Авторы определяют новую конкуренцию как развивающуюся теоретическую платформу описания условий и механизмов взаимодействия экосистем. Главной предпосылкой необходимости

	появления этой платформы является эволюция форм организации бизнеса от предпринимателя к предпринимательской сети [9]
Е.В. Попов	Устойчивая экосистема фирмы – это внешняя среда субъекта хозяйствования с наиболее полным набором элементов инфраструктуры, стабильными сетевыми взаимодействиями, наиболее полным применением цифровых технологий, необходимым институциональным обеспечением и оптимальными транзакционными издержками [10]
О.В. Видякина	Инновационная экосистема – это система, представляющая собой совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих элементов системы, неотъемлемой частью которой является система управления ИС, причем каждый из элементов системы прямо или косвенно связан с другими элементами, образующими единое целое и упорядоченными для достижения одной или нескольких определенных целей на основе модели реализации системы [11]
D.B. Audretsch, M. Belitski	Предпринимательская экосистема – динамичное сообщество взаимозависимых акторов (предпринимателей, поставщиков, покупателей, чиновников и др.) и системных институциональных, информационных и социально-экономических контекстов [12]

Источник: составлено авторами.

Анализ научной литературы позволяет сделать вывод о том, что термин «экосистема» находит применение для описания взаимодействий между экономическими элементами, которые в совокупности создают ценность для потребителя. Экосистемный подход предполагает расширение исследовательской парадигмы, выходя за рамки отдельных бизнес-моделей и интегрируя их в совокупность, комплексную систему, функционирующую в условиях динамичного взаимодействия внутренней и внешней среды. Концепция экосистем имеет высокую релевантность в контексте новых бизнес-направлений или при значительной трансформации существующих [13]. Можно выделить следующие основные аспекты структурного анализа экосистемы:

- сущность экосистемы в экономике – взаимовыгодное сотрудничество экономических субъектов на основе комплементарности ресурсов и/или компетенций [14];

- основными условиями устойчивости экосистемы и ее адаптивности являются: наличие широкого спектра участников и комплексной системы взаимодействий между ними; обеспечение сбалансированности интересов

участников; перераспределение функциональных ролей между участниками в случае внешних потрясений;

– для поддержания целостности и устойчивого функционирования экосистемы необходима консолидация участников через механизмы социального взаимодействия [15]. Эффективность работы экосистемы определяется гармоничностью, органичностью и сбалансированностью связей между ее участниками, что представляет собой ключевой фактор для ее стабильного роста в долгосрочной перспективе;

– элементы экосистемы находятся в постоянном взаимодействии как с внутрисистемным пространством (кластеры, подсистемы, инфраструктура и инновационные составляющие) так и с внешним окружением (рынки, законодательные нормы, экономические и технологические вызовы), коллаборация которых обеспечивает создание и распространение потоков информации, знаний, их трансформацию в инновации и последующему внедрению [16; 17];

– сетевая структура. Экосистема представляет собой не линейную цепочку взаимодействия «поставщик – производитель – потребитель», а сложную сеть разнообразных сотрудничающих и конкурирующих участников, при этом один субъект может выполнять несколько функциональных ролей одновременно;

– коэволюционная связь. В экосистеме развитие участников происходит взаимосвязанно и синхронно. Изменения, происходящие с одними участниками, влияют на общие изменения и остальных участников экосистемы [18];

– центральным элементом экосистемы выступает цифровая или организационная платформа, обеспечивающая координацию взаимодействий участников, выработку правил и стандартов, а также стимулирующая привлечение новых партнеров и ресурсов;

- цифровые технологии и искусственный интеллект играют ключевую роль в обеспечении функционирования и адаптации экосистем к изменяющимся условиям;

- экосистема интегрирует все этапы цепочки создания стоимости, начиная с генерации научной идеи и заканчивая ее коммерческой реализацией;

- переход от иерархий к экосистемам меняет логику конкуренции: ключевую роль играют дифференциация, кастомизация предложений и скорость внедрения инноваций, а не только цена и качество [9].

В условиях неопределенности экономической природы экосистемы до настоящего времени не сформировалось единого подхода к интерпретации ЭКСИС. М.А. Захаров и О.В. Раслина рассматривают экосистему интеллектуальной собственности как комплексную систему взаимодействующих субъектов в сфере ИС, направленную на развитие информационного пространства, обеспечение правовой охраны, обмен профессиональными практиками и создание новых объектов интеллектуальной собственности (далее – ОИС) [19]. Следует подчеркнуть, что институт ИС включает в себя не только юридические, но и экономические и социальные аспекты, что обуславливает необходимость применения междисциплинарного подхода к анализу природы ЭКСИС.

Согласно позиции представителей Роспатента, ЭКСИС представляет собой объединение информационных систем с различными функциями, которое обеспечивает реализацию клиентоориентированной бизнес-модели, интегрирует широкий круг участников в единый сквозной процесс создания и коммерциализации ОИС при наличии единой точки доступа [5]. Целью формирования данной экосистемы является усиление роли Роспатента как ключевого актора в определении направлений и экспертно-аналитической поддержке научно-технических инициатив. Для достижения этой цели Роспатент должен создать условия, среду и передовые практики для эффективной защиты российской продукции с высокой степенью переработки и раскрытия ее коммерческого потенциала [20].

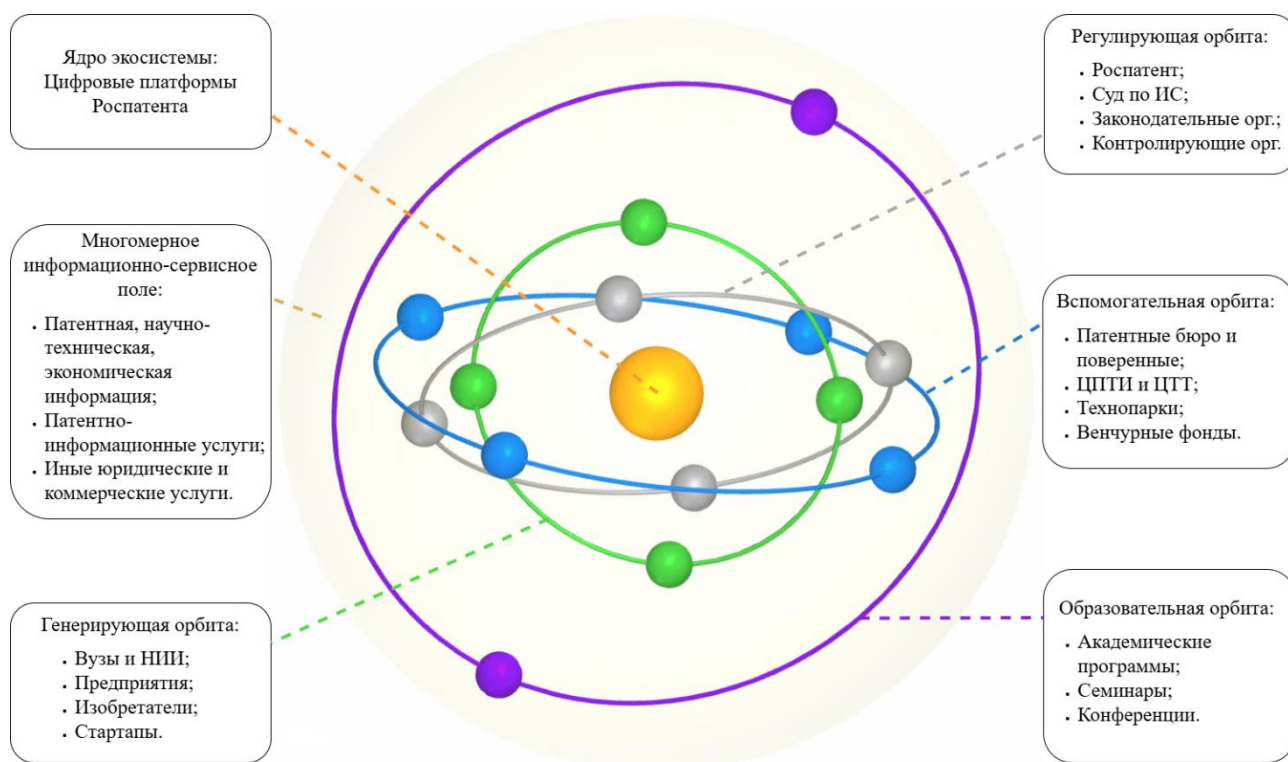
Д. Рейс (D. Reis), Ф. Моура (F. Moura) и И. Араган (I. Aragão) рассматривают ЭКСИС как систему взаимоотношений между правительством, бизнесом и институциональными субъектами, которые динамично взаимодействуют для обеспечения защиты интеллектуальных активов, созданных предпринимателями, стремящимися к инновациям [21; 22]. Авторы акцентируют внимание на наличии тесной взаимосвязи между ЭКСИС, предпринимательской и инновационной экосистемами, которые поддерживаются посредством эффективных механизмов коммуникации. Они оказывают взаимное влияние друг на друга, корректируя стратегии развития и стимулируя изобретателей и организации к инновационной деятельности. Цель экосистем заключается в эффективном функционировании и распределении имеющихся ресурсов (материальных и нематериальных), обеспечивая условия для инновационной деятельности участников.

Всемирная организация интеллектуальной собственности в своем понимании ЭКСИС акцентирует внимание на комплексном взаимодействии между законодательными, политическими, практическими и иными элементами, необходимыми для стимулирования инновационной и творческой деятельности на благо будущего человечества, создании сбалансированной и эффективной глобальной ЭКСИС, интегрирующей страны, институты, изобретателей и бизнес для поощрения инновационной и творческой деятельности в интересах построения лучшего и более устойчивого будущего.

Обобщая вышеприведенные точки зрения, возможно заключить, что экономическая сущность ЭКСИС раскрывается как интеграция четырех взаимодополняющих аспектов: инновационного (создание новых ценностей на основе интеллекта, интеллектуальных ресурсов и патентной информации); цифрового (сквозная автоматизация процессов управления ИС на единой цифровой платформе); сетевого (построение устойчивых национальных и трансграничных связей между авторами, институтами развития, органами власти, предприятиями и инвесторами); информационно-сервисного

(обеспечение взаимодействия через многомерное информационно-сервисное поле для поддержки на всех этапов жизненного цикла ИС). Таким образом, ЭКСИС – это динамически развивающаяся интеграция на единой цифровой платформе независимых участников, вовлеченных в работу с результатами интеллектуальной деятельности с целью получения системных эффектов от опережающего создания новых уникальных ценностей и формирования устойчивых конкурентных преимуществ на рынке патентно-информационных услуг.

Авторами предложена концептуальная («планетарная») модель ЭКСИС, в рамках которой выделены по функциональному признаку интегрированные элементы, цифровая платформа и патентно-информационные услуги, выполняющие роль связующего звена (рис. 1.).

Рис. 1. Планетарная модель экосистемы интеллектуальной собственности Роспатента

Источник: составлено авторами.

Ядром экосистемы являются цифровые сервисы и платформы Роспатента:

- Цифровая платформа трансфера технологий;
- Экосистема мер поддержки и сервисов по управлению ИС;
- Цифровая платформа для подготовки, формирования и подачи документов для осуществления процедур правовой охраны ОИС.

Они обеспечивают цифровое управление жизненным циклом ОИС – от создания и подачи заявки до трансфера, защиты и сопровождения. Вокруг ядра экосистемы по определенным орбитам вращаются основные элементы (участники), каждый из которых выполняет свою функциональную роль в процессах создания и коммерциализации результатов изобретательской и творческой деятельности.

На первой орбите, генерирующей, расположены субъекты, непосредственно занимающиеся созданием новых знаний, разработкой изобретений, инноваций и их интеграцией в бизнес-процессы. К этой группе относятся авторы и изобретатели, высшие учебные заведения, научно-исследовательские институты, а также предприятия и стартапы. Участники выполняют функцию генерации идей, проведения исследований и разработки инновационных продуктов, что является основой для их дальнейшего внедрения и коммерциализации.

На второй орбите, регулирующей, находятся субъекты, обеспечивающие нормативно-правовое и институциональное регулирование функционирования ЭКСИС. К ним относятся национальные патентные ведомства (Роспатент), органы судебной защиты прав (Суд по интеллектуальным правам), а также законодательные и контролирующие органы, формирующие правовую среду. Их основная функция – обеспечение нормативной упорядоченности, регистрации и правовой охраны ОИС. Через систему экспертизы заявок, регистрации прав, ведения реестров и разрешения споров они обеспечивают легитимность и устойчивость всей экосистемы.

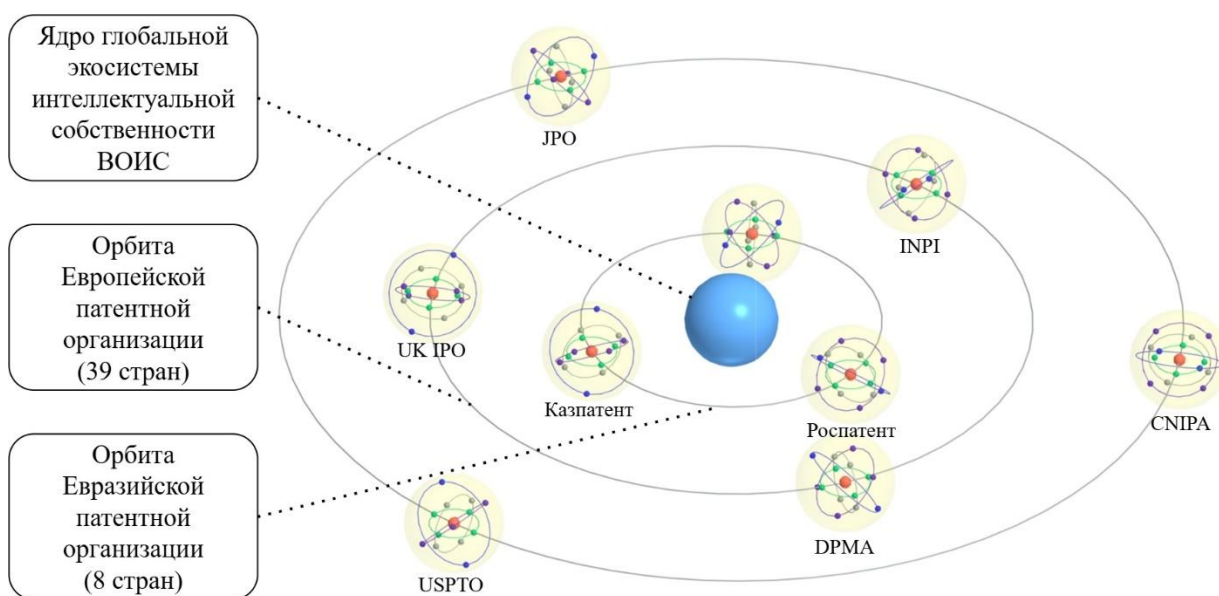
На третьей орбите, вспомогательной, находятся субъекты, обеспечивающие экспертную, правовую, техническую и инфраструктурную поддержку. К ним относятся патентные поверенные и бюро, центры трансфера технологий (далее – ЦТТ), технопарки, центры поддержки технологий и инноваций, венчурные и инвестиционные структуры. Вспомогательные участники не создают ОИС и не устанавливают нормы, но выполняют ключевую функцию сопровождения на всех этапах жизненного цикла инноваций: от выявления патентоспособных решений до защиты, коммерциализации и технологического трансфера.

На четвертой орбите, образовательной, расположены элементы, обеспечивающие формирование компетенций в сфере интеллектуальной собственности, а также распространение знаний и подготовку специалистов для всех уровней экосистемы. Их ключевая функция состоит в формировании и развитии человеческого потенциала ЭКСИС за счет подготовки специалистов, обновления компетенций и знаний.

Связующим элементом ЭКСИС является многомерное информационно-сервисное поле (далее – МИСП), которое объединяет и координирует взаимодействие между ядром (цифровыми платформами), функциональными орбитами и участниками экосистемы на различных уровнях. Многомерное информационно-сервисное поле – это совокупность юридических, коммерческих и аналитических услуг, в том числе патентно-информационных, а также потоков научно-технической, патентной и экономической информации. Оно формирует единую пространственно-временную среду, обеспечивающую интеграцию процессов, горизонтальные и вертикальные связи, передачу знаний, координацию действий. Каждый элемент экосистемы способен использовать услуги, предоставляемые другими элементами, или передавать им информацию, что способствует формированию сложной сети взаимодействий, структурирующих данное многомерное поле. Как гравитационные силы удерживают целостность планетарной системы, действуя в качестве невидимого каркаса, который

объединяет все объекты, так и информационно-сервисное поле связывает и удерживает в едином пространстве все элементы ЭКСИС.

Роспатент формирует национальную ЭКСИС, однако наряду с ним аналогичную деятельность по созданию собственных экосистем осуществляют и другие патентные ведомства, и международные организации, включая ВОИС, Европейскую и Евразийскую патентные организации, а также патентные ведомства США (USPTO), Японии (JPO), Китая (CNIPA) и ряда других стран. Визуализация в виде галактической модели всемирной экосистемы интеллектуальной собственности представлена на рисунке 2.

Рис. 2. Галактическая модель экосистемы Всемирной экосистемы интеллектуальной собственности

Источник: составлено авторами.

Заключение

Результаты исследования позволили уточнить экономическую сущность концепта ЭКСИС, подтвердить авторскую гипотезу о том, что патентно-информационные услуги являются связующим элементом в ее структурной трансформации, формируя цифровое, информационное, аналитическое, а

также институциональное пространство, обеспечивая бесшовную интеграцию и взаимодействие всех участников экосистемы.

В отличие от существующих, предложенная концептуальная модель ЭКСИС включает в качестве интегрирующего элемента МИСП, которое координирует межотраслевое взаимодействие между цифровыми платформами, функциональными орбитами и участниками экосистемы на основе оказания ПИУ, а также аналитики потоков научно-технической, патентной и экономической информации с применением технологий искусственного интеллекта. МИСП формирует единую пространственно-временную среду, обеспечивающую интеграцию процессов, горизонтальные и вертикальные связи, передачу знаний, превращая ИС в стратегический ресурс инновационного роста.

Полученные результаты раскрывают перспективы применения ПИУ в ЭКСИС как фактора обеспечения интеллектуального суверенитета страны, позволяя своевременно уточнять ключевые направления развития интеллектуальной экономики и научно-технологического прогресса, выявлять наиболее эффективные механизмы защиты и коммерциализации интеллектуальной собственности, поддержки институтов ее развития на основе государственно-частного партнерства, венчурного финансирования стартапов, совершенствования методического инструментария оценки тенденций и структурных изменений на мировом рынке ПИУ, оценки релевантной потребительской ценности патентов сферы сквозных и критических технологий, моделей построения патентного ландшафта с использованием возможностей цифровых платформ в повышении прозрачности и эффективности реализуемых мер.

Список литературы

1. Клейнер Г.Б. Интеллектуальная экономика цифрового века. Цифровой век: шаги эволюции / Г.Б. Клейнер // Экономика и математические методы. – 2020. – Т. 56, № 1. – С. 18–33. DOI 10.31857/S042473880008562-7.

2. Клейнер Г.Б. Интеллектуальная экономика нового века: экономика постзнаний / Г.Б. Клейнер // Экономическое возрождение России. – 2020. – № 1(63). – С. 35–42.

3. Бабкин А.В. Интеллектуальная экономика экосистем: понятие, эволюция, формирование / Интеллектуальная инженерная экономика и Индустрия 5.0 (ИНПРОМ): Сборник трудов VIII Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 27–30 апреля 2023 г. / А.В. Бабкин, Е.В. Шкарупета. – Санкт-Петербург: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС. – 2023. – С. 22–26. DOI 10.18720/IEP/2023.1/1.

4. Глазьев С.Ю. Интеллектуальная экономика в теории и практике управления // Акмеологические векторы профессионализации личности в обществе вызовов и угроз: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Саратов, 27 апреля 2017 года / С.Ю. Глазьев, Е.А. Наумов, А.А. Понукалин. – Саратов: Общество с ограниченной ответственностью Издательство «КУБиК». – 2017. – С. 98–108.

5. Неретин О.П. Особенности формирования и развития цифровых экосистем интеллектуальной собственности / О.П. Неретин, А.В. Александрова, С.Н. Горушкина // Цифровые интеллектуальные экосистемы в экономике и промышленности. – Санкт-Петербург: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС. – 2023. – С. 68–89. DOI 10.18720/IEP/2023.5/3.

6. Авилкина С.В. О сущности подходов к определению понятия «интеллектуализация экономики» / С.В. Авилкина, М.А. Сухарева // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2019. – № 2. – С. 20–29. DOI 10.25198/2077-7175-2019-2-20.

7. Клейнер Г.Б. Экосистема предприятия в свете системной экономической теории // Стратегическое планирование и развитие предприятий: Материалы Девятнадцатого всероссийского симпозиума, Москва, 10–11 апреля 2018 г. / Под редакцией Г.Б. Клейнера. – Москва: Центральный экономико-математический институт РАН. – 2018. – С. 88–98.

8. Акбердина В.В. Методологические аспекты цифровой трансформации промышленности / В.В. Акбердина, С.Г. Пьянкова // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2021. – Т. 227. – № 1. – С. 292–313. DOI 10.38197/2072-2060-2021-227-1-292-313.

9. Орехова С.В., Ярошевич Н.Ю. Экосистемы и новая конкуренция: феномен «яйца и курицы» / С.В. Орехова, Н.Ю. Ярошевич // Вопросы управления. – 2022. – № 2. – С. 34–48. DOI 10.22394/2304-3369-2022-2-34-48.

10. Попов Е.В. Экосистемы фирм: формирование исследовательской программы / Е.В. Попов // Управленец. – 2023. – Т. 14. – № 1. – С. 2–15. DOI 10.29141/2218-5003-2023-14-1-1.

11. Видякина О.В. Инновационная экосистема: системный анализ / О.В. Видякина // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). – 2020. – № 2. – С. 44–51.
12. Audretsch D.B., Belitski M. Entrepreneurial ecosystems in cities: Establishing the framework conditions // *Journal of Technology Transfer*. – 2017. – Vol. 42. – No 5. – Pp. 1030–1051. DOI 10.1007/s10961-016-9473-8.
13. Раменская Л.А. Применение концепции экосистем в экономико-управленческих исследованиях / Л.А. Раменская // *Управленец*. – 2020. – Т. 11. – № 4. – С. 16–28. DOI 10.29141/2218-5003-2020-11-4-2.
14. Тихонова А.Д. К вопросу о развитии инновационных экосистем в современной экономике / А.Д. Тихонова // *Вопросы инновационной экономики*. – 2019. – Т. 9. – № 4. – С. 1383–1392. DOI 10.18334/vines.9.4.41449.
15. Клейнер Г.Б. Управление инновационными экосистемами на основе концепции социального лидерства / Г.Б. Клейнер // *Шумпетеровские чтения*. – 2022. – Т. 1. – С. 44–58.
16. Клейнер Г.Б., Рыбачук М.А., Карпинская В.А. Развитие экосистем в финансовом секторе России // *Управленец*. – 2020 – Т. 11. – № 4. – С. 2–15. DOI 10.29141/2218-5003-2020-11-4-1.
17. Смородинская Н.В. Сетевые инновационные экосистемы и их роль в динамизации экономического роста / Н.В. Смородинова // *Инновации*. – 2014. – № 7(189). – С. 27–33.
18. Акбердина В.В. Инновационная экосистема: теоретический обзор предметной области / В.В. Акбердина, Е.В. Василенко // *Журнал экономической теории*. – 2021. – Т. 18. – № 3. – С. 462–473. DOI 10.31063/2073-6517/2021.18- 3.10.
19. Захаров М.А. РИД ОПК как элемент экосистемы ИС / М.А. Захаров, О.В. Раслина // *Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность*. – 2021. – № 10. – С. 51–58.
20. Неретин О.П. Интеллектуальный суверенитет экономики России – Москва: Федеральный институт промышленной собственности. – 2022. – 166 с. – ISBN 978-5-6042896-9-3.
21. Reis D., Moura F., Aragão I. Entrepreneurship, intellectual property and innovation ecosystems // *International Journal for Innovation Education and Research*. – 2021. – Vol. 9. – No. 2. – Pp. 108–134. DOI 10.31686/ijer.vol9.iss2.2879.
22. Reis D., Moura F., Aragão I. The linkage between intellectual property and innovation in the global innovation ecosystem // *International Journal of Innovation and Technology Management*. – 2023. – Vol. 20. – No. 1. – Pp. 2350002. DOI 10.1142/S0219877023500025.

References

1. Kleiner G.B. The intellectual economy of the digital age. The Digital Age: the steps of evolution. *Ekonomika i matematicheskie metody = Economics and mathematical methods*. 2020. Vol. 56, No 1, pp. 18–33. DOI 10.31857/S042473880008562-7 (in Russ.).
2. Kleiner G.B. The Intellectual economy of the new Century: the economy of post-knowledge. *Ekonomicheskoe vrozozhdenie Rossii = Russia's Economic Revival*. 2020. No 1 (63). Pp. 35–42 (in Russ.).
3. Babkin A.V., Shkarupeta E.V. The intellectual economy of ecosystems: concept, evolution, formation / Intelligent Engineering Economics and Industry 5.0 (INPROM): Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, 27–30.04.2023 / SPb: POLYTECH PRESS Publ. 2023. Pp. 22-26. DOI 10.18720/IEP/2023.1/1 (in Russ.).
4. Glazyev S.Yu., Naumov E.A., Ponukalin A.A. Intellectual economics in theory and practice of management / Acmeological vectors of personality professionalization in a society of challenges and threats: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Saratov, 27.04.2017 / Saratov: KUBiK Publishing House. 2017. Pp. 98-108 (in Russ.).
5. Neretin O.P., Alexandrova A.V., Gorushkina S.N. Features of formation and development of digital ecosystems of intellectual property. *Cifrovye intellektual'nye ekosistemy v ekonomike i promyshlennosti = Digital intelligent ecosystems in economics and industry*. 2023. Pp. 68–89. DOI 10.18720/IEP/2023.5/3 (in Russ.).
6. Avilkina S.V., Sukhareva M.A. On the essence of approaches to the definition of the concept of "intellectualization of the economy". *Intellekt. Innovacii. Investicii. = Intelligence. Innovation. Investment*. 2019. No 2, Pp. 20–29. DOI 10.25198/2077-7175-2019-2-20 (in Russ.).
7. Kleiner G.B. The ecosystem of an enterprise in the light of systemic economic theory / Strategic Planning and Enterprise Development: Proceedings of the Nineteenth All-Russian Symposium, Moscow, 10-11.04.2018 / G.B. Kleiner. Moscow: Central Economic and Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences. 2018. Pp. 88–98 (in Russ.).
8. Akberdina V.V., Pyankova S.G. Methodological aspects of digital transformation of industry. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific works of the Free Economic Society of Russia*. 2021. Vol. 227, No 1, pp. 292–313. DOI 10.38197/2072-2060-2021-227-1-292-313 (in Russ.).

9. Orekhova S.V., Yaroshevich N.Yu. Ecosystems and new competition: the phenomenon of "eggs and chickens". *Voprosy upravleniya = Management issues*. 2022. No 2. Pp. 34–48. DOI 10.22394/2304-3369-2022-2-34-48 (in Russ.).
10. Popov E.V. Ecosystems of firms: formation of a research program. *Upravlenec = The Manager*. 2023. Vol. 14. No 1, pp. 2–15. DOI 10.29141/2218-5003-2023-14-1-1 (in Russ.).
11. Vidyakina O.V. Innovation ecosystem: system analysis. *Kopirajt (Vestnik akademii intellektual'noj sobstvennosti) = Copyright (Bulletin of the Academy of Intellectual Property)*. 2020. No 2, pp. 44–51 (in Russ.).
12. Audretsch D.B., Belitski M. Entrepreneurial ecosystems in cities: Establishing the framework conditions. *Journal of Technology Transfer*. 2017. Vol. 42, No 5, pp. 1030–1051. DOI 10.1007/s10961-016-9473-8.
13. Ramenskaya L.A. Application of the ecosystem concept in economic and management research. *Upravlenec = The Manager*. 2020. Vol. 11. No. 4, pp. 16–28. DOI 10.29141/2218-5003-2020-11-4-2 (in Russ.).
14. Tikhonova A.D. On the development of innovative ecosystems in the modern economy. *Voprosy innovacionnoj ekonomiki = Issues of innovative economy*. 2019. Vol. 9. No 4. Pp. 1383–1392. DOI 10.18334/vinec.9.4.41449 (in Russ.).
15. Kleiner G.B. Management of innovative ecosystems based on the concept of social leadership. *Shumpeterovskie chteniya = Schumpeter readings*. 2022. Vol. 1, pp. 44–58 (in Russ.).
16. Kleiner G.B., Rybachuk M.A., Karpinskaya V.A. Ecosystem development in the financial sector of Russia. *Upravlenec = The Manager*. 2020. Vol. 11. No 4. Pp. 2–15. DOI 10.29141/2218-5003-2020-11-4-1 (in Russ.).
17. Smorodinskaya N.V. Network innovation ecosystems and their role in dynamization of economic growth. *Innovacii = Innovation*. 2014. No. 7(189), pp. 27-33 (in Russ.).
18. Akberdina V.V., Vasilenko E.V. Innovation ecosystem: a theoretical review of the subject area. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii = Journal of Economic Theory*. 2021. Vol. 18. No 3. Pp. 462–473. DOI 10.31063/2073-6517/2021.18- 3.10 (in Russ.).
19. Zakharov M.A., Raslina O.V. REED Defense industry as an element of the IP ecosystem. *Intellektual'naya sobstvennost'. Promyshlennaya sobstvennost'. = Intellectual property. Industrial property*. 2021. No 10, pp. 51–58 (in Russ.).
20. Neretin O.P. *Intellektual'nyj suverenitet ekonomiki Rossii = Intellectual sovereignty of the Russian economy*. Moscow: Federal Institute of Industrial Property. 2022. p. 166. ISBN 978-5-6042896-9-3 (in Russ.).

21. Reis D., Moura F., Aragão I. Entrepreneurship, intellectual property and innovation ecosystems. *International Journal for Innovation Education and Research*. 2021. Vol. 9. No. 2. Pp. 108–134. DOI 10.31686/ijier.vol9.iss2.2879.

22. Reis D., Moura F., Aragão I. The linkage between intellectual property and innovation in the global innovation ecosystem. *International Journal of Innovation and Technology Management*. 2023. Vol. 20. No. 1, pp. 2350002. DOI 10.1142/S0219877023500025.

Статья поступила 19.08.2025, принята к публикации: 04.09.2025.

© Асылгужин Т.Р., Мокроносов А.Г., 2025

Научная статья
УДК 338.32.053.4

Повышение эффективности производственных мощностей организаций по монтажу сложного технологического оборудования в современных экономических условиях

**Наталья Петровна Пасешник¹, Евгений Вячеславович Васючков²,
Александр Сергеевич Головин³**

^{1,2,3} Южно-Уральский технологический университет, Челябинск, Россия

¹ Доцент кафедры «Экономика и управление», кандидат экономических наук

paseshniknp@inuesco.ru

<https://orcid.org/0009-0009-4702-5882>

AuthorID: 676767

² Магистрант

22301422@live.inuesco.ru

³ Магистрант

22301475@live.inuesco.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемы повышения эффективности производственных мощностей организаций, специализирующихся на монтаже сложного технологического оборудования. В работе рассматриваются причины, обуславливающие необходимость повышения эффективности, анализируются актуальные изменения рыночных требований, связанные с цифровизацией и политической обстановкой. Приводятся примеры использования современных методик повышения эффективности, описываются плюсы и минусы этого процесса, барьеры и перспективы развития отрасли. Особое внимание уделяется вопросам совершенствования методов и актуализации стратегии деятельности предприятий по монтажу сложного технологического оборудования в современных экономических условиях.

Ключевые слова: производственные мощности, монтаж сложного технологического оборудования, эффективность, цифровизация, экономические условия, стратегия развития.

Для цитирования: Пасешник Н.П., Васючков Е.В., Головин А.С. Повышение эффективности производственных мощностей организаций по монтажу сложного технологического оборудования в современных экономических условиях // IP: теория и практика. – 2025. – № 3 (11).

Original article

Improving the efficiency of production capacities of organizations for the installation of complex technological equipment in modern economic conditions

Natalia P. Paseshnik¹, Evgeny V. Vasyuchkov², Alexander S. Golovin³

^{1,2,3} South Ural University of Technology, Chelyabinsk, Russia

¹ Associate Professor of the Department of Economics and Management,
PhD in Economics

paseshniknp@inueco.ru

<https://orcid.org/0009-0009-4702-5882>

AuthorID: 676767

² Master's student

22301422@live.inueco.ru

³ Master's student

22301475@live.inueco.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the problem of increasing the efficiency of production capacities of organizations specializing in the installation of complex technological equipment. The paper examines the reasons for the need to improve efficiency, analyzes current changes in market requirements associated with digitalization and the political situation. Examples of the use of modern methods for improving efficiency are given, the pros and cons of this process, barriers and prospects for the development of the industry are described. Particular attention is paid to the issues of improving methods and updating the strategy of enterprises for the installation of complex technological equipment in modern economic conditions.

Key words: production capacities, installation of complex technological equipment, efficiency, digitalization, economic conditions, development strategy.

For citation: Pasechnik N.P., Vasuchkov E.V., Golovin A.S. Improving the efficiency of production capacities of organizations for the installation of complex technological equipment in modern economic conditions // IP: theory and practice. 2025. No. 3 (11).

Введение

В условиях современной экономики, характеризующейся высокой конкуренцией, нестабильностью и быстрыми технологическими

изменениями, вопрос о повышении эффективности производственных мощностей приобретает для организаций особую актуальность. Это в полной мере относится и к предприятиям, занятым монтажом сложного технологического оборудования, поскольку именно от их работы во многом зависит своевременный ввод в эксплуатацию новых производственных объектов, и модернизация существующих.

Целью данного исследования является анализ факторов, влияющих на эффективность производственных мощностей организаций по монтажу сложного технологического оборудования, выявление проблем и перспектив в этой области, а также разработка рекомендаций по совершенствованию методов управления и стратегии деятельности предприятий.

Методы

В процессе проведения исследования применялись методы сравнительного и статистического анализа, синтеза, обобщения и систематизации.

Основное исследование

В современных экономических условиях необходимость повышения эффективности обусловлена следующими причинами. Во-первых, возросшей конкуренцией на рынке, которая требует от организаций постоянного снижения издержек и повышения качества работ. Во-вторых, ужесточением требований заказчиков к срокам и качеству монтажа. В-третьих, необходимостью адаптации к новым технологиям и требованиям в области охраны труда и промышленной безопасности.

В качестве объекта исследования выбрано АО «Прокатмонтаж» (г. Магнитогорск), предприятие, основным видом деятельности которого является монтаж сборных конструкций, в том числе сложного технологического оборудования. Проведен анализ внутренних документов предприятия, отчетности, а также данных, полученных в ходе интервью с сотрудниками и руководством.

Оценку эффективности реализуемой системы проведем с помощью обзора результатов деятельности за последние три отчетных года (таблица 1).

Таблица 1

Основные финансовые результаты деятельности
АО «Прокатмонтаж»*

Показатель	Значение показателя, тыс. руб.			Изменение показателя		Средне-годовая величина, тыс. руб.
	2021 г.	2022 г.	2023 г.	тыс. руб. (гр.4 - гр.2)	± % (((4-2) : 2)	
1	2	3	4	5	6	7
1. Выручка	7 998 901	11 502 756	8 613 820	+614 919	+7,7	9 371 826
2. Расходы по обычным видам деятельности	7 892 753	11 002 063	7 783 863	-108 890	-1,4	8 892 893
3. Прибыль (убыток) от продаж (1-2)	106 148	500 693	829 957	+723 809	+7,8 раза	478 933
4. Прочие доходы и расходы, кроме процентов к уплате	-3 553	65 354	109 253	+112 806	↑	57 018
5. EBIT (прибыль до уплаты процентов и налогов) (3+4)	102 595	566 047	939 210	+836 615	+9,2 раза	535 951
6. Проценты к уплате	1 634	9 297	9 180	+7 546	+5,6 раза	6 704
7. Налог на прибыль, изменение налоговых активов и прочее	-13 428	-71 290	-101 791	-88 363	↓	-62 170
8. Чистая прибыль (убыток) (5-6+7)	87 533	485 460	828 239	+740 706	+9,5 раза	467 077
Справочно: Совокупный финансовый результат периода	87 533	485 460	828 239	+740 706	+9,5 раза	467 077
Изменение за период нераспределенной прибыли (непокрытого убытка) по данным бухгалтерского баланса	174 325	456 613	685 289	х	х	х

* Составлено авторами.

Изучая расходы по обычным видам деятельности, следует отметить, что организация учитывала общехозяйственные (управленческие) расходы в

качестве условно-постоянных, относя их по итогам отчетного периода на счет реализации.

В таблице 2 представлена экспертная оценка отдельных факторов конкурентоспособности производства металлоконструкций.

Таблица 2

**Оценка отдельных факторов конкурентоспособности производства
и реализации металлоконструкций***

Критерии	АО «Прокат- монтаж»	УПМИ ООО «Трест Магнитострой »	ООО «УралСтрой Сталь»	ОАО «МСК»
Ассортимент выпускаемой (продаваемой) продукции	4	5	3	5
Цены на производимую продукцию	5	4	4	4
Дополнительные методы	3	4	4	4
Широта охвата рынка	4	5	3	5
Мнение потребителей	5	5	4	3
Виды рекламы	4	5	4	3

* Составлено авторами.

Потребность в металлоконструкциях неуклонно растет во всех секторах строительства – от промышленного и коммерческого до жилого. Металл является универсальным материалом, применяемым практически в любом строительном проекте. Для удовлетворения этого спроса металлургические предприятия должны разрабатывать четкие стратегии развития, предусматривающие гибкое изменение объемов производства в зависимости от рыночной ситуации.

Согласно данным отраслевого издания «Металлоснабжение и сбыт», российский рынок металлостроительства демонстрирует положительную динамику. В 2023 г. спрос на металлопродукцию в России увеличился на 1,5%, что соответствует прогнозам Минэкономразвития России и общемировым тенденциям. Ожидается, что мировой спрос на металлы достигнет 1,5 млрд тонн, согласно оценкам Всемирной ассоциации производителей стали [1]. Дополнительным стимулом для роста спроса станет реализация проекта «Северный поток-2», который обеспечит загрузку отечественных предприятий на протяжении всего периода строительства.

Опрос, проведенный среди руководителей компаний-поставщиков металлопродукции, показал, что более 25% российских предприятий рассчитывают на увеличение объемов производства. Лишь 10% респондентов выразили опасения относительно возможного сокращения продаж на 5–10% [1].

Новыми драйверами роста могут стать нефтегазовая отрасль и инфраструктурное строительство. Многие российские компании активно инвестируют в развитие логистических центров вблизи крупных городов. Сельское хозяйство также будет нуждаться в расширении производственных мощностей. Несмотря на экономические вызовы, ожидается дальнейший рост потребления металлоконструкций.

Развитие стального строительства в России – это уже свершившийся факт. Металлоконструкции успешно заменяют традиционные материалы, а производители осваивают новые рыночные ниши. Важным аспектом развития рынка металлоконструкций является налаживание эффективного взаимодействия между производителями и поставщиками проката. Инновации в строительной отрасли способны принести значительный экономический эффект. Например, применение легких стальных тонкостенных конструкций (далее – ЛСТК) в малоэтажном строительстве обеспечивает такие конкурентные преимущества, как широкие архитектурные возможности,

простота и удобство монтажа, долговечность и низкие эксплуатационные затраты.

Рынок ЛСТК демонстрирует стремительный рост: за последние 10 лет потребление этих конструкций в России увеличилось в 10 раз и достигло 2,5 млн тонн. ЛСТК активно используются не только в коммерческом, но и в гражданском строительстве. Однако потенциал этого сегмента еще далеко не исчерпан. По сравнению с развитыми странами, потребление ЛСТК в России в 2–3 раза ниже в коммерческом строительстве и более чем в 10 раз – в жилищном строительстве [1].

Перспективным направлением является развитие производственной инфраструктуры. Благодаря политике импортозамещения, созданию промышленных парков и другим мерам поддержки промышленности создаются новые и расширяются существующие предприятия, нуждающиеся в производственных зданиях, основу которых составляют металлоконструкции. Рынок металлоконструкций также активно растет в аграрном секторе, где строятся сыроварни, винодельческие комплексы и современные складские мощности для хранения сельскохозяйственной продукции.

Актуальные изменения требований на рынке монтажа сложного технологического оборудования связаны с трендом на цифровизацию и автоматизацию производственных процессов. Заказчики все чаще требуют от подрядчиков использования BIM-технологий (Building Information Modeling) для проектирования и моделирования монтажных работ, а также применения современных систем управления проектами, таких как ERP (Enterprise Resource Planning). Эти изменения, в свою очередь, связаны с политическими факторами, такими как государственная поддержка цифровизации экономики и стремление к импортозамещению в области программного обеспечения. Например, компании, использующие российские ERP-системы, получают определенные преференции при участии в государственных тендерах [2].

Монтаж сложного технологического оборудования – это комплекс работ по сборке, установке и наладке оборудования, предназначенного для выполнения определенных технологических процессов в различных отраслях промышленности. Особенностью этого вида деятельности является высокая сложность и ответственность выполняемых работ, а также необходимость соблюдения строгих требований безопасности. Возможности развития монтажа сложного технологического оборудования в современном обществе связаны с внедрением новых технологий, таких как 3D-печать, роботизированные системы, а также с использованием искусственного интеллекта для оптимизации процессов планирования и управления.

Примером использования современных методик повышения эффективности является внедрение системы бережливого производства (Lean Manufacturing), которая позволяет сократить потери времени и материалов, повысить качество работ и снизить издержки. Другим примером является использование мобильных приложений для управления рабочими заданиями и отслеживания хода выполнения работ в режиме реального времени [3].

Эффективность цифровых технологий в сфере монтажа сложного технологического оборудования проявляется в повышении точности и скорости выполнения работ, снижении количества ошибок, улучшении координации между различными участниками проекта, а также повышении прозрачности и контролируемости процессов.

К плюсам повышения эффективности можно отнести снижение издержек, повышение качества работ, сокращение сроков выполнения заказов, повышение удовлетворенности заказчиков и увеличение прибыли.

Есть и минусы, такие как необходимость инвестиций в новое оборудование и технологии, сопротивление изменениям со стороны персонала, недостаток квалифицированных кадров, сложности с интеграцией новых систем в существующую инфраструктуру [4].

Совершенствование методов повышения эффективности использования производственных мощностей на сегодняшний день необходимо для

обеспечения конкурентоспособности предприятий, снижения рисков и повышения прибыльности.

Заключение

В заключение следует отметить, что повышение эффективности производственных мощностей является критически важным фактором для обеспечения конкурентоспособности и устойчивого развития организаций по монтажу сложного технологического оборудования в современных экономических условиях. Для достижения этой цели необходимо комплексное решение задач, включающее: инвестиции в новое оборудование и технологии, обучение персонала, внедрение современных систем управления проектами, оптимизацию логистики и снабжения, а также активное использование цифровых технологий. Только в этом случае организации смогут успешно адаптироваться к изменяющимся требованиям рынка и обеспечить себе долгосрочный успех.

Список источников

1. Эксперты: тенденции развития рынка металлоконструкций в России позитивны // Электронная газета «Век». 2022. URL: <https://wek.ru/yeksperty-tendencii-razvitiya-rynka-metallokonstrukcij-v-rossii-pozitivny> (дата обращения: 01.07.2025).
2. Наплекова Т.К. Практические аспекты повышения эффективности производственной стратегии промышленных предприятий региона / Т.К. Наплекова, Т.Н. Пигина // Вестник СибГИУ. – 2023. – №1 (43). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prakticheskie-aspekty-povysheniya-effektivnosti-proizvodstvennoy-strategii-promyshlennyh-predpriyatij-regiona> (дата обращения: 10.08.2025).
3. Платонов Д.Е. Резервы повышения производительности технологических сетей / Д.Е. Платонов, А.В. Архипов // Известия ТулГУ. Технические науки. – 2023. – №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rezervy-povysheniya-proizvoditelnosti-tehnologicheskikh-setey> (дата обращения: 10.08.2025).
4. Тертышник М.И. Развитие системы управления производственными мощностями химических и нефтехимических

предприятий / М.И. Тертышник // АНИ: экономика и управление. – 2023. – №1 (42). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-sistemy-upravleniya-proizvodstvennymi-moschnostyami-himicheskikh-i-neftehimicheskikh-predpriyatiy> (дата обращения: 10.08.2025).

References

1. Experts: trends in the development of the metal structures market in Russia are positive. *E`lektronnaya gazeta "Vek" = Electronic newspaper "Vek"*. 2022. URL: <https://wek.ru/yeksperty-tendencii-razvitiya-rynka-metallokonstrukcij-v-rossii-pozitivny>

2. Naplekova T.K., Pigina T.N. Practical aspects of increasing the efficiency of the production strategy of industrial enterprises in the region. *Vestnik SibGIU = Bulletin of the Siberian State University*. 2023. No. 1 (43). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prakticheskie-aspekty-povysheniya-effektivnosti-proizvodstvennoy-strategii-promyshlennyh-predpriyatiy-regiona> (date of access: 10.08.2025).

3. Platonov D.E., Arkhipov A.V. Reserves for increasing the productivity of process networks. *Izvestiya TulGU. Texnicheskie nauki = Izvestiya Tula State University. Technical sciences*. 2023. No. 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rezervy-povysheniya-proizvoditelnosti-tehnologicheskikh-setey> (date of access: 10.08.2025).

4. Tertyshnik M.I. Development of a management system for the production capacities of chemical and petrochemical enterprises. *ANI: e`konomika i upravlenie = ANI: economics and management*. 2023. No. 1 (42). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-sistemy-upravleniya-proizvodstvennymi-moschnostyami-himicheskikh-i-neftehimicheskikh-predpriyatiy> (date of access: 10.08.2025).

Статья поступила 31.08.2025, принята к публикации: 09.09.2025.

© Пасешник Н.П., Васючков Е.В., Головин А.С., 2025

Научная статья
УДК 338.4

Стратегия масштабирования бизнеса в сфере торговли строительными материалами: риски и перспективы

Ирина Анатольевна Сергеичева¹, Альберт Асгатович Саяхов²

^{1,2}. Южно-Уральский технологический университет, Челябинск, Россия

¹ доцент кафедры “Экономика и управление», кандидат экономических наук

sergeichevaia@inuesco.ru

AuthorID: 545820

² магистрант

22300552@live.inuesco.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы разработки и реализации стратегии масштабирования бизнеса в сфере торговли строительными материалами в современных экономических условиях. Анализируются факторы, обуславливающие необходимость масштабирования, а также риски и перспективы, связанные с данным процессом. Особое внимание уделяется влиянию цифровизации и политических изменений на рынок строительных материалов и необходимость адаптации стратегий масштабирования к новым реалиям. Эффективная стратегия масштабирования позволяет компаниям расширить свое присутствие на рынке, увеличить объемы продаж, повысить прибыльность и укрепить свои конкурентные позиции.

Ключевые слова: масштабирование бизнеса, стратегия, строительные материалы, цифровизация, риски, перспективы, конкурентоспособность, розничная торговля.

Для цитирования: Сергеичева И.А., Саяхов А.А. Стратегия масштабирования бизнеса в сфере торговли строительными материалами: риски и перспективы // IP: теория и практика. 2025. № 3 (11).

Business scaling strategy in the field of construction materials trade: risks and prospects

Irina A. Sergeicheva¹, Albert A. Sayakhov²

^{1,2,3} South Ural University of Technology, Chelyabinsk, Russia

¹ Associate Professor of the Department of Economics and Management,
PhD in Economics

sergeichevaia@inueco.ru

AuthorID: 545820

² магистрант

22300552@live.inueco.ru

Abstract. The article considers the development and implementation of a business scaling strategy in the field of construction materials trade in the current economic conditions. The factors that determine the need for scaling, as well as the risks and prospects associated with this process are analyzed. Particular attention is paid to the impact of digitalization and political changes on the construction materials market and the need to adapt scaling strategies to new realities. An effective scaling strategy allows companies to expand their presence in the market, increase sales, improve profitability and strengthen their competitive positions.

Key words: business scaling, strategy, construction materials, digitalization, risks, prospects, competitiveness, retail.

For citation: Sergeicheva I.A., Sayakhov A.A. Business scaling strategy in the field of construction materials trade: risks and prospects //IP: theory and practice. 2025. No. 3 (11).

Введение

В рамках динамично меняющейся экономической ситуации, характеризующейся усилением конкуренции, технологическим прогрессом и политической нестабильностью, вопросы масштабирования бизнеса становятся особенно актуальными для компаний, работающих в сфере торговли строительными материалами. Целью данного исследования является анализ особенностей разработки и реализации стратегии масштабирования бизнеса в сфере торговли строительными материалами, выявление основных рисков и перспектив, а также разработка рекомендаций по совершенствованию методов масштабирования в современных экономических условиях.

Методы

В процессе проведения исследования применялись методы анализа и синтеза информации, сравнительный анализ, экспертные оценки.

Основное исследование

Современные экономические условия диктуют необходимость разработки стратегии масштабирования бизнеса в сфере торговли строительными материалами. Изменения требований на рынке, связанные с цифровизацией и политическими событиями, оказывают существенное влияние на структуру спроса, каналы сбыта и конкурентную среду. Например, растет спрос на онлайн-торговлю, энергоэффективные материалы и экологически чистые решения. Политическая нестабильность может приводить к колебаниям цен на сырье, сбоям в логистических цепочках и изменениям в законодательстве, регулирующем строительную отрасль.

Объектом исследования является организация общество с ограниченной ответственностью «Доступные технологии» в городе Магнитогорске. Основной вид деятельности организации – торговля розничная скобяными изделиями, лакокрасочными материалами и стеклом в специализированных магазинах. Дополнительные виды деятельности организации – производство прочих строительно-монтажных, столярных и плотничных, стекольных работ, деятельность агентов по оптовой торговле строительными материалами, торговля оптовая прочими строительными материалами и изделиями. В качестве материала для исследования использованы данные аналитических отчетов, статистические данные, научные публикации и материалы конференций, посвященных вопросам развития рынка строительных материалов и стратегического управления.

Выбранная стратегия масштабирования бизнеса от управляющих ООО «Доступные технологии» путем увеличения присутствия бренда и расширение географии сбыта в Челябинской и Свердловской областях подразумевает инвестирование в открытие новых торговых точек. Это не только увеличение присутствия бренда в регионе, но и увеличение объемов продаж, а также дозагрузка производственных мощностей. С каждым годом план по продажам для фирменной розницы увеличивается. План по продажам на следующий год

составляется финансовым и коммерческим директором исходя из фактически выполненного прошлогоднего плана + 10 % прирост согласно стратегии развития, а также в план закладывается объем продаж с потенциально открытых торговых точек. На 2024 год план по открытию составлял 10 торговых точек в Челябинской области и 2 торговые точки в Свердловской области.

Как было сказано выше, стратегия развития проекта состоит в том, чтобы увеличивать объем сбыта и присутствие бренда в регионах. Руководителями ООО «Доступные технологии» был поставлен план за 6 лет открыть 50 торговых точек, также выйти на новый рынок – Тюменская область.

В состав основных задач тактического планирования входит:

1. Открытие новых торговых точек.
2. Осуществление специальной подготовки в маркетинге по Тюменской и Челябинской областях.
3. Подбор и обучение нового персонала.

Выполнение плана составляет 64%, в среднем за 1 год открывается 8 торговых точек, а значит выставленный план в 50 магазинов к концу 2025 будет реализован.

Открытие новых торговых точек влечет за собой инвестиционные риски. Рассмотрим понятия и виды инвестиционных рисков.

Инвестиционный риск — вероятность обесценения инвестиций или потери доходов в результате неопределённости действий органов государственной власти или ошибок в корпоративном управлении.

Инвестиционные риски в зависимости от причины возникновения делятся на такие как:

- экономические — зависят от состояния экономики конкретного государства и направления его политики в области налогов и финансов;

- технологические – относятся в основном к производственным предприятиям и связаны с надежностью оборудования, сложностью технологических процессов, внедрением инноваций;

- социальные – связаны с человеческим фактором (невозможностью предсказать поведение конкретной личности в процессе ее деятельности) и обусловлены социальной напряженностью в обществе (возникновение забастовок, выполнение различных социальных программ и др.);

- правовые – возникают в результате принятия новых законов или изменений в существующих, а также при отсутствии независимости судебных процессов;

- экологические – связаны с климатическими условиями, эпидемиями, распространением вредителей, техногенными авариями и загрязнением окружающей среды;

- политические – зависят от внешнеполитической обстановки, ситуации внутри страны, изменений курса государственной политики [1].

Глобально все инвестиционные риски можно разделить на 2 группы:

- системные (рыночные риски) – это риски, которые связаны с внешними факторами; инвестор повлиять на них не может;

- несистемные (специфические риски) – это риски, которые связаны непосредственно с объектом инвестирования, начиная от компетентности управляющего персонала и заканчивая конкуренцией в данном сегменте рынка [1].

В торговой деятельности более ярко, чем в производственной, выделяются риски, связанные с персоналом организации. Это обусловлено большим количеством внешних связей, в том числе непосредственных контактов с покупателями, что оказывает влияние на репутацию организации, а также существованием коммерческой тайны. Причинами проявления рисков являются: невысокая оплата труда работников торгового персонала, плохо разработанные системы мотивации и обучения, высокая текучесть кадров [2].

Алгоритм снижения степени подобных рисков очень похож на алгоритм снижения рисков, связанных с поставщиками: тщательная проверка кандидатов и составление договора.

Также очень существенными являются риски, связанные с изменением покупательского спроса. В эту категорию включены риски снижения спроса (например, при уменьшении реальных доходов населения из-за нестабильной политико-экономической ситуации в государстве, при сезонных изменениях), перераспределения спроса (при изменении моды, цен на аналогичные или сопутствующие товары) и риски непредвиденного спроса. Современные интернет-технологии позволяют производить тщательный анализ спроса, учитывая не только информацию непосредственно о покупках, а также на основе поисковых запросов, просмотров страниц каталога и других действий пользователя на сайте торговой организации.

В современном мире большое влияние на хозяйственную деятельность организаций торговли оказывают нематериальные активы, в частности, деловая репутация. Риск потери деловой репутации, как было показано выше, связан со множеством факторов, в частности, качество реализуемого товарного ассортимента и обслуживания покупателей, которое, в свою очередь, включает как обслуживание покупателей в стационарной точке, так и дистанционные формы торговли. В этой связи важной является соответствие ассортимента товаров, представленного на сайте организации, с его реальным наличием в торговой сети.

Предпринимателю важно не забывать и о рисках, связанных с товародвижением – это риски снижения качества товара в процессе транспортировки, хранения, монтажа. Величина вероятного ущерба включает расходы на ликвидацию, либо замену товара, неустойку, дополнительные расходы на транспортировку, хранение, зарплату. Также существуют риски, связанные с покупателями – это отказ от платежа, отказ от самого товара и задержка приемки товара. Данные риски часто связаны с работой персонала и

качеством реализуемого ассортимента товаров, но их необходимо выделять отдельно [3].

Вероятность всех вышеперечисленных рисков можно существенно снизить, однако есть риски возникновения форс-мажорных обстоятельств – неблагоприятные и опасные природные явления, вызванные сознательной или несознательной деятельностью людей. С целью минимизации таких рисков торговые организации могут воспользоваться страхованием, диверсификацией своей деятельности и другими методами.

На современном этапе большинстве предприятий в процессе функционирования акцентирует внимание на такие функции управления, как стратегическое и тактическое планирование. Тактическое планирование характеризуется тесной связью со стратегическим планированием. При этом, как первый, так и второй вид планирования отражает в себе цели, задачи развития хозяйствующего субъекта, основные способы их достижения и выполнения, в том числе разной временной перспективе. Таким образом, процесс планирования на предприятие может разбит на две основные стадии, а именно:

1. Разработка стратегии деятельности предприятия – стратегическое планирование.
2. Определение тактики реализации выбранной стратегии – оперативное, или тактическое планирование [3].

Как правило, стратегическое планирование на предприятии осуществляется на долгосрочный период и включает в себя комплекс глобальных идей развития предприятия.

Стратегия масштабирования бизнеса – это комплексный план действий, направленный на расширение деятельности компании, увеличение ее рыночной доли и повышение прибыльности. Особенности стратегии масштабирования зависят от отрасли, размера компании, ее ресурсов и конкурентной среды. В сфере торговли строительными материалами масштабирование может включать открытие новых магазинов, расширение

ассортимента, развитие онлайн-торговли, выход на новые рынки и внедрение новых технологий.

Возможности масштабирования бизнеса в сфере торговли строительными материалами в современном обществе достаточно широки. Это и развитие франчайзинга, и создание интернет-магазина с доставкой по всей стране, и расширение спектра услуг, например, предоставление консультаций по дизайну интерьера или монтажу оборудования. Современные методики разработки стратегии масштабирования бизнеса, такие как SWOT-анализ, PEST-анализ, модель пяти сил Портера и сбалансированная система показателей, позволяют компаниям оценить свои сильные и слабые стороны, выявить возможности и угрозы, а также определить ключевые факторы успеха [4].

Цифровые технологии играют важную роль в масштабировании бизнеса в сфере торговли строительными материалами. Электронная коммерция, CRM-системы, системы управления складом, онлайн-маркетинг и аналитика данных позволяют компаниям оптимизировать бизнес-процессы, улучшить качество обслуживания клиентов, снизить издержки и повысить эффективность маркетинговых кампаний.

Совершенствование методов стратегии масштабирования бизнеса в сфере торговли строительными материалами на сегодняшний день является необходимостью. Это связано с тем, что конкуренция на рынке постоянно усиливается, требования клиентов становятся более высокими, а технологии развиваются очень быстро. Компании, которые не адаптируются к новым условиям, рискуют потерять свои конкурентные преимущества и упустить возможности для роста.

В процессе разработки стратегии масштабирования бизнеса в сфере торговли строительными материалами необходимо учитывать все плюсы и минусы. Плюсы – это увеличение прибыли, расширение клиентской базы, повышение узнаваемости бренда, укрепление конкурентных позиций, снижение рисков за счет диверсификации деятельности. К минусам можно

отнести высокие затраты на расширение, риск неэффективного управления, сложность контроля за новыми подразделениями, риск потери качества обслуживания.

Также барьерами могут служить ограниченность финансовых ресурсов, нехватка квалифицированных кадров, высокая конкуренция, сложность получения разрешительной документации, нестабильность экономической ситуации. Проблемы, с которыми сталкиваются организации в сфере торговли строительными материалами, включают высокую конкуренцию, низкую маржинальность, зависимость от поставщиков, колебания спроса и сложности с привлечением и удержанием квалифицированных кадров. Пути решения этих проблем включают дифференциацию продукции, повышение качества обслуживания, оптимизацию логистики, развитие онлайн-торговли и внедрение новых технологий [4].

Примером успешного масштабирования бизнеса в сфере торговли строительными материалами является компания «Петрович», которая начала свою деятельность с небольшого магазина в Санкт-Петербурге и превратилась в крупную сеть строительных гипермаркетов, охватывающую несколько регионов России. Компания активно развивает онлайн-торговлю, предлагает широкий ассортимент продукции и предоставляет высокий уровень сервиса.

Другим примером является компания «Кнауф», которая является мировым лидером в производстве строительных материалов. Компания успешно масштабировала свой бизнес за счет расширения ассортимента, развития инновационных технологий и выхода на новые рынки.

Перспективы развития организаций в сфере торговли строительными материалами связаны с ростом строительного рынка, развитием инфраструктуры, увеличением спроса на энергоэффективные и экологически чистые материалы, а также с развитием онлайн-торговли и цифровизации.

Актуализация стратегии деятельности в современных экономических условиях является необходимостью для обеспечения конкурентоспособности и устойчивого развития организаций в сфере торговли строительными

материалами. Стратегия должна учитывать изменения в потребительских предпочтениях, технологические инновации, политические факторы и экономические тенденции.

Заключение

Стратегия масштабирования бизнеса в сфере торговли строительными материалами является важным инструментом для обеспечения конкурентоспособности и устойчивого развития компаний в современных экономических условиях. Разработка и реализация эффективной стратегии масштабирования требует учета особенностей рынка, анализа рисков и возможностей, использования современных технологий и методов управления. Компании, которые успешно масштабируют свой бизнес, смогут увеличить прибыль, расширить клиентскую базу, укрепить свои конкурентные позиции и обеспечить устойчивый рост в долгосрочной перспективе. Необходима постоянная актуализация стратегии, учитывающая изменения рынка и внешние факторы.

Список источников

1. Тимофеев А. А. Понятие стратегии развития строительных организаций и ее классификация // Прогрессивная экономика. 2024. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-strategii-razvitiya-stroitelnyh-organizatsiy-i-ee-klassifikatsiya> (дата обращения: 11.08.2025).
2. Азоев Г.Л., Сумарокова Е.В. маркетинговая поддержка масштабирования бизнеса инновационного стартапа // Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент. 2023. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/marketingovaya-podderzhka-masshtabirovaniya-biznesa-innovatsionnogo-startapa> (дата обращения: 11.08.2025).
3. Гуркин А. Ю. Экономические аспекты повышения темпов роста строительной индустрии // Альманах «Крым». 2023. №37. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskie-aspekty-povysheniya-tempov-rosta-stroitelnoy-industrii> (дата обращения: 11.08.2025).
4. Матюшок В.М., Гизатуллин А.А. Основные тенденции на мировом рынке строительных услуг // Экономика строительства. 2023. №9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-tendentsii-na-mirovom-rynke-stroitelnyh-uslug> (дата обращения: 11.08.2025).

References

1. Timofeev A. A. The concept of development strategy of construction organizations and its classification // Progressive Economy. 2024. No. 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-strategii-razvitiya-stroitelnyh-organizatsiy-i-ee-klassifikatsiya> (date of access: 11.08.2025).
2. Azoev G. L., Sumarokova E. V. Marketing support for scaling the business of an innovative startup // Bulletin of SUSU. Series: Economics and Management. 2023. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/marketingovaya-podderzhka-masshtabirovaniya-biznesa-innovatsionnogo-startapa> (date of access: 11.08.2025).
3. Gurkin A. Yu. Economic aspects of increasing the growth rate of the construction industry // Almanac "Crimea". 2023. No. 37. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskie-aspekty-povysheniya-tempov-rosta-stroitelnoy-industrii> (date of access: 11.08.2025).
4. Matyushok V.M., Gizatullin A.A. Main trends in the global construction services market // Construction Economics. 2023. No. 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-tendentsii-na-mirovom-rynke-stroitelnyh-uslug> (date of access: 11.08.2025).

Статья поступила 26.08.2025, принята к публикации: 15.09.2025.

© Сергеичева И.А., Саяхов А.А., 2025

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Научная статья

УДК 338.4

Роль сетевых технологий и экосистемного подхода в цифровой трансформации промышленности

Арутюн Арутюнович Хачатурян

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия

Доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической теории

<https://orcid.org/0000-0003-2703-7690>

karutyun@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию цифровой трансформации экономики через призму внедрения сетевых технологий и экосистемного подхода. Особое внимание уделено возможностям повышения производственной эффективности и снижению издержек на основе инновационных моделей взаимодействия. Рассмотрены ключевые аспекты, включая автоматизацию процессов, интеграцию аналитических систем и развитие промышленного Интернета вещей. Проанализированы территориальные и отраслевые особенности применения сетевых технологий, а также их роль в формировании устойчивой предпринимательской среды. Результаты исследования подчеркивают важность экосистемного подхода для модернизации промышленного сектора и создания условий для устойчивого экономического роста.

Ключевые слова: цифровая трансформация, экосистемы, сетевые технологии, автоматизация, промышленный Интернет вещей.

Для цитирования: Хачатурян А.А. Роль сетевых технологий и экосистемного подхода в цифровой трансформации промышленности / А.А. Хачатурян // IP: теория и практика. 2025. № 3 (11).

Original article

The role of network technologies and ecosystem approach in the digital transformation of industry

Arutyun A. Khachaturyan

Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia

Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economic Theory and Military Economics

<https://orcid.org/0000-0003-2703-7690>

karutyun@yandex.ru

Abstract. The article explores the digital transformation of the economy through the implementation of network technologies and the ecosystem approach. Particular emphasis is placed on opportunities to improve production efficiency and reduce costs through innovative interaction models. Key aspects such as process automation, integration of analytical systems, and the development of the Industrial Internet of Things are examined. The study analyzes territorial and sectoral features of network technology adoption and their role in fostering a sustainable entrepreneurial environment. The findings highlight the importance of the ecosystem approach for modernizing the industrial sector and creating conditions for sustainable economic growth.

Keywords: Digital transformation, ecosystems, network technologies, automation, industrial Internet of Things.

For citation: Khachaturyan A.A. The role of network technologies and ecosystem approach in the digital transformation of industry // IP: Theory and Practice. 2025. No. 3 (11).

Введение

Цифровая трансформация экономики сегодня играет роль одного из основных факторов, которые определяют развитие производственных и организационных структур. В первую очередь она охватывает все аспекты деятельности бизнеса, сюда относится оптимизация внутренних процессов, расширение масштабов операций и внедрение инновационных моделей

взаимодействия. Важнейшими аспектами цифровых изменений можно считать активное расширение бизнеса, размывание традиционных географических границ, стремительное развитие платформенных решений и экосистем. Данные трансформации заставляют компании перепроектировать свои бизнес-модели, интегрировать их в международные сети и адаптировать к новым вызовам рынка. Вышеописанное активно способствует росту конкурентоспособности компаний.

Не менее важным компонентом сетевых технологий являются их аналитические возможности. В процессе сбора и обработки больших объемов данных организации получают возможность оптимизировать свои процессы и предсказывать тренды потребительского поведения. Организации также могут выявлять скрытые возможности для улучшения работы. К примеру, использование технологий промышленного Интернета вещей (далее – IIoT) позволяет отслеживать состояние оборудования в реальном времени и предотвращать возможные простои за счет внедрения предсказательных методов обслуживания.

Автоматизация процессов выступает в качестве ключевого преимущества, которое обеспечивают сетевые технологии. Объединение управленческих систем на всех этапах производственного цикла повышает эффективность, а также позволяет значительно снизить операционные расходы. Создание сетевых структур открывает новые горизонты для внедрения принципов циркулярной экономики, в которой отходы перерабатываются в ценные ресурсы для производства новых товаров. Для нашей страны, в которой промышленность имеет существенное влияние на экономику, экосистемный подход становится важным инструментом для повышения устойчивости и конкурентоспособности. В первую очередь он дает возможность объединять усилия игроков из разных отраслей и регионов для реализации общих целей и проектов. Необходимо отметить, что переход к сетевым моделям ведет к ряду вызовов, сюда относится зависимость от замкнутых социальных сетей и возможное замедление темпов инноваций в долгосрочной перспективе. Особое внимание уделено анализу

специфики их применения в России в условиях цифровой трансформации экономики.

Методы

Методы исследования включают системный подход, позволяющий изучить сетевые технологии как комплексное явление, и структурно-функциональный анализ. Используются методы сравнительного анализа для сопоставления отечественных и зарубежных практик сетевого взаимодействия, а также статистические методы для обработки данных о динамике внедрения сетевых технологий.

Основное исследование

Цифровая трансформация экономики открывает целый ряд ключевых изменений, которые существенно перераспределяют привычные рыночные механизмы. Снижение транзакционных издержек становится ключевым фактором в формировании многосторонних платформ, некоторые из данных платформ превращаются в масштабные экосистемы.

В случае объединения усилий компании могут создавать разнообразные виды продукции и налаживать производство. Важно понимать, что гибридные модели координации могут развиваться лишь при наличии особых условий, а именно высокой специфичности активов и значительной неопределенности. В таких случаях внутрифирменные механизмы координации оказываются наиболее эффективными. В ситуации, когда активы менее специфичны, более целесообразным будет использование рыночных механизмов для координации [1].

Особое внимание следует уделить роли сетевых технологий в промышленности, которые значительно повышают качество коммуникации и взаимодействия между участниками. Данные решения позволяют наладить стабильные контакты, преодолевать географические и физические барьеры, а это существенно ускоряет обмен информацией и увеличивает общую эффективность процессов.

Эффективная координация между различными подразделениями, дочерними предприятиями и международными филиалами организации невозможна без надежных и быстрых каналов связи. Современные средства связи, сюда относятся электронная почта, мессенджеры, видеоконференции и платформы для совместной работы, обеспечивают беспрепятственный обмен информацией в режиме реального времени. В первую очередь это способствует созданию гибкой и высокоадаптивной структуры, которая способна оперативно реагировать на изменения внешней среды.

Особую роль в этой экосистеме играют облачные технологии, предоставляющие возможность коллективной работы над проектами в режиме реального времени. Облачные сервисы позволяют пользователям без задержек обмениваться данными, файлами и идеями, одновременно участвовать в одном процессе. Данный подход особенно эффективен в крупных проектах, в которых для достижения качественных результатов требуется интеграция разнообразных профессиональных знаний и опыта.

Значение сетевых технологий для обработки данных и аналитики невозможно переоценить. В рамках создания сетевых бизнес-моделей ключевым элементом становится способность эффективно управлять потоками информации и обрабатывать колоссальные объемы данных. Сетевые системы позволяют интегрировать данные из множества источников, обеспечивать единое информационное пространство, а это значительно упрощает комплексный анализ и способствует принятию более точных и обоснованных управленческих решений.

С помощью передовых аналитических инструментов, поддерживаемых сетевыми технологиями, организации в сфере промышленности получают доступ к критически важной информации об эффективности, рыночных тенденциях и потребительских предпочтениях. Инновационные методы, такие как обработка больших данных (Big Data), машинное обучение и искусственный интеллект, становятся необходимыми инструментами для прогнозирования будущих результатов, повышения эффективности операций и выявления

скрытых возможностей для роста. К примеру, прогнозная аналитика, которая использует данные в реальном времени с датчиков в сети, позволяет прогнозировать вероятные сбои в работе оборудования, а это помогает минимизировать простои и значительно сократить расходы на обслуживание.

Автоматизация производственных процессов выступает в качестве одной из ключевых трансформаций, которые сетевые технологии приносят в промышленность. Под вышеописанным понимается использование высокотехнологичных управленческих систем, сюда относятся компьютеры, роботы и специализированные ИТ-решения, для координации и оптимизации работы оборудования и всего производственного процесса. Сетевые инновации открывают возможности для глубокой интеграции данных управленческих систем.

Одним из самых ярких примеров такой интеграции является концепция промышленного Интернета вещей. Данная технология объединяет устройства, машины и системы в единую сеть, обеспечивает синхронизированное взаимодействие и повышает эффективность всех операций. ПоТ позволяет осуществлять постоянный мониторинг и управление в режиме реального времени, а это значительно повышает производительность, снижает количество ошибок, вызванных человеческим фактором, и повышает безопасность на производственных объектах. Все вышеописанное достигается за счет оперативного реагирования на изменения в процессе и своевременного выявления потенциальных рисков [2].

Сетевые технологические решения играют ключевую роль в повышении производительности и обеспечении масштабируемости промышленных систем. Они оптимизируют коммуникационные процессы, упрощают управление потоками информации и автоматизируют операционные задачи, это способствует более рациональному использованию ресурсов и повышению операционной эффективности. Рассматриваемые системы обладают необходимой гибкостью, это позволяет быстро адаптироваться к изменениям и масштабировать процессы в зависимости от потребностей. Для крупных

предприятий вышеописанное становится не просто преимуществом, а стратегическим активом. В условиях роста бизнеса способность расширять операции с минимальными временными и финансовыми затратами критически важна для сохранения конкурентных позиций. Сетевые технологии предоставляют надежную и гибкую инфраструктуру, которая может поддерживать возросшие нагрузки и сложные процессы, обеспечивать стабильность и эффективность даже в самых динамичных условиях.

Анализ сетевых взаимодействий между предприятиями такого рода часто фокусируется на территориальных особенностях и локальных условиях. Ключевыми преимуществами этой модели являются устойчивый обмен знаниями, технологиями и компетенциями внутри сети, высокая эффективность организации поставок, специализированная деятельность участников и развитие динамичного локального рынка труда, который обеспечивает необходимое количество квалифицированных специалистов. Важную роль в этой системе играет активное взаимодействие с местным сообществом. В 1990-е гг. к этим характеристикам добавились новые аспекты, связанные с институциональной инфраструктурой индустриальных регионов: согласованность ценностей внутри местных сообществ, традиционные подходы к труду, ограниченные рыночные возможности и создание собственных финансовых механизмов, к примеру, это могут быть кредитные рынки и финансовые институты.

Так или иначе, индустриальные районы сталкиваются с рядом серьезных ограничений. Одним из таковых является их зависимость от ограниченных социальных связей и преобладание традиционного производства товаров, которым занимаются преимущественно малые и средние предприятия. Также важно отметить, что стабильность институциональной среды в таких районах может тормозить их развитие в долгосрочной перспективе [3]. В советский период и позднее в российской практике развитие промышленных комплексов сводилось к созданию интегрированных территориальных групп, все начиналось с одноотраслевых объединений и постепенно переходило к более сложным многоотраслевым структурам. Данные объединения включали в себя как

производственные предприятия, так и инфраструктурные объекты, которые функционировали как единая сеть, которая направлена на решение комплексных производственных и потребительских задач [4].

В высокотехнологичной отрасли России выделяются три ключевых механизма, способствующих стремительному росту производства, а именно потребительские сети, технологические альянсы и географическая близость.

Географическая близость (самый ключевой из трех) является главным при создании индустриальных кластеров. В первую очередь это позволяет существенно улучшить координацию и ускорить взаимодействие между участниками, создать благоприятные условия для взаимной синергии. Основная идея заключается в том, чтобы высокотехнологичные компании с необходимыми компетенциями располагались в одном географическом центре, это обеспечивает им доступ к высококвалифицированной рабочей силе и другим критически важным ресурсам.

С переходом к экосистемному подходу сетевые модели организации бизнеса стали рассматриваться через призму межотраслевого и межрегионального взаимодействия. Экосистема как концепция рыночной модели вызывает повышенный интерес у исследователей в последние годы благодаря своей способности распространять инновационные знания, способствовать обмену технологическими решениями и, что особенно важно, обеспечивать более простой доступ к потребительской базе. Для промышленных компаний экосистемный подход открывает новые возможности для достижения высокой экономической и экологической эффективности, интегрирует принципы циркулярной экономики и создает условия для устойчивого развития.

Применение концепции экосистемы позволяет переосмыслить традиционные модели агломерационного взаимодействия, уделить внимание нескольким ключевым уровням, а именно региональному (включая страны, отраслевые объединения и местные административные единицы), отраслевому (сюда относятся экосистемы агропромышленного комплекса, медиаиндустрии,

финансовых услуг и другие), а также в контексте различных видов деятельности, включая предпринимательскую, инновационную и т.д. [5].

Предпринимательские экосистемы представляют собой универсальную аналитическую модель, которая позволяет исследовать разнообразие подходов к оценке предпринимательской активности в различных географических и социально-экономических контекстах [6].

Отталкиваясь от вышесказанного, экосистема представляет собой сингулярность участвующих в процессах элементов, которые как в формальной, так и в неформальной форме объединяются для обеспечения согласованных и взаимозависимых действий в локальной предпринимательской обстановке.

Растущее число научных публикаций свидетельствует о возросшем интересе к внедрению экосистемного подхода в исследования экономических и управленческих процессов. Вопреки прогрессу в этой области теоретическое осмысление предпринимательских экосистем все еще находится на стадии активного становления, в первую очередь внимание сосредоточено на определении их структуры и ключевых элементов. Данные исследования особенно актуальны и востребованы в России, в которой промышленный сектор остается важным двигателем экономики, это делает изучение экосистемных взаимодействий критически важным для отечественных ученых.

Заключение

Цифровая трансформация экономики открывает новые возможности для повышения эффективности промышленных предприятий. Сетевые технологии и экосистемный подход становятся важными инструментами, которые способствуют интеграции участников в глобальные цепочки стоимости. В первую очередь это позволяет предприятиям достигать высокой степени гибкости, оптимизировать ресурсы и обеспечивать устойчивость к внешним изменениям.

Одним из ключевых преимуществ сетевых технологий является их способность упрощать коммуникацию и взаимодействие. Современные

инструменты, к которым относятся облачные платформы и аналитические системы, позволяют предприятиям работать в режиме реального времени, координировать действия даже в условиях географической разобщенности. Вышеописанное особенно важно для высокотехнологичных отраслей, в которых скорость принятия решений играет решающую роль. Автоматизация процессов и применение принципов циркулярной экономики делают сетевые технологии незаменимыми в условиях растущей конкуренции. Промышленный Интернет вещей и другие инструменты помогают снижать издержки, повышать качество продукции и обеспечивать устойчивое развитие. Важную роль играет экосистемный подход, который интегрирует предприятия и способствует обмену знаниями и инновациями. Для России применение данных подходов становится важным шагом на пути к модернизации экономики. В настоящее время необходимо учитывать ряд проблем, сюда относятся низкая эффективность кластеров и ограниченная инновационная активность в долгосрочной перспективе. Для преодоления данных барьеров требуется более активное участие государства и бизнеса в разработке программ поддержки сетевых инициатив.

Список литературы

1. Грибов П.Г. Применение сетевых технологий при построении больших организационно-экономических систем в промышленности / П.Г. Грибов, А.В. Савельев // Современная экономика: проблемы и решения. – 2023. – № 7 (163). – С. 67–81.
2. Гудкова О.Е. Особенности применения сетевых технологий при построении больших организационно-экономических систем в промышленности / О.Е. Гудкова // Вестник экономики, права и социологии. – 2024. – № 3. – С. 251–255.
3. Ситкевич Д.А. Влияние гибридных механизмов координации на экономическую модернизацию сообществ: автореф. дис. ...канд. экон. наук: 08.00.01 / Д.А. Ситкевич. – Москва, 2021. – 166 с.
4. Орехова С.В. Промышленный комплекс: эволюция исследовательской программы / С.В. Орехова, Д.А. Азаров // Journal of new economy. – 2020. – Т. 21, № 2. – С. 5–23.

5. Раменская Л.А. Применение концепции экосистем в экономико-управленческих исследованиях / Л.А. Раменская // *Управленец*. – 2020. – Т. 11. – № 4. – С. 16–28.

6. Чернова О.А. Экосистемный подход к управлению процессами инновационного развития промышленности / О.А. Чернова, Л.Г. Матвеева, Г.В. Горелова // *Journal of new economy*. – 2021. – Т. 22, № 2. – С. 44–64.

References

1. Gribov P.G., Saveliev A.V. Application of network technologies in the construction of large organizational and economic systems in industry. *Sovremennaya ekonomika: problemy i resheniya = Modern economics: problems and solutions*. 2023. No. 7 (163). Pp. 67–81 (in Russ.).

2. Gudkova O.E. Features of the use of network technologies in the construction of large organizational and economic systems in industry. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii = Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2024. No. 3. Pp. 251–255 (in Russ.).

3. Sitkevich D.A. *Vliyaniye gibridnykh mekhanizmov koordinatsii na ekonomicheskuyu modernizatsiyu soobshchestv = The influence of hybrid coordination mechanisms on the economic modernization of communities: dis. ...PhD of Economic Sciences: 08.00.01. Moscow, 2021. 166 p. (in Russ.).*

4. Orekhova S. V., Azarov D. A. Industrial complex: evolution of the research program. *Journal of new economy*. 2020. Vol. 21, No. 2. Pp. 5–23 (in Russ.).

5. Ramenskaya L.A. The application of the concept of ecosystems in economic and managerial research. *Upravlenets = Manager*. 2020. Vol. 11, No. 4. Pp. 16–28 (in Russ.).

6. Chernova O.A., Matveeva L.G., Gorelova G.V. Ecosystem approach to the management of innovative industrial development processes. *Journal of new economy*. 2021. Vol. 22, No. 2. Pp. 44–64 (in Russ.).

Статья поступила 15.09.2025, принята к публикации: 17.09.2025.

© Хачатурян А.А., 2025

Научная статья

УДК 001.894.2

Анализ научно-методических подходов к управлению результатами интеллектуальной деятельности в Интернете

Игорь Викторович Рыжов¹, Михаил Витальевич Дорофеев²

^{1,2} Российская государственная академия интеллектуальной
собственности, Москва, Россия

¹ Доктор экономических наук, профессор

<https://orcid.org/0009-0001-2942-6086>

i.ryzhov@rgiis.ru

² misha.dorofeev2018@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются методы защиты результатов интеллектуальной деятельности в Интернете, демонстрируется необходимость интегрированного подхода, сочетающего жесткое нормативно-правовое регулирование, передовые технические инновации и четко выстроенные организационные процессы. При этом особое внимание уделено сетевому управлению интеллектуальной собственностью в онлайн-бизнесе, которое представляет собой не только технологическое, но и фундаментальное экономическое новшество.

Ключевые слова: результаты интеллектуальной деятельности, интеллектуальная собственность, методы защиты, интернет-среда, сетевое управление, онлайн-бизнес.

Для цитирования: Рыжов И.В., Дорофеев М.В. Анализ научно-методических подходов к управлению результатами интеллектуальной деятельности в Интернете // IP: теория и практика. – 2025. – № 3 (11).

Original article

Analysis of scientific and methodological approaches to managing the results of intellectual activity on the Internet

Igor V. Ryzhov¹, Mikhail V. Dorofeev²

^{1,2} Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia

¹ Doctor of Economics, Professor

<https://orcid.org/0009-0001-2942-6086>

i.ryzhov@rgiis.ru

² misha.dorofeev2018@mail.ru

Abstract. The article discusses the analysis of methods for protecting the results of intellectual activity on the Internet, which demonstrates the need for an integrated approach combining strict regulatory framework, advanced technical innovations and well-structured organizational processes. At the same time, special attention is paid to the network management of intellectual property in online business, which is not only a technological, but also a fundamental economic innovation.

Keywords: results of intellectual activity, intellectual property, methods of protection, Internet environment, network management, online business.

For citation: Ryzhov I.V., Dorofeev M.V. Analysis of scientific and methodological approaches to managing the results of intellectual activity on the Internet // IP: theory and practice. 2025. No. 3 (11).

Введение

Массовая цифровизация и технологическая революция приводят к кардинальным изменениям не только в способах производства и управления, но и в формах создания, распространения и использования результатов интеллектуальной деятельности (далее – РИД), формируя совершенно новые отраслевые и межотраслевые рынки. Эти процессы создают как значительные возможности для коммерциализации интеллектуальной собственности (далее – ИС), так и серьезные угрозы для ее устойчивой защиты. Особую значимость в этом контексте приобретает интернет-среда, которая благодаря своей открытости, высокой скорости обмена данными, масштабируемости и трансграничному характеру обеспечивает беспрецедентные условия для тиражирования и распространения интеллектуальных продуктов. Онлайн-платформы, маркетплейсы, стриминговые сервисы и облачные хранилища позволяют правообладателям выходить на глобальные рынки с минимальными издержками, ускоряя процессы монетизации ИС и создавая новые бизнес-модели. При этом именно эти характеристики порождают масштабные и трудно контролируемые риски нарушения прав: незаконное

копирование, воспроизведение, переработка и распространение объектов ИС осуществляются с использованием все более совершенных технических средств, что приводит к росту теневого оборота и пиратского контента. В этих условиях особое значение приобретает анализ перспективных методов защиты результатов интеллектуальной деятельности в Интернете, включая исследование сетевого управления интеллектуальной собственностью в контексте онлайн-бизнеса.

Методы

В процессе анализа методов управления результатами интеллектуальной деятельности в интернет-пространстве в контексте онлайн-бизнеса был использован системный подход, а также методы логического, аналитического и компаративного анализа.

Основное исследование

В условиях стремительной цифровизации экономической деятельности особое значение приобретает анализ методов защиты результатов интеллектуальной деятельности в Интернете.

По мнению российского исследователя Е.В. Савиковской, система управления результатами интеллектуальной деятельности представляет собой «организованную совокупность взаимосвязанных процессов, ресурсов и механизмов, обеспечивающих эффективное создание, защиту и коммерциализацию нематериальных активов». В контексте онлайн-среды такие процессы нуждаются в адаптации к специфическим особенностям цифрового пространства, где физические и правовые границы размыты, а скорость информационных потоков высока [1]. Это, в свою очередь, обуславливает необходимость применения надежных методов защиты результатов интеллектуальной деятельности в Интернете.

Следует констатировать, что юридические методы по-прежнему являются базисом охраны цифровых активов и служат отправной точкой любой системы защиты в онлайн-формате. Ключевыми инструментами являются авторское право и институт смежных прав, которые

распространяются на программное обеспечение, мультимедийный контент и тексты блогеров в сети Интернет.

Электронная регистрация авторских прав и заключение лицензионных договоров с четко прописанными условиями использования позволяет формализовать порядок доступа к объектам интеллектуальной собственности и установить ответственность за их нарушение. Международный уровень защиты формируют соглашения Бернской конвенции и Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС)¹, а на региональном уровне – положения DMCA в США и аналогичные законы в Евросоюзе². Эти нормативные правовые акты предусматривают «безопасные гавани» для платформ, однако влекут за собой необходимость оперативного реагирования на уведомления о нарушениях [2]. По мнению Т.В. Моисеевой, установление notice-and-takedown процедур обеспечивает баланс между свободой распространения и охраной авторских прав, но требует от правообладателей высокого уровня юридической подкованности [3].

Технические решения дополняют юридические механизмы, создавая физические и цифровые барьеры несанкционированному копированию и распространению контента. По мнению С.М. Евсеенко, внедрение DRM-систем позволяет управлять правами пользователей на воспроизведение, копирование и передачу цифровых файлов, автоматически проверяя лицензионные ключи. Применение цифровых водяных знаков и стеганографии обеспечивает скрытую маркировку материалов, что упрощает последующее обнаружение источника утечки [4]. По мнению А.А. Парфеновой, использование блокчейн-технологий в регистрах прав на цифровые активы создает децентрализованную, неизменяемую базу данных, где каждая транзакция с объектом ИС фиксируется публично и реляционно. В

---

¹ Договор Всемирной организации интеллектуальной собственности по авторскому праву (Женева, 20.12.1996). CNTD.ru. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901817956> (дата обращения: 06.05.2025).

² Digital Millennium Copyright Act: Pub. L. No. 105–304, 112 Stat. 2860 (1998). URL: <https://www.copyright.gov/legislation/dmca.pdf> (дата обращения: 06.05.2025).

результате снижаются транзакционные издержки при верификации прав и повышается прозрачность цепочки владения [5].

Организационные методы обеспечивают системное сопровождение юридических и технических механизмов и формируют корпоративную культуру защиты интеллектуальной собственности. По мнению исследователей С.А. Полухиной и Е.М. Бодряшовой, создание единой системы управления результатами интеллектуальной деятельности включает разработку внутренних нормативных документов, методик оценки нематериальных активов и процедур мониторинга. Обучение персонала основам авторского права и принципам ИТ-безопасности снижает риски непреднамеренных нарушений [6].

По мнению С.В. Новикова и С.П. Куликова, автоматизация процессов регистрации и отчетности посредством специализированных платформ, интегрированных с национальными и международными реестрами, позволяет в режиме реального времени отслеживать статус заявок, изменения прав и лицензионных соглашений. Это повышает оперативность принятия решений и снижает административные барьеры [7].

По мнению М.С. Иванова и А.Е. Полякова, динамические алгоритмы управления учитывают вариативность пользовательского поведения и изменение ландшафта угроз, адаптируя параметры защиты в реальном времени [8]. Технологии цифровых двойников виртуальных ресурсов расширяют возможности тестирования сценариев взломов и отработки контрмер без риска для производственных систем [9]. Динамические алгоритмы управления – это алгоритмические модели, которые адаптируют свои параметры и правила функционирования в режиме реального времени в зависимости от изменяющихся условий внешней среды и внутреннего состояния управляемой системы. В отличие от статичных алгоритмов, работающих по фиксированным сценариям, динамические алгоритмы обладают способностью самообучаться, перестраиваться и учитывать новые данные по мере их поступления.

Любая система защиты должна быть экономически оправдана: затраты на ее внедрение и сопровождение не должны превышать потенциальных потерь от нарушений прав. По мнению К.Б. Герасимова и Е.С. Шкодиной, оценка стоимости защиты включает прямые издержки (лицензирование, разработка технических решений, юридическая поддержка) и косвенные (влияние на UX³, время простоя инфраструктуры). Модель затрат-выгод позиционирует гибридные решения как оптимальные в условиях средних и крупных онлайн-платформ, где масштабы рисков велики [10].

Несмотря на комплексность современных систем защиты интеллектуальной собственности в Интернете, их технологическая составляющая имеет ряд значимых ограничений. Как отмечает С.М. Евсеенко, DRM-системы, водяные знаки и стеганографические методы подвержены технологическому устареванию и могут быть обходными при наличии высококвалифицированных злоумышленников, что ограничивает их эффективность. Блокчейн-решения, по мнению А.А. Парфеновой, хотя и обеспечивают неизменность записей, сталкиваются с проблемами масштабируемости, высокой стоимостью транзакций и ограниченной совместимостью с существующими правовыми системами, что затрудняет их массовое внедрение. Кроме того, автоматизированные платформы. По мнению С.В. Новикова, С.П. Куликова, обеспечивают оперативность процессов регистрации и отчетности, но зависят от надежности интеграции с государственными и международными реестрами, что создает уязвимость в случае технических сбоев или кибератак.

Таким образом, ключевыми ограничениями технологий остаются их подверженность эволюции угроз, потребность в постоянной модернизации, высокий уровень ресурсоемкости и зависимость от внешней инфраструктуры, что требует комплексного учета при проектировании систем защиты интеллектуальной собственности в цифровой среде. Анализ методов защиты

---

³ UX (User Experience) – это «пользовательский опыт», или то, как пользователь взаимодействует с интерфейсом продукта (сайта, приложения, сервиса).

результатов интеллектуальной деятельности в Интернете демонстрирует необходимость интегрированного подхода, сочетающего жесткое нормативно-правовое регулирование, передовые технические инновации и четко выстроенные организационные процессы. Только синергия всех трех компонентов обеспечивает надежную и экономически оправданную систему охраны цифровых активов.

В этой связи особую значимость приобретает сетевое управление ИС для онлайн-бизнеса, которое представляет собой не просто технический механизм учета НМА, но комплексную экосистему, в которой правообладатели, платформы-посредники и потребители взаимодействуют по принципам децентрализации, прозрачности и автоматизации. В отличие от классической иерархической модели, где централизованный администратор контролирует каждый этап лицензирования, сетевой подход опирается на стандартизированные протоколы обмена данными, распределенные реестры и смарт-контракты, что позволяет снизить транзакционные издержки и ускорить коммерческую реализацию НМА.

Первый ключевой эффект сетевого управления – ускорение процессов верификации и заключения лицензионных соглашений. В традиционной модели юридическое сопровождение сделки занимало от нескольких дней до нескольких недель из-за необходимости ручной проверки правообладателя, согласования условий и подготовки бумаг. При использовании блокчейн-реестра проверка цепочки правообладания и истории изменений осуществляется автоматически в течение секунд, что сокращает операционные расходы на 30–40% и высвобождает ресурсы для развития новых продуктов. Протоколы на основе Ethereum или Hyperledger Fabric обеспечивают неизменность записей и прозрачность всех транзакций, что резко снижает риски юридических споров и дублирования прав [4].

Кроме того, масштабирующийся характер сетевого управления позволяет онлайн-платформам быстро расширять географию и клиентскую базу без пропорционального увеличения затрат на интеграцию новых

партнеров. Унификация метаданных (Dublin Core, schema.org) и применение единого стандарта описания объектов ИС позволяют переводить процессы лицензирования «из коробки» на любой рынок: будь то рынок электронных книг в Европе или музыкального контента в Латинской Америке.

Техническая основа сетевого управления включает три взаимосвязанных компонента:

1. Блокчейн-реестры прав. Обеспечивают неизменность записей о правообладателях и истории передач лицензий; применяются публичные цепочки (Ethereum, Tezos) или приватные (Hyperledger Fabric) в зависимости от требований к конфиденциальности.

2. Цифровые двойники объектов ИС. Представляют собой токенизированные репрезентации патентов, авторских прав или товарных знаков, позволяющие проводить транзакции, обменивать доли владения и осуществлять дробное лицензирование (fractional licensing).

3. Смарт-контракты и автоматизированные протоколы. Кодированная логика, автоматически исполняющая условия соглашения при наступлении заранее установленных событий (оплата, достижение объема продаж, дата окончания срока действия лицензии).

Эти компоненты в совокупности создают платформу, на которой участники сети взаимодействуют по принципу *code as law*, устраняя необходимость централизованного контроля и минимизируя человеческий фактор в проверке и исполнении лицензионных договоров. Термин *code as law* обозначает концепцию, при которой юридические нормы и правила взаимодействия участников сети закладываются непосредственно в программный код системы и автоматически исполняются без участия человека. Иными словами, вместо того чтобы полагаться на традиционные юридические процедуры (например, ручную проверку соблюдения условий лицензии), условия соглашений прописываются в виде смарт-контрактов или других программных механизмов, которые строго следят за их выполнением. Такой подход минимизирует риски субъективных интерпретаций, ускоряет

процессы и устраняет необходимость централизованного надзора, поскольку исполнение правил становится встроенной функцией самой цифровой платформы.

Экономическая польза для онлайн-бизнеса заключается не только в снижении административных и юридических расходов, но и в создании новых источников дохода. За счет дробного лицензирования цифровых двойников и динамического изменения условий соглашений (динамические лицензии) компании получают возможность [9]:

- оптимизировать ценообразование в реальном времени на основе анализа пользовательского спроса и рыночных колебаний;
- расширять рынки сбыта благодаря упрощенной процедуре заключения сделок с партнерами в других юрисдикциях;
- увеличивать доход от монетизации контента на 15–25% по сравнению с традиционными моделями лицензирования.

В организационном плане переход к сетевому управлению ИС требует формирования мультидисциплинарных команд, объединяющих юристов, IT-архитекторов, специалистов по машинному обучению и финансовых аналитиков. Подобная структура обеспечивает:

- синергетическое взаимодействие при формировании метаданных и разработке API для интеграции со сторонними системами;
- комплексную оценку рисков на этапах проектирования блокчейн-реестров и смарт-контрактов;
- гибкое изменение условий лицензий на основе аналитики больших данных и методов прогнозирования.

Более того, подобные команды отвечают за внедрение автоматизированных инструментов мониторинга и защиты, таких как цифровые водяные знаки и системы контент-айдентификации (например, YouTube Content ID), что позволяет в реальном времени отслеживать нарушения и предотвращать несанкционированное копирование. Интеграция с глобальными правовыми базами (WIPO, USPTO, EPO) обеспечивает

оперативную проверку новых заявок и автоматическую блокировку подозрительных публикаций.

Следующий аспект – стимулирование открытых инноваций внутри сетевого пространства. Платформы с поддержкой сетевого управления ИС предоставляют разработчикам упрощенный доступ к чужим наработкам и библиотекам компонентов (open APIs, GitHub-репозитории), ускоряя внедрение новых идей в коммерческие продукты. Примером служит инициатива P&G Connect+Develop, где внешние изобретатели через порталы лицензируют прототипы с минимальными барьерами входа, а смарт-контракты обеспечивают прозрачность расчетов по роялти и автоматическое распределение доходов⁴.

Тем не менее децентрализация несет и определенные риски. Фрагментация правового пространства ввиду отсутствия унифицированных стандартов описания объектов ИС увеличивает вероятность конфликтов норм в разных юрисдикциях. Н.А. Ланкин подчеркивает, что при отсутствии согласованных отраслевых метаданных (ONIX-IP, WIPO ST.3) могут возникать коллизии между данными реестров, что усложняет идентификацию правообладателя и восстановление справедливости в случае споров. Для минимизации этих рисков необходимы:

- разработка международных стандартов описания и классификации цифровых активов на основе лучших практик ISO (ISO 10668 для брендов, ISO 23247 для цифровых двойников);
- создание «безопасных узлов» сети – отраслевых хабов в ключевых юрисдикциях, отвечающих за валидацию и согласование транзакций с учетом местного законодательства;

---

⁴ Open APIs industry standardization simplifies the introduction of new services and technologies. URL: <https://inform.tmforum.org/features-and-opinion/open-apis-industry-standardization-simplifies-the-introduction-of-new-services-and-technologies> (дата обращения: 11.05.2025).

– внедрение регламентированных процедур аудита и сквозного мониторинга через API, позволяющих автоматически сверять транзакции с правовыми данными в реальном времени.

Практический опыт ведущих онлайн-платформ подтверждает, что сбалансированное сочетание инновационной технологии, продуманной корпоративной стратегии и строгих стандартов управления ИС обеспечивает устойчивый конкурентный эффект.

Основные риски сетевого управления интеллектуальной собственностью в онлайн-бизнесе сосредоточены вокруг правовой, технической и организационной сфер.

Во-первых, правовая неопределенность остается ключевым вызовом: как подчеркивает Н.А. Ланкин, отсутствие унифицированных международных стандартов описания объектов ИС приводит к возможным конфликтам норм и затрудняет идентификацию правообладателей, особенно при трансграничных транзакциях. Эта фрагментация увеличивает вероятность возникновения споров и затягивания процедур разрешения конфликтов.

Во-вторых, технологические риски связаны с уязвимостью блокчейн-реестров и смарт-контрактов. По мнению А.А. Парфеновой, несмотря на децентрализованный характер таких систем, ошибки в коде смарт-контрактов и несанкционированный доступ к ключам участников сети могут привести к утечкам данных или блокировке активов. М.С. Иванов и А.Е. Поляков отмечают, что динамический характер угроз в цифровой среде требует постоянной актуализации алгоритмов защиты, иначе системы становятся неэффективными при появлении новых векторов атак. Организационные риски выражаются в высокой зависимости от квалификации персонала и необходимости формирования мультидисциплинарных команд. Ошибки на этапе проектирования API и протоколов интеграции, как подчеркивают С.В. Новиков и С.П. Куликов, могут повлечь несовместимость с внешними системами или ошибки при передаче данных, что критично при работе с государственными и международными реестрами. Экономический риск, по

мнению К.Б. Герасимова и Е.С. Шкодиной, заключается в дисбалансе затрат на развертывание и поддержку сетевой архитектуры по сравнению с доходами, особенно для небольших компаний, где инвестиции могут не окупиться в краткосрочной перспективе.

Наконец, важным остается риск репутационных потерь: любой инцидент, связанный с утечкой данных или ошибкой в распределении доходов, подрывает доверие участников сети и может привести к массовому исходу правообладателей и потребителей. Эти риски подчеркивают необходимость системного аудита, постоянной модернизации и международной координации для обеспечения устойчивости сетевого управления интеллектуальной собственностью.

Следует отметить, сетевое управление интеллектуальной собственностью в онлайн-бизнесе представляет собой не только технологическое, но и фундаментальное экономическое новшество. Распределенная модель ответственности, автоматизация лицензионных процедур и интеграция с системами машинного обучения формируют основу для снижения транзакционных издержек, ускорения вывода новых продуктов на рынок и расширения инновационного потенциала компаний.

Заключение

В современных условиях ключевыми ограничениями технологий остаются их подверженность эволюции угроз, потребность в постоянной модернизации, высокий уровень ресурсоемкости и зависимость от внешней инфраструктуры, что требует комплексного учета при проектировании систем защиты интеллектуальной собственности в цифровой среде.

Анализ методов защиты РИД в Интернете демонстрирует необходимость интегрированного подхода, сочетающего жесткое нормативно-правовое регулирование, передовые технические инновации и четко выстроенные организационные процессы. Только синергия всех трех компонентов обеспечивает надежную и экономически оправданную систему охраны цифровых активов.

Сетевое управление интеллектуальной собственностью в онлайн-бизнесе представляет собой не только технологическое, но и фундаментальное экономическое новшество. Распределенная модель ответственности, автоматизация лицензионных процедур и интеграция с системами машинного обучения формируют основу для снижения транзакционных издержек, ускорения вывода новых продуктов на рынок и расширения инновационного потенциала компаний.

Практический опыт ведущих онлайн-платформ подтверждает, что сбалансированное сочетание инновационной технологии, продуманной корпоративной стратегии и строгих стандартов управления ИС обеспечивает устойчивый конкурентный эффект. При этом основные риски сетевого управления интеллектуальной собственностью в онлайн-бизнесе сосредоточены вокруг правовой, технической и организационной сфер.

Список литературы

1. Савиловская Е.В. Система управления результатами интеллектуальной деятельности на предприятии / Е.В. Савиловская // Инновации. – 2021. – № 1 (267). – С. 26–29.
2. Ланкин Н.А. Проблемы защиты авторских прав на результаты интеллектуальной деятельности блогеров в сети Internet / Н.А. Ланкин // Синергия наук. – 2021. – № 55. – С. 129–137.
3. Моисеева Т.В. Смысл названия новой теории интерсубъективного управления / Т.В. Моисеева // Мир экономики и управления. – 2020. – Т. 20. – № 2. – С. 119–133.
4. Евсеенко С.М. Обзор направлений интеллектуализации продукции и деятельности приборостроительного предприятия / С.М. Евсеенко // Инновации. – 2021. – № 5 (271). – С. 35–42.
5. Парфенова А.А. Примеры реализации принципов интеллектуальных сетей / А.А. Парфенова // Студенческий электронный научный журнал. – 2021. – № 25 (153). URL: <https://sibac.info/journal/student/153/220976> (дата обращения: 01.08.2025).
6. Полухина С.А. Аудит объектов интеллектуальной собственности в условиях конкуренции и инновационного развития бизнеса / С.А. Полухина, Е.М. Бодряшова // Современные проблемы инновационной экономики. – 2020. – № 7. – С. 145–151.

7. Новиков С.В. Разработка инструментария для организации системы управления результатами интеллектуальной деятельности в высших учебных заведениях / С.В. Новиков, С.П. Куликов // СТИН. – 2024. – № 3. – С. 27–31.

8. Иванов М.С. Краткая информация об интеллектуальном управлении сложными динамическими объектами / М.С. Иванов, А.Е. Поляков // Молодые ученые – развитию Национальной технологической инициативы (ПОИСК). – 2020. – № 1. – С. 239–242.

9. Логинова В.О. Механизмы интеллектуальной поддержки управленческих решений в самообучающихся организациях / В.О. Логинова: Международный социально-экономический форум «Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию». – Ростов-на-Дону: Южный университет, 2024. – С. 177–180.

10. Герасимов К.Б. Функциональное содержание управления интеллектуальной собственностью в организации // Журнал исследований по управлению / К.Б. Герасимов, Е.С. Шкодина. – 2021. – Т. 7. – №2. – С. 23–29.

References

1. Savikovskaya E.V. The management system of the results of intellectual activity at the enterprise. *Innovatsii = Innovations*. 2021. № 1 (267). Pp. 26–29 (in Russ.).

2. Lankin N.A. Problems of copyright protection for the results of intellectual activity of bloggers on the Internet. *Sinergiya nauk = The Synergy of Sciences*. 2021. No. 55. Pp. 129–137 (in Russ.).

3. Moiseeva T.V. The meaning of the name of the new theory of intersubjective management. *Mir ekonomiki i upravleniya = The world of economics and management*. 2020. Vol. 20. No. 2. Pp. 119–133 (in Russ.).

4. Evseenko S.M. Overview of the directions of intellectualization of products and activities of the instrument-making enterprise. *Innovatsii = Innovation*. 2021. № 5 (271). Pp. 35–42 (in Russ.).

5. Parfenova A.A. Examples of the implementation of the principles of intelligent networks. *Studencheskiy elektronnyy nauchnyy zhurnal = Studentsky electronic scientific journal*. 2021. No. 25 (153). URL: <https://sibac.info/journal/student / 153/220976> (date of access: 01.08.2025) (in Russ.).

6. Polukhina S.A., Bodryashova E.M. Audit of intellectual property objects in the context of competition and innovative business development. *Sovremennyye problemy innovatsionnoy ekonomiki = Modern problems of innovative economics*. 2020. No. 7. Pp. 145–151 (in Russ.).

7. Novikov S.V., Kulikov S.P. Development of tools for the organization of a management system for the results of intellectual activity in higher educational institutions. *STIN*. 2024. No. 3. Pp. 27–31 (in Russ.).

8. Ivanov M.S., Polyakov A.E. Brief information on intelligent control of complex dynamic objects. *Molodyye uchenyye – razvitiyu Natsional'noy tekhnologicheskoy initsiativy (POISK) = Young scientists for the development of the National Technological Initiative (POISK)*. 2020. No. 1. Pp. 239–242 (in Russ.).

9. Loginova V.O. Mechanisms of intellectual support of managerial decisions in self-learning organizations: *International Socio-economic Forum "Intellectual Resources for Regional Development"*. Rostov-on-Don: Southern University Publ., 2024. Pp. 177–180 (in Russ.).

10. Gerasimov K.B., Shkodina E.S. The functional content of intellectual property management in an organization. *Zhurnal issledovaniy po upravleniyu = Journal of Management Studies*. 2021. Vol. 7. No. 2. Pp. 23–29 (in Russ.).

Статья поступила 10.08.2025, принята к публикации: 18.09.2025.

© Рыжов И.В., Дорофеев М.В., 2025

Научная статья

УДК 004.81

Алгоритмы машинного обучения как инструмент цифровой трансформации для управления запасами в оборонной промышленности

Каринэ Суреновна Хачатурян,

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической теории

<https://orcid.org/0000-0002-3441-5859>

kara111315hks@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию применения алгоритмов обучения с подкреплением для управления запасами в оборонной промышленности. Рассматривается важность цифровой трансформации в условиях импортозамещения и стратегической значимости продукции двойного назначения. Приведены примеры интеграции машинного обучения с подкреплением в национальные IT-платформы, такие как Astra Linux, позволяющие автоматизировать анализ спроса, оптимизацию заказов и логистики. Показано, как внедрение способствует снижению издержек, улучшению точности прогнозов и адаптации к рыночной неопределенности. В заключение сформулированы рекомендации по внедрению машинного обучения для повышения экономической эффективности и устойчивости оборонно-промышленного комплекса.

Ключевые слова: машинное обучение, обучение с подкреплением, управление запасами, Astra Linux, цифровая трансформация.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках государственного задания Минобрнауки России по теме «Развитие методологии производства продукции двойного назначения высокотехнологичными компаниями России с использованием элементов искусственного интеллекта в условиях цифровизации экономики и санкционного давления» (№ 123011600034-3).

Для цитирования: Хачатурян К.С. Алгоритмы машинного обучения как инструмент цифровой трансформации для управления запасами в оборонной промышленности / К.С. Хачатурян // IP: теория и практика. – 2025. – № 3 (11).

Original article

Machine learning algorithms as a tool for digital transformation of inventory management in the defense industry

Karine S. Khachaturyan,

Financial University under the Government of the Russian Federation

Doctor of Economics, Professor of the Department of Economic Theory

<https://orcid.org/0000-0002-3441-5859>

kara111315hks@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the application of reinforcement learning algorithms for inventory management in the defense industry. The importance of digital transformation in the context of import substitution and the strategic importance of dual-use products is considered. Examples of the integration of machine learning with reinforcement into national IT platforms such as Astra Linux, which allow automating demand analysis, order optimization and logistics, are given. It is shown how the implementation helps to reduce costs, improve the accuracy of forecasts and adapt to market uncertainty. In conclusion, recommendations are formulated on the implementation of machine learning to improve the economic efficiency and sustainability of the military-industrial complex.

Keywords: machine learning, reinforcement learning, inventory management, Astra Linux, digital transformation.

Funding: The study was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation on the topic "Development of a methodology for the production of dual-use products by high-tech companies in Russia using artificial intelligence elements in the context of digitalization of the economy and sanctions pressure" (No. 123011600034-3).

For citation: Khachaturyan K.S. Machine learning algorithms as a tool for digital transformation of inventory management in the defense industry // IP: Theory and Practice. 2025. No. 3 (11).

Введение

В ответ на колебания мировой экономики и усиление внешних трудностей отечественная промышленность ищет новаторские методы

управления производством. Введение международных санкций, нестабильность национальной валюты и влияние глобальных событий резко меняет отраслевую динамику, особенно в области оборонной промышленности. Перед компаниями оборонного сектора, привыкшими к государственным заказам и затратным методам формирования цен, встает задача адаптации стратегий для достижения экономической стабильности и роста.

Усиление государственного оборонного заказа, имеющего цель повышения уровня технической оснащенности российских войск, также свидетельствует о важности развития производства товаров и технологий двойного назначения. Слияние военных и гражданских технологий обеспечивает новые возможности для промышленности, а также улучшает финансовое положение предприятий за счет расширения рынков сбыта.

Переориентация на выпуск продукции с двойным назначением предполагает тщательный анализ и оптимизацию управленческих процессов, включая контроль за запасами сырья, компонентов и готовой продукции. В условиях современной экономики эффективность таких операций обеспечивается за счет внедрения современных технологий экономико-математического моделирования и аналитики.

Один из самых многообещающих подходов в этом направлении – использование алгоритмов машинного обучения с подкреплением (RL). Рассматриваемые технологии способны анализировать множество переменных и неопределенностей, а это критически важно для управления сложными производственными процессами. Интеграция таких алгоритмов в системы управления запасами позволяет не только автоматизировать рутинные операции, но и значительно сократить издержки, повысить при этом гибкость и адаптивность производства к динамично изменяющимся рыночным условиям [1].

В свете последних достижений в области искусственного интеллекта и машинного обучения компании обнаруживают новые пути к повышению

производительности и более эффективному распределению ресурсов. На фоне усиленного внимания к выпуску продукции двойного назначения внедрение инновационных управленческих практик становится не просто желательным, оно становится необходимым условием успешной деятельности. В этом контексте интеграция алгоритмов обучения с подкреплением в системы управления запасами на производственных предприятиях, которые занимаются изготовлением товаров с двойным назначением, является крайне важной.

Эффективное управление запасами становится критическим аспектом для успешности предприятий, особенно в контексте импортных ограничений и строгой необходимости контроля над ресурсами. В сфере оборонно-промышленного комплекса, где выпускается продукция двойного назначения, точность в управлении запасами превращается в стратегически важный элемент. Внедрение алгоритмов обучения с подкреплением в системы управления запасами позволяет эффективно решать задачи прогнозирования потребностей в сырье и комплектующих, минимизации издержек на хранение, оптимизации времени пополнения запасов, а также снижения рисков, которые связаны с задержками поставок или излишним расходом ресурсов.

Методы

Методы исследования включают системный подход, позволяющий изучить алгоритмы обучения с подкреплением как инструмент цифровой трансформации управления запасами в оборонной промышленности, и структурно-функциональный анализ, направленный на выявление взаимосвязей между элементами ИТ-инфраструктуры и производственными процессами. Использованы методы сравнительного анализа для сопоставления отечественных и зарубежных ИТ-платформ, включая Astra Linux, применяемых для интеграции алгоритмов машинного обучения. Применение метода математического моделирования позволило оценить оптимизационные возможности алгоритмов машинного обучения,

направленных на минимизацию издержек и повышение эффективности управления запасами. В исследовании также использованы аналитические методы для обработки данных о спросе, ресурсах и логистике в условиях импортозамещения.

Основное исследование

Важность развития собственных информационных систем и технологий стала особенно актуальной для России после 2014 г., в то время, когда мировые события ясно показали необходимость замещения иностранных технологий в условиях усиливающихся санкций. Данный стратегический поворот подчеркивает целесообразность внутренних разработок в IT-сфере как ответ на внешние вызовы.

Ряд ключевых законодательных инициатив, а именно Приказ Минкомсвязи от 01.04.2015 № 96 «Об утверждении плана импортозамещения программного обеспечения» и Постановление Правительства РФ от 16.11.2015 № 1236 «Об установлении запрета на допуск программного обеспечения из иностранных государств», маркировал начало новой эры в развитии национального программного обеспечения (далее – ПО), направленного на укрепление IT-суверенитета России.

В контексте глобальных изменений и в соответствии с указом Президента РФ от 30.03.2022 № 166 «О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры РФ», которым введен запрет на использование иностранного программного обеспечения в государственных структурах с 1 января 2025 г., необходимость замены иностранных систем становится актуальной для всех ключевых секторов экономики. В этом контексте операционные системы (далее – ОС) играют существенную роль, т.к. именно через них пользователи получают доступ к основным функциям и приложениям ПО.

Значимым шагом в развитии национальных технологий стало создание операционной системы Astra Linux, предназначенной для защиты сведений с ограниченным доступом. Вышеописанная система стала ключевым элементом в инфраструктуре оборонно-промышленного комплекса, улучшила возможности по разработке и внедрению сложных программных продуктов, включая искусственно-интеллектуальные системы управления запасами. Внедрение Astra Linux вместе с другими отечественными IT-разработками превращается в стратегическую необходимость, которая поддерживает курс на полную независимость от иностранных технологий.

Операционная система оснащена передовыми функциями защиты данных, включая механизмы мандатного контроля доступа, инструменты для обеспечения замкнутости программного окружения, защиты адресного пространства системных процессов, а также средства для маркировки документов, мониторинга событий и поддержания целостности данных. Рассматриваемые нами комплексные меры безопасности обеспечивают надежную защиту информации в условиях повышенных требований к конфиденциальности.

Операционная система Astra Linux обладает широкой совместимостью с разнообразными аппаратными платформами и поддерживает работу на отечественных процессорах «Эльбрус», «Байкал-Т1» и «Комдив». В первую очередь это расширяет ее применение в различных отраслях и учреждениях, делает систему универсальным решением для многих задач¹.

По заявлениям разработчиков, Astra Linux Special Edition стоит в ряду немногих программных решений, которые получили сертификацию сразу от нескольких ключевых государственных органов: ФСТЭК России, ФСБ России и Минобороны России. ОС утверждена для обработки информации, содержащей элементы государственной тайны до уровня «совершенно

---

¹ Официальный сайт Astra Linux. URL: <https://astralinux.ru/products/> (дата обращения: 15.05.2025).

секретно», и может использоваться в автоматизированных системах всех министерств и ведомств Российской Федерации.

Данная система включена в единый реестр российских программ для ЭВМ и баз данных, это подтверждает ее статус как надежной программной платформы. Astra Linux активно принимается на вооружение и используется в Вооруженных Силах Российской Федерации, а также других государственных структурах, учреждениях и органах управления.

Программные решения компании обладают широкой совместимостью, охватывают более 300 моделей как отечественных, так и международных программных и аппаратных платформ. С каждым днем растет число IT-производителей, которые становятся участниками программы технологической кооперации, они сертифицируют свои продукты для обеспечения совместимости.

Операционная система Astra Linux вместе с ее платформой виртуализации поддерживает обширный спектр совместимых программных решений, которые были произведены на отечественном и на международном уровне. В рамках программы технологической кооперации уже сертифицировано свыше тысячи программных продуктов. Для предприятий оборонного комплекса, управляющих большими массивами данных, Astra Linux является надежной платформой для их защиты и эффективной обработки.

Наличие печатного руководства по Astra Linux становится неоценимым ресурсом, который предоставляет подробные описания функционала платформы. Читатели могут самостоятельно изучить интерфейсы пользователя и файловый менеджер Astra Linux, настроить системные параметры, подключение к Wi-Fi, освоить применение офисных программ для работы с текстами, таблицами и презентациями. Рассматриваемое нами руководство представляет собой ценный инструмент для образовательных программ по информатике и информационным технологиям, оно также идеально подходит для самостоятельного освоения операционной системы.

Astra Linux обладает функциональностью интеграции с российскими базами данных, к примеру, PostgreSQL, также с системами управления ресурсами предприятия (ERP), а это играет ключевую роль в комплексной стратегии управления запасами. Внедрение алгоритмов обучения с подкреплением в таких условиях позволяет автоматизировать основные процессы, к примеру, анализ и прогнозирование спроса, оптимизацию логистических операций и сокращение издержек, обеспечивая при этом соответствие текущим законодательным нормам и стратегии импортозамещения.

Astra Linux поддерживает язык программирования Python и его библиотеки, а именно TensorFlow, PyTorch и Stable Baselines3, которые служат основой для разработки, тестирования и внедрения алгоритмов RL. Данные инструменты позволяют создавать гибкие и адаптивные модели управления запасами, которые способны эффективно реагировать на изменения в спросе и условиях поставки.

Возможность использования современных фреймворков для машинного обучения на платформе Astra Linux облегчает реализацию RL-решений в существующую ИТ-инфраструктуру предприятий. Как было сказано выше, *Python* является одним из наиболее популярных и удобных языков для работы с алгоритмами машинного обучения и нейронными сетями, но не единственным (таблица 1).

Таблица 1.

**Сравнение языков программирования для интеграции алгоритмов
машинного обучения с подкреплением в Astra Linux Special Edition***

Язык программ.	Преимущества	Недостатки	Применимость для машинного обучения с подкреплением
<i>Python</i>	Большая библиотека ML-инструментов Простота изучения и написания кода. Кроссплатформенность	Зависимость от интерпретатора (не всегда оптимально для критичных по времени систем)	Идеален для прототипирования и реализации RL-алгоритмов благодаря широкому набору библиотек
<i>C++</i>	Высокая производительность. Тонкий контроль над памятью	Сложность разработки и отладки. Долгое время на написание и тестирование	Используется для высокопроизводительных RL-решений и симуляторов
<i>Java</i>	Универсальность	Требуется больше времени для реализации алгоритмов, чем в Python	Применим для создания больших систем, в которых RL интегрируется в существующее ПО
<i>R</i>	Поддержка аналитики данных. Библиотеки для статистики и ML	Не предназначен для создания производственных систем	Используется для анализа данных, предварительной обработки
<i>Rust</i>	Высокая производительность и безопасность	Меньшая зрелость библиотек для ML и RL	Потенциал для создания надежных RL-систем в критически важных приложениях

* составлено автором.

Python становится идеальным инструментом для внедрения алгоритмов обучения с подкреплением в Astra Linux Special Edition благодаря его простоте использования, обширной поддержке и высокой адаптивности, а это особенно значимо для управления сложными запасами в производстве двойного

назначения. Рассматриваемый нами язык программирования гармонично сочетается с Linux, в том числе с Astra Linux Special Edition, облегчает обработку данных и файловые операции, это делает его идеальным выбором для создания прикладного программного обеспечения. Переносимость программ на Python между различными платформами позволяет разработчикам осуществлять тестирование RL-алгоритмов в разнообразных окружениях перед их окончательной интеграцией в Astra Linux.

В задачах управления запасами для продукции с двойным назначением скорость и точность решений являются ключевыми. Интеграция алгоритмов обучения с подкреплением в Astra Linux позволяет ускорить процессы обучения и выполнения моделей благодаря многопоточности и распределенным вычислениям. В первую очередь это обеспечивает Astra Linux возможностью управлять вычислительными ресурсами таким образом, чтобы оптимизировать распределение нагрузки по процессорам и серверам, а это важно для минимизации времени отклика в динамичных условиях, к примеру, сюда относятся изменения спроса, проблемы с поставками или законодательные корректировки.

Управление запасами остается приоритетной задачей в логистических цепочках, особенно когда дело касается производства товаров двойного назначения. Основная цель здесь – поддержание непрерывности производства при минимизации связанных с этим затрат на заказы, хранение и потенциальный недостаток ресурсов. Применение методов математического моделирования и алгоритмов машинного обучения, в том числе подкрепленного обучения, оказывается чрезвычайно эффективным для оптимизации и адаптации к переменчивым условиям [2; 3].

Для анализа задачи управления запасами можно взглянуть на классическую модель, где общие затраты (C_{total}) делятся на три категории. Затраты на хранение (C_h) включают расходы на аренду, обслуживание, страхование и амортизацию, которые растут пропорционально объему хранимых товаров (I).

$$C_h = h \cdot I \quad (1)$$

где h – удельные затраты на хранение за единицу запаса.

Затраты на заказ (C_o) включают фиксированные расходы, связанные с размещением заказа, включая административные издержки, транспортировку и логистику. Зависимость можно выразить как:

$$C_o = k \cdot O \quad (2)$$

где k – стоимость размещения одного заказа, O – количество заказов за период.

Затраты на дефицит (C_s) возникают в случае, если спрос превышает доступный уровень запасов. Они включают упущенную прибыль, штрафы за несвоевременную поставку и снижение уровня удовлетворенности клиентов.

$$C_s = p \cdot S \quad (3)$$

где p – удельные потери от дефицита, S – уровень дефицита за период.

Общая стоимость (C_{total}) определяется как сумма указанных затрат:

$$C_{total} = C_h \cdot I + C_o \cdot O + C_s \cdot S \quad (4)$$

где:

I – средний уровень запаса за период,

O – количество заказов за период,

S – средний уровень дефицита за период,

Эта формула задает целевую функцию, минимизация которой является задачей оптимизации.

В контексте машинного обучения задача формализуется как процесс последовательного принятия решений, где агент действует в среде, изменяя состояние системы (запасы) с целью минимизации затрат [4].

К состоянию (s_t) можно отнести текущее состояние запасов, включая доступный уровень товара, ожидаемый спрос, время до следующей поставки и др.

Действие (a_t) связано с объемом заказа, размещенного на текущем шаге ($a_t \in [0, O_{max}]$, где O_{max} – максимальный объем заказа).

Награда (r_t) – негативное значение общих затрат за шаг ($r_t = -C_{total}$).

Целью является максимизация совокупной награды (или эквивалентно минимизация совокупных затрат):

$$\max \sum_{t=0}^T \gamma^t r_t, \quad (5)$$

где $\gamma \in [0,1]$ – коэффициент дисконтирования, отражающий важность будущих наград.

В контексте оптимизации управления запасами алгоритмы обучения с подкреплением, такие как Deep Q-Learning и Policy Gradient, демонстрируют выдающиеся способности в моделировании сложных зависимостей и неопределенностей, включая стохастические аспекты спроса, задержки в поставках и ограничения объемов заказов [5].

Эффективное управление запасами, особенно теми, что относятся к продукции двойного назначения, требует применения алгоритмов машинного обучения с подкреплением, способных адаптироваться как к непрерывным, так и к дискретным переменным системы.

Deep Q-Learning (DQN) и его разновидности являются одними из наиболее эффективных методов для этих целей. DQN уникально сочетает принципы классического Q-Learning с возможностями нейронных сетей, это делает его особенно подходящим для обработки сложных и многомерных пространств состояний, характерных для задач управления запасами.

Основная концепция DQN заключается в аппроксимации функции полезности $Q(s,a)$, которая оценивает преимущества определенного действия a в состоянии s . Нейронная сеть внутри алгоритма обучается, используя обратную связь от окружающей среды, это включает минимизацию функции потерь и повышение точности прогнозирования:

$$L(\theta) = E_{s,a,r,s'} [r + \gamma \max_{a'} Q(s', a'; \theta^-) - Q(s, a, \theta)^2], \quad (6)$$

где θ – параметры основной сети, θ^- – параметры целевой сети, r – вознаграждение за действие a , γ – коэффициент дисконтирования, а s' – новое состояние.

Применение целевой нейронной сети (θ^-) играет ключевую роль в стабилизации обучающих процессов, предотвращает потенциальные отклонения, а это, несомненно, критично в условиях неопределенности, характерных для спроса и предложения. В контексте управления запасами, особенно при расчете оптимального объема заказов, DQN адаптируется для взаимодействия с многомерными параметрами. Данная возможность достигается за счет того, что нейронная сеть способна анализировать и учитывать разнообразные аспекты, такие как наличие текущих запасов, прогнозируемый спрос, затраты на хранение и заказ, риски нарушения поставок.

Заключение

Алгоритмы обучения с подкреплением открывают значительные перспективы для автоматизации управления запасами в динамике современного экономического ландшафта. Их внедрение в национальные платформы способствует укреплению технологической независимости, а также усиливает конкурентные преимущества предприятий на внутреннем и глобальном рынках.

Внедрение алгоритмов обучения с подкреплением в системы управления запасами через отечественные программные платформы, включая Astra Linux, открывает двери к разработке более умных и адаптируемых систем. Данные алгоритмы превосходно справляются с задачами анализа спроса, определения идеальных объемов заказов и усовершенствования логистических операций, позволяют системам динамично реагировать на колебания рынка и нестабильность поставок.

С применением технологий обучения с подкреплением современные методы управления запасами осваивают обработку и анализ масштабных данных, охватывают исторические данные о циклах производства, спросе и поставках, а также текущих запасах. Данный подход способствует снижению затрат, а также оптимизирует использование ограниченных ресурсов, что, в связке с местными IT-разработками вроде Astra Linux, формирует надежную

и защищенную платформу для автоматизации процессов управления запасами.

В заключение необходимо отметить, что интеграция алгоритмов машинного обучения с подкреплением в системы управления запасами увеличивает экономическую эффективность и надежность операций в оборонно-промышленном комплексе, а также открывает новые возможности для расширения производства. Рассмотренная нами стратегия дает основу для расширенного взаимодействия с гражданскими предприятиями, улучшает методы прогнозирования и управления запасами даже в условиях рыночной неопределенности. Внедрение RL-технологий позволяет углублять сотрудничество и обмен опытом в создании продукции двойного назначения и облегчает путь к более глубокой интеграции и взаимной выгоде.

Список источников

1. Парамонов Е.С. Исследование востребованности применения методов машинного обучения в цифровой экономике / Е.С. Парамонов, К.А. Иванцов, В.А. Мирончук // *Beneficium*. – 2024. – № 1(50). – С. 22–30.
2. Конев К.А. Машинное обучение для поддержки принятия решений в сфере качества на промышленном предприятии / К.А. Конев // *Экономика. Информатика*. – 2023. – Том 50. – № 3. – С. 689–703.
3. V. Mnih. Human-level control through deep reinforcement learning // *Nature* 518. – 2015. – С. 529–533.
4. Lillicrap T., Hunt J., Pritzel A., Heess N., Erez T., Tassa Y., Silver D., Wierstra D. Continuous Control with Deep Reinforcement Learning // *CoRR*. 2015.
5. Букина Т.В. Прогнозирование региональной инфляции: эконометрические модели или методы машинного обучения? / Т.В. Букина, Д.В. Кашин // *Экономический журнал ВШЭ*. – 2024. – 28(1). – С. 81–107.

References

1. Paramonov E.S., Ivanov K.A., Mironchuk V.A. Research on the relevance of using machine learning methods in the digital economy. *Beneficium*. 2024. No. 1(50). P. 22–30 (in Russ.).

2. Konev K.A. Machine learning to support decision-making in the field of quality in an industrial enterprise. *Ekonomika. Informatika = Economy. Computer science*. 2023. Vol. 50. No. 3. P. 689–703 (in Russ.).
3. V. Them. Human-level control through deep reinforcement learning. *Nature* 518. 2015. P. 529–533.
4. Lillicrap, T., Hunt, J., Pretzel, A., Haus, N., Eres, T., Tasha, Y., Silver, D., Wierstra, D. Continuous Control with Deep Reinforcement Learning. *CoRR*. 2015 (in Russ.).
5. Bukina T.V., Kashin D.V. Forecasting regional inflation: econometric models or machine learning methods? *Ekonomicheskiy zhurnal VShE = HSE Economic Journal*. 2024. No. 28(1). P. 81–107 (in Russ.).

Статья поступила 15.07.2025, принята к публикации: 19.09.2025.

© Хачатурян К.С., 2025

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Научная статья
УДК 332.1

Государственное регулирование и поддержка креативных индустрий в Российской Федерации и Республике Беларусь: сравнительный анализ

Александра Олеговна Аракелова¹, Виктор Францевич Ницевич²

^{1,2} Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Москва, Россия

¹ Доктор искусствоведения, ректор, заведующая кафедрой
общеобразовательных дисциплин

alexandra@rgiis.ru

<https://orcid.org/0009-0000-4628-0915>

² Доктор политических наук, профессор, профессор кафедры
общеобразовательных дисциплин, советник ректора

v.nicevich@rgiis.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1668-3067>

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления государственного регулирования и меры государственной поддержки креативных индустрий в Российской Федерации и Республике Беларусь. Авторами выделяются такие направления государственного регулирования в двух странах, как нормативное правовое обеспечение и организационно-институциональная политика, а среди основных мер поддержки креативного сектора экономики – проектное и грантовое финансирование.

Целью исследования является определение общих, т.е. сопоставимых в двух государствах, направлений и мер государственного регулирования и поддержки, и особенных, присущих только тому или иному государству. Такой методологический подход позволил установить, что направления государственного регулирования и принимаемые меры по поддержке креативного сектора экономики в каждом государстве являются вполне сопоставимыми, но их содержание весьма специфично.

Ключевые слова: креативные индустрии, творческая деятельность, креативный сектор экономики, государственное управление, государственное

регулирование, нормативное правовое обеспечение, организационно-институциональная политика, экономическая политика, Союзное государство.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках НИР «Творческие (креативные) индустрии (по видам) как социально-экономический сегмент в государствах-членах ЕАЭС: состояние и перспективы» (2-ГЗ-2023).

Для цитирования: Аракелова А.О. Государственное регулирование и поддержка креативных индустрий в Российской Федерации и Республике Беларусь: сравнительный анализ / А.О. Аракелова, В.Ф. Ницевич // IP: теория и практика. – 2025. – № 3 (11).

Original article

State regulation and support of creative industries in the Russian Federation and the Republic of Belarus: a comparative analysis

Alexandra O. Arakelova¹, Victor F. Nitsevich²

^{1,2} Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia

¹ Doctor of Art History, Rector, Head of the Department of General Educational Disciplines

alexandra@rgiis.ru

<https://orcid.org/0009-0000-4628-0915>

² Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of General Education Disciplines, Advisor to the rector

v.nicevich@rgiis.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1668-3067>

Abstract. The article examines the main areas of government regulation and measures of government support for creative industries in the Russian Federation and the Republic of Belarus. The authors highlight such areas of government regulation in the two countries as regulatory framework and organizational and institutional policy, and among the main measures of support for the creative sector of the economy - project and grant financing.

The study aimed to determine the general, that is, comparable in the two states, areas and measures of government regulation and support, and special, inherent only to a particular state. This methodological approach made it possible to establish that the areas of government regulation and measures taken to support the creative sector of the economy in each state are quite comparable, but their content is very specific.

Key words: creative industries, creative activity, creative sector of the economy, public administration, government regulation, regulatory framework, organizational and institutional policy, economic policy, Union State.

Funding: The study was carried out within the framework of the research work: “Creative (creative) industries (by type) as a socio-economic segment in the EAEU member states: status and prospects” (2-GZ-2023).

For citation: Arakelova A.O., Nitsevich V.F. State regulation and support of creative industries in the Russian Federation and the Republic of Belarus: a comparative analysis // IP: theory and practice. 2025. No. 3 (11).

Введение

Развитие современной экономики напрямую связано с инновациями, в основе которых зачастую лежит творческая деятельность человека. Использование результатов этой творческой деятельности, другими словами, – распоряжение правами на интеллектуальную собственность, формирует особый сектор в национальной экономике той или иной страны, который с недавнего времени в Российской Федерации и Республике Беларусь принято характеризовать как креативный.

При этом в историческом разрезе творческая деятельность человека эволюционировала от создания культурных образцов, как результатов творческого индивидуального продуцирования смыслов культуры, – до образования в различных видах творческой деятельности индустриальных сообществ, с их экономическими и производственными смыслами.

Воспитательная, идеологическая функция культуры, характерная для России и Беларуси в период их общего советского прошлого, требовала реализации известного лозунга «Культуру – в массы!» (упрощенная цитата «Культуру высокую в массы двигай!» из стихотворения В. Маяковского «Массам непонятно» 1927 г.) посредством массового производства «культурной продукции» [1].

С целью предотвращения угрозы размывания культурной идентичности, сохранения духовных, культурных ценностей и развития национального человеческого потенциала государственное регулирование производства

«культурной продукции» в советское время нашло отражение и в системе государственного управления двух государств в постсоветский период.

Вместе с тем, несмотря на общность устремлений России и Беларуси по самому широкому спектру деятельности, в том числе в рамках Союзного государства, государственное регулирование функционирования креативных индустрий имеет свои национальные особенности, оказывающие существенное влияние как на развитие этих индустрий, так и на тот сектор экономики, который они породили.

Цель данного исследования – выявить тождественное, общее (присущее обоим государствам) и особенное в государственном регулировании и мерах поддержки творческих индустрий в Российской Федерации и Республике Беларусь.

Методы

Для достижения цели исследования применялся ряд методов и научных подходов, традиционно используемых в сравнительных исследованиях. Прежде всего, сравнительный и сопоставительный методы позволили выявить общее и особенное в государственном регулировании и мерах поддержки творческих индустрий в Российской Федерации и Республике Беларусь.

Для исследования отдельных вопросов настоящего исследования были использованы методы анализа, аналогий и экстраполяции.

Основное исследование

Современная экономика строится на активном использовании результатов интеллектуальной деятельности (например, произведений, изобретений, исполнений), получаемых при помощи человеческого разума и творческой энергии. На основе этих ресурсов формируется сектор креативной экономики.

За последние пять лет креативные индустрии стали финансово более емкими, оправдывая тем самым свою причастность к отдельному, самостоятельному – «базовому сектору креативной экономики»¹.

Из разных источников следует, что доля креативных индустрий в мировом ВВП в 2023 г. в среднем составляла около 3%, что сопоставимо с показателем Республики Беларусь. А в структуре ВВП России доля креативных индустрий занимала:

- по сведениям Росстата и Минэкономразвития России, в 2017–2018 гг. – 2,8%, в 2019 г. – 3,0%, в 2020–2022 гг. – 3,2%, в 2023 г. – 4,9%², в 2024 г. – 4,1%³;

- по сведениям Института статистических исследований и экономики знания Высшей школы экономики, в 2018 г. – 2,2%, в 2019 г. – 2,4%, 2020–2022 гг. – 2,6%⁴, в 2023 г. – 3,5%;

- по сведениям Агентства стратегических инициатив (далее – АСИ), в 2022 г. – 4,9%, в 2023 г. – 3,5%⁵, в 2024 г. – 3,5%.

Несмотря на разницу оценок источников, прогнозы сходятся в том, что экономический показатель доли креативных индустрий будет и дальше расти⁶. Так, например, АСИ дает прогноз, что к 2030 г. их доля в ВВП России может составить около 6%⁷.

Креативные индустрии – довольно новое направление для российской экономики, однако в номинальном выражении их доля в ВВП России имеет

¹ См. п. 1 ст. 1 Федерального закона от 08.08.2024 № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации».

² Росстат: сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения: 09.03.2024).

³ Министерство экономического развития Российской Федерации: Официальный сайт. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/vklad_kreativnoy_ekonomiki_v_vvp_v_2024_godu_sostavil_75_trln_rublej.html (дата обращения: 31.07.2025).

⁴ См.: Росстат: сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801>; ИСИЭЗ НИУ ВШЭ: сайт. URL: <https://iq.hse.ru/news/468958882.html>; АСИ представило результаты исследования влияния креативных индустрий на экономику: Агентство стратегических инициатив (АСИ): сайт. URL: <https://asi.ru/news/159535> (дата обращения: 09.03.2024).

⁵ Агентство стратегических инициатив (АСИ): сайт. URL: <https://asi.ru/> (дата обращения: 11.03.2024).

⁶ АСИ. URL: <https://asi.ru/news/202821/> (дата обращения: 09.03.2024).

⁷ АСИ. URL: <https://asi.ru/news/202821/> (дата обращения: 09.03.2024).

схожие объемы с такими странами, как Южная Корея, Австралия, Испания [2]⁸.

В этом отношении весьма показательна публикация на сайте мэра Москвы С.С. Собянина от 18.07.2025, в которой подведены итоги развития креативных индустрий по итогам 2024 г. Так, «общая выручка арт-индустрии Москвы составила 5,85 млрд руб. ...это на 63,5% больше, чем в 2019 г.». По словам Собянина, «арт-индустрия Москвы объединяет несколько направлений творческой деятельности. Это мастерские и галереи, культурные пространства и проектная деятельность, а кроме того, арт-образование: курсы, мастер-классы и даже арт-менеджмент – услуги по продвижению творческих проектов».

Эффективность креативной экономики основана на синтезе творчества, технологических инноваций и предпринимательства, а ее продукты – объекты интеллектуальной собственности как ядра того или иного вида креативных индустрий, имеют двойную ценность: культурную и коммерческую.

Именно поэтому, несмотря на так называемое «саморазвитие» и «самовыражение», под которыми можно понимать реализацию творческого потенциала авторов, исполнителей и иных участников создаваемого творческого продукта – все же существует необходимость не только во всесторонней поддержке этих индустрий, прежде всего со стороны бизнес-структур, но и в их государственном регулировании.

Стоит отметить, что термин «индустрия» появился в России в аналитических и научных исследованиях лишь в 2000-е годы, примером чему может являться научный труд Е.В. Зеленцовой «Становление и развитие креативных индустрий в современной культуре: анализ зарубежного опыта» (2008) [3]. При этом, начиная с конца 80-х годов XX в., в общественном сознании доминировало восприятие различных форм массового потребления

---

⁸ Согласно данным АСИ, Россия занимает 10-е место на международном рынке со вкладом \$84,4 млрд в ВВП. Лидирующие позиции у США (вклад в ВВП – \$877,8 млрд), Китая (вклад в ВВП – \$315,9 млрд) и Великобритании (вклад в ВВП – \$167 млрд).

культурной продукции в рамках шоу-бизнеса (или арт-индустрии) как продукта невысокого качества, но приносящего большую прибыль.

Со временем в России стала осознаваться значимость государственного регулирования функционирования данного сектора экономики, поскольку результаты творческой деятельности человека, представляющие в своем большинстве произведения того или иного вида искусств, обладают большим эмоциональным воздействием на широкую аудиторию, выполняя, тем самым, «культурно-воспитательную функцию, формируя общественно-идеологическое сознание, т.е. национальные ценностные ориентиры – «культурный код», содержание которого либо обеспечивает сохранение «генетического кода» нации, либо разрушает его» [1, с. 6]. Именно поэтому к настоящему времени креативный сектор экономики стал являться стратегически важным сегментом в системе государственного управления и права.

Среди первых документов, в которых начали использоваться словосочетания «творческие индустрии», «креативные индустрии», «творческие (креативные) индустрии» или «культурные индустрии», – распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.09.2021 № 2613-р «Об утверждении Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года» (далее – Концепция о творческих индустриях), а также соответствующие изменения в Закон Российской Федерации от 09.10.1992 № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (далее – Закон РФ «О культуре») и Указ Президента Российской Федерации от 25.01.2023 № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808» (далее – Указ о культурной политике).

В данных документах идеологические смыслы культурной политики России превалируют над экономической сущностью индустриализации:

понятийный аппарат Концепции о творческих индустриях («культурная деятельность», «творческая деятельность», «культурные ценности», «произведения искусства») и Указа о культурной политике основывается на идеологии Закона РФ «О культуре» – творческие индустрии не только имеют потенциал для создания добавленной стоимости и рабочих мест путем производства и использования интеллектуальной собственности, но и «представляют собой одну из форм воспроизводства и распространения культурных ценностей, позволяют развивать творческую и культурную активности, формируют локальную идентичность и национально ориентированную среду, способствуют продвижению российской культуры, российских брендов, российских смыслов и традиционных духовно-нравственных ценностей» [1, с. 38–39].

В указанных нормативных и стратегических документах взаимосвязь творческой деятельности, ее результатов и культурной среды, которую формируют результаты творческой деятельности, несомненна, а понятие «интеллектуальная собственность» как правовая категория возникает на этапе гражданско-правовых отношений при создании объектов интеллектуальной собственности (например, произведений искусства, архитектуры, народных художественных промыслов и др.).

Несколько иначе расставлены приоритеты в Федеральном законе от 08.08.2024 № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» (далее – ФЗ «Об индустриях»): в правовое поле были введены определения таких понятий, как «креативная экономика» и «креативные (творческие) индустрии», а также был смещен акцент с идеологической платформы при создании и распространении результатов творческой деятельности – на выделение экономической сути креативных индустрий как базового сектора креативной экономики и государственную поддержку деятельности негосударственных организаций в данной сфере (ст. 1 гл. 1). Так, согласно ст. 3 ФЗ «Об индустриях», «креативная (творческая) индустрия – экономическая деятельность, непосредственно связанная с

созданием, продвижением на внутреннем и внешнем рынках, распространением и (или) реализацией креативного продукта, обладающего уникальностью и экономической ценностью». В свою очередь, функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере креативной экономики ФЗ «Об индустриях» возлагаются на Минэкономразвития России, а оценкой вклада креативных индустрий в экономику России будет заниматься Росстат (пункты 3 и 4 ст. 4).

5 сентября 2024 г. Росстат выпустил приказ № 398, согласно которому к видам экономической деятельности (ОКВЭД), по которым будут производиться статистические расчеты, относятся 13 индустрий: индустрия архитектуры и урбанистики; индустрия дизайна; индустрия моды; индустрия кино- и анимационной продукции; индустрия музыки и саунд-дизайна; культурно-зрелищная индустрия; литературно-издательская индустрия; индустрия изобразительных и визуальных искусств; индустрия программного обеспечения; индустрия игр и игрушек; индустрия медиа и журналистики; индустрия рекламы и коммуникаций; индустрия гастрономии.

В ФЗ «Об индустриях» содержится определение понятия «меры государственной поддержки в сфере креативных индустрий» – это «действия правового, экономического, организационного и иного характера, которые могут осуществляться органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и направлены на создание условий для эффективной деятельности субъектов креативных индустрий, в том числе которые предусмотрены государственными программами развития креативных индустрий».

Следует подчеркнуть, что само понятие «меры государственной поддержки» используется достаточно широко применительно к различным сферам и видам деятельности⁹. В то же время в отношении креативных

---

⁹ Например, см.: Государственная поддержка – совокупность решений и действий организационного, правового и финансового характера государственных органов власти, направленных на улучшение социального положения граждан и развитие бизнеса. URL: <https://www.budget.gov.ru/%D0%91%D1%8E%D0%B4%D0%B6%D0%B5%D1%82/%D0%93%D0%BE%D1%8>

(творческих) индустрий¹⁰ данное понятие не получило широкого научного осмысления. Тем не менее приведенное в ФЗ «Об индустриях» понятие вполне достаточно для целей настоящего исследования в силу того, что в нем содержатся основные признаки, которые могут служить основанием для сравнения государственного регулирования и поддержки креативных индустрий в России и Беларуси.

Прежде всего обратимся к сравнению правовых основ для государственной поддержки креативных индустрий в рассматриваемых государствах. Так, если в России такой законодательный акт вступил в силу 05.02.2025 (ФЗ «Об индустриях»), то в Беларуси ситуация иная. При этом следует отметить, что целями ФЗ «Об индустриях» являются:

1) создание условий для самореализации граждан на основе использования творческого и интеллектуального потенциала, повышение уровня занятости граждан в сфере креативных (творческих) индустрий;

2) развитие в Российской Федерации креативной экономики как разновидности организации хозяйственных отношений между субъектами гражданского оборота, основанной на широком использовании результатов интеллектуальной деятельности при создании, использовании, продвижении на внутреннем и внешнем рынках, распространении и (или) реализации продукции (выполнении работ, оказании услуг), а также ускоренное внедрение инноваций во всех областях деятельности;

3) стимулирование развития креативных (творческих) индустрий и предпринимательской деятельности в данной сфере;

1%D1%83%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F-%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B6%D0%BA%D0%B0 (дата доступа – 26.11.20224); Государственная поддержка представляет собой комплекс мер позитивной направленности, предназначенных для повышения эффективности выполнения задач, стоящих перед экономикой, за счет активизации, упрощения, стимулирования и вовлечения в решение данных задач хозяйствующих субъектов [4]; Сущность государственной политики поддержки малого предпринимательства базируется на признании предпринимательства сферой экономической деятельности, способной обеспечить наиболее быстрый и значительный социально-экономический эффект [5] и др.

¹⁰ Понятие креативных индустрий, пришедшее в научный и практический лексикон России из английского языка, достаточно часто отождествляется с понятием «творческие индустрии». Несмотря на то, что между этими понятиями все же существуют различия (см. подробнее [6]), в данном исследовании эти понятия также рассматриваются как тождественные.

4) обеспечение равных возможностей доступа субъектов креативных (творческих) индустрий к мерам государственной поддержки в этой сфере;

5) стимулирование создания креативных продуктов, увеличения объема нематериальных активов и обеспечение охраны и защиты прав на креативные продукты;

6) поддержка образовательной деятельности и развития компетенций в сфере креативных (творческих) индустрий.

Очевидно, что ФЗ «Об индустриях» потребует внесения изменений и принятия ряда нормативных правовых актов для детализации и обеспечения реализации содержащихся в нем норм об условиях и правилах государственной поддержки креативных индустрий. При этом в ФЗ «Об индустриях» обозначены направления государственной поддержки: она «может предоставляться путем оказания финансовой, имущественной, образовательной, информационной и иной поддержки субъектам креативных индустрий, которые способствуют укреплению общероссийской гражданской идентичности (в том числе, на основе региональных особенностей и народных традиций соответствующей территории), развитию национальной культуры и экономики, популяризации науки и культуры, продвижению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹¹.

В Беларуси отсутствие законодательного акта, сопоставимого с ФЗ «Об индустриях», отчасти компенсируется стратегическими документами, в которых присутствуют отдельные цели и задачи по поддержке креативных индустрий. Так, например, в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г., принятой Президиумом Совета министров Республики Беларусь в 2017 г., в качестве стратегической цели на 2021–2030 гг. заявлено «создание высокоразвитой сферы услуг, гарантирующей высокое качество жизни населения, возможность творческой самореализации, формирование инновационной

---

¹¹ ФЗ «Об индустриях». Часть 2 ст. 9.

сферы услуг», а в Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 гг. отмечается значимость креативного фактора в развитии экономики.

В 2021 г. в Республике Беларусь была принята Государственная программа «Культура Беларуси» на 2021–2025 гг.¹², в которой одним из ключевых элементов являются объекты интеллектуальной собственности, представляющие собой основу для развития креативного сектора экономики.

Поддержка креативного сектора экономики просматривается и в Указе Президента Республики Беларусь «О поддержке отдельных государственных организаций культуры»¹³, целью которого является формирование новых подходов к финансированию деятельности государственных театров. Кроме того, существует специальный фонд Президента Республики Беларусь по поддержке культуры и искусств в целях охраны историко-культурного наследия, сохранения и развития национальных культурных традиций, реализации культурных проектов, поддержки музейного и библиотечного дела, популяризации и распространения белорусской национальной культуры¹⁴.

Наличие таких отраслевых документов по отношению к государственной поддержке целого креативного сектора экономики свидетельствует о точечном подходе в государственном регулировании и поддержке креативных индустрий в Республике Беларусь.

Например, институциональную и организационно-правовую поддержку творческим индустриям Беларуси оказывают различные организации и учреждения:

---

¹² Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 29.01.2021 № 53 «О Государственной программе "Культура Беларуси" на 2021–2025 годы». URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22100053&p1=1> (дата обращения: 25.08.2024).

¹³ Указ Президента Республики Беларусь от 31.08.2023 № 275 «О поддержке отдельных государственных организаций культуры». URL: <https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-275-ot-31-avgusta-2023g> (дата обращения: 25.08.2024).

¹⁴ Указ Президента Республики Беларусь от 15.04.1998 № 211 «О фонде Президента Республики Беларусь по поддержке культуры и искусства». URL: <https://kultura.gov.by/fondy/fond-po-podderzhke-kultury-i-iskusstva> (дата обращения: 25.08.2024).

1) *Министерство культуры Республики Беларусь* – осуществляет государственное регулирование творческого сектора и финансирование культурных проектов (организует проведение творческих мероприятий, обеспечивает поддержку представителей творческих профессий и т.д.);

2) *творческие союзы* – помогают артистам, защищают их права и организуют различные мероприятия;

3) *государственные учреждения культуры* (дома культуры, концертные залы, выставочные центры и др.) – организуют и проводят творческие мероприятия (концерты, фестивали, выставки и др.);

4) *некоммерческие организации* – содействуют в продвижении творческого контента, в том числе посредством проведения различных мероприятий (например, таких как Летний музыкальный фестиваль и др.);

5) *продюсерские центры, различные цифровые сервисы* – предоставляют возможности для записи музыкальных произведений, их продвижения, организуют гастрольную деятельность.

В целом же правовое регулирование так называемых креативных индустрий в Беларуси осуществляется посредством применения норм Кодекса Республики Беларусь о культуре¹⁵, в котором, однако, понятия «творческие индустрии», «креативные индустрии» или «культурные индустрии» отсутствуют. В ст. 5 Кодекса о культуре перечислены сферы культуры, являющиеся предметом регулирования, данного нормативного правового акта, и эти сферы схожи с перечнем секторов экономики, которые принято относить к креативным индустриям. Важен и тот факт, что помимо целей сохранения культурного наследия и воспитания граждан Кодекс Республики Беларусь о культуре устанавливает и модель взаимодействия субъектов предпринимательства с государством для развития и популяризации культуры, что позволяет увеличивать доход государства от культурной сферы.

---

¹⁵ Кодекс Республики Беларусь о культуре от 20.07.2016 № 413-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 21.07.2022). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35508167&pos=3467;-8#pos=3467;-8 (дата обращения: 18.05.2023).

В Кодексе Республики Беларусь о культуре внимание законодателя также уделяется регулированию вопросов формирования и развития конкурентной культурной среды и поддержке творческой молодежи, что по смыслу схоже с понятием «креативные индустрии», определенным ЮНЕСКО как сектор организованной деятельности, основной целью которого является производство, воспроизведение, продвижение, распространение и/или коммерциализация товаров и услуг, а также культурная, художественная деятельность, или деятельность, связанная с культурным наследием¹⁶.

Следует признать, что в результате отсутствия сформированного законодателем понятия креативных индустрий и выделения их в самостоятельный сектор системная поддержка креативного сектора экономики в Республике Беларусь еще только формируется.

При этом развитию креативной экономики в Республике Беларусь благоприятствуют грантовая поддержка молодых новаторов, а также финансирование культурных программ и проектов за счет бюджетных и внебюджетных ассигнований. Например, уже в 2015 г. планировалось направить на развитие креативных индустрий 355,0 млн рублей (белорусских рублей)¹⁷, а в 2024 г. на содержание и поддержку культуры и СМИ, в том числе развитие креативных индустрий, было предусмотрено 388,3 млн рублей (белорусских рублей)¹⁸.

В России поддержка креативных индустрий началась задолго до официального использования такого понятия. Уже в 1990-е гг., когда еще креативные индустрии не были выделены в отдельную сферу деятельности, зарождались предпосылки для их развития: появились частные галереи, рекламные агентства, студии кинопроизводства, стали проводиться различные

---

¹⁶ Reshaping cultural policies: a decade promoting the diversity of cultural expressions for development: UNESCO. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000242866> (дата обращения: 01.11.2023).

¹⁷ На креативные социальные проекты в Беларуси направят 355 млн рублей // Беларусь сегодня. 15.11.2015. URL: <https://www.sb.by/articles/na-kreativnye-sotsialnye-proekty-v-belarusi-napravyat-355-mln-rubley.html> (дата обращения: 26.11.2024).

¹⁸ Бюджет-2024: сколько и на что потратим. URL: <https://www.sb.by/articles/raskhodnoe-uravnenie.html> (дата обращения: 27.11.2024).

ярмарки («Арт-Миф» в 1990 г., «Арт-Москва» в 1996 г., «Арт-Манеж» в 1996 г. и др.).

Значимость креативного сектора возросла в 2000-е гг.: были разработаны первые программы государственной поддержки культуры и творчества, например, федеральная целевая программа (далее – ФЦП) «Культура России (2001–2005)», затем ФЦП «Культура России (2006–2011)», ФЦП «Культура России (2012–2018)», государственная программа Российской Федерации «Развитие культуры и туризма» на 2013–2020 гг., государственная программа Российской Федерации «Развитие культуры», национальный проект «Культура» на 2019–2024 гг., подчеркивающие важность интеграции культуры и творчества для экономики страны.

В результате в сферу креативных индустрий были вовлечены практически все имеющиеся учреждения культуры федерального, регионального и муниципального уровней¹⁹.

Важным этапом для развития креативных индустрий в России стал период активного внедрения в городскую среду культурных кластеров, создания творческих платформ, пространств и инкубаторов, что способствовало развитию малого и среднего предпринимательства. С этой целью для поддержки творческих инициатив были предусмотрены президентские и федеральные гранты, а с 2021 г. начал свою работу Президентский фонд культурных инициатив²⁰. Так, например, по словам первого заместителя руководителя Администрации президента России С.В. Кириенко, «грантовая поддержка, которую государство дает представителям креативных индустрий, составляет 35–40 млрд рублей»²¹.

¹⁹ См. подробнее: Каталог инфраструктурных организаций и проектов в сфере креативных индустрий России. URL: <https://map.creative-russia.ru/> (дата обращения: 27.11.2024).

²⁰ Президентский фонд культурных инициатив: сайт. URL: <https://фондкультурныхинициатив.рф>. (дата обращения: 03.02.2024).

²¹ Кириенко назвал сумму грантовой поддержки креативных индустрий в России. URL: <https://www.5-tv.ru/news/356214/kirienko-nazval-summu-grantovoj-podderzki-kreativnyh-industrij-vrossii/> (дата обращения: 27.11.2024).

В настоящий момент в России существует много удачных примеров создания креативных кластеров, объединяющих выставочные пространства, творческие студии и мастерские, шоурумы, ремесленные и смарт-офисы, локации для реализации образовательных программ. Среди них: Центр современного искусства «Винзавод» (Москва)²², Центр графической культуры «Графит» (бывший промышленный район, превращенный в культурное пространство, Москва)²³, молодежный творческий кластер «Октябрь» (Белгород)²⁴, Креативный кластер «Каменка» (Красноярск)²⁵, Центр креативных индустрий Svoboda2 (основанный на месте бывшего завода «Оргстекло», Челябинск)²⁶, Креативный кластер «Дизайн Центр» (Саратов)²⁷, Городской центр «Арт-КВАДРАТ» (Уфа)²⁸, «ДК Кирова» (Санкт-Петербург)²⁹, Арт-завод «Доренберг» (переоборудованный из помещения пивоваренного завода XIX в., Иркутск)³⁰ и др.

Творческие кластеры – это сосредоточение креативных предприятий и организаций в одном месте с целью их развития и продвижения. Они способствуют культурному обмену, развитию инноваций и получению экономических выгод, т.к. предоставляют благоприятные условия для развития бизнеса в креативных областях. Зачастую данные пространства предлагают низкую арендную плату, благодаря чему представители творческих профессий могут позволить себе создать собственную мастерскую на их территории. Творческие кластеры представляют собой результат восстановления заброшенных промышленных помещений, поэтому их облагороженные пространства имеют подтекст восстановления культурных единиц города.

²² Центр современного искусства «Винзавод»: сайт. URL: <https://www.winzavod.ru/> (дата обращения: 01.04.2024).

²³ Центр графической культуры «Графит»: сайт. URL: <https://graphite.moscow/> (дата обращения: 01.04.2024).

²⁴ Культурный центр «Октябрь»: сайт. URL: <https://octoberhub.ru/> (дата обращения: 01.04.2024).

²⁵ Креативный кластер «Каменка»: сайт. URL: <https://kamenka.me/> (дата обращения: 01.04.2024).

²⁶ Центр Креативных индустрий Svoboda2: сайт. URL: <https://svoboda2.site/> (дата обращения: 01.04.2024).

²⁷ Креативный кластер «Дизайн Центр»: сайт. URL: <https://designcenter.me/> (дата обращения: 01.04.2024).

²⁸ Городской центр «Арт-КВАДРАТ»: сайт. URL: <https://www.art-kvadrat.com/> (дата обращения: 01.04.2024).

²⁹ ДК Кирова: сайт. URL: <https://dkkirova.spb.ru/> (дата обращения: 01.04.2024).

³⁰ Арт-завод «Доренберг»: сайт. URL: <https://dorenberg.ru/> (дата обращения: 01.04.2024).

Отличительной чертой развития креативного сектора в крупных городах явилось то, что их формирование зачастую происходит без поддержки государства. Например, московские кластеры в большинстве случаев являлись частной предпринимательской инициативой, а помощь в выходе на международные рынки столичному бизнесу оказывает Московский экспортный центр³¹. Результатом проводимой в городе государственной политики по поддержке креативного бизнеса стало то, что по итогам 2024 г. 64% экспорта креативных индустрий России пришлось на столицу.

Следует отметить, что творческие индустрии способствуют укреплению производственных возможностей в регионах страны посредством развития туризма, поддержки малого и среднего бизнеса, повышения уровня занятости населения, включая социально незащищенные категории населения (молодежь, в т.ч. подростки, женщины, находящиеся в отпуске по уходу за ребенком, люди с ограниченными физическими возможностями).

Вступление в силу с февраля 2025 г. ФЗ «Об индустриях», несомненно, придаст новый импульс развитию креативного сектора экономики, увеличению его вклада в ВВП страны, продвижению российской культуры на международном уровне: согласно данному закону, необходимо стимулировать развитие креативной экономики и предпринимательства в этой сфере за счет государственной финансовой, образовательной, информационной и имущественной поддержки с целью создания благоприятных условий для самореализации граждан. Здесь стоит отметить, что, например, еще в рамках национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» на 2018–2024 гг., направленного на всестороннюю адресную поддержку данной сферы деятельности и увеличение доли субъектов малого и среднего бизнеса, была возможность получить имущественную поддержку и субъектам креативных индустрий [7].

---

³¹ Собянин: творческий потенциал Москвы находит признание за рубежом // Аргументы и факты. 24.07.2025.

Однако, несмотря на положительную динамику в развитии креативного сектора экономики, в настоящее время провести точный анализ его состояния в России достаточно сложно по причине незначительной доли открытой статистической информации, которая к тому же достаточно противоречива, а также отсутствия единого регулятора в данной сфере. Несмотря на то, что, согласно ФЗ «Об индустриях», с этой целью определены Минэкономразвития России и Минпромторг России, нельзя забывать про особую значимость для развития креативного сектора экономики Минкультуры России как федерального органа исполнительной власти, отвечающего за выработку и реализацию государственной политики и нормативно-правовое регулирование в сфере культуры, искусства, культурного наследия и кинематографии, а также правовое регулирование вопросов авторского права и смежных прав, и Роспатента как федерального органа исполнительной власти, среди прочих осуществляющего функции по правовой защите интересов государства в процессе экономического и гражданско-правового оборота результатов НИОКТР, контролю и надзору в сфере правовой охраны и использования результатов интеллектуальной деятельности, оказанию государственных услуг в сфере правовой охраны объектов интеллектуальной собственности.

Заключение

Россия и Беларусь предпринимают конкретные усилия по развитию креативного, творческого сектора экономики. Исследование показало, что в рассматриваемых государствах существуют близкие механизмы и направления поддержки творческих индустрий. Вместе с тем в каждом государстве существуют собственные подходы в государственном регулировании этой сферы, а также имеется специфика реализации государственной поддержки креативного сектора экономики. Для государственных органов России и Беларуси государственная поддержка креативных индустрий является важным направлением в развитии креативной экономики, государства видят потенциал и перспективные возможности этого

сектора экономики. Однако сравнение объема финансовой поддержки креативных индустрий как со стороны государства, так и бизнес-структур в России и Беларуси вряд ли будет корректным в силу различия таких возможностей, но констатация самого факта этой поддержки в двух государствах не вызывает сомнения.

При этом, в случае позиционирования двух стран как Союзного государства, проведенный сравнительный анализ в отношении государственного регулирования и поддержки креативных индустрий в России и Беларуси позволил высветить проблемную зону. Суть ее – в разном понимании роли государства в выработке государственной политики по отношению к творческой среде в целом, а в данном случае – креативному индустриальному сектору. Именно в этой связи к настоящему времени в России креативные индустрии как субъекты правоотношений стали относиться к сугубо коммерческой сфере (см. ФЗ «Об индустриях»), а регулирование их деятельности – к компетенции Минэкономразвития России, а не Минкультуры России, отвечающего за культурную политику в ее духовно-нравственном выражении. И наоборот, в Беларуси, пусть и не выраженную на понятийном уровне креативную индустрию, регулирует отраслевой акт – Кодекс Республики Беларусь о культуре, а также другие отраслевые нормативные правовые акты. Каково будет дальнейшее развитие нормотворчества в Беларуси в отношении креативного сектора экономики – не известно, но то, что национальный «культурный код» в условиях геополитической напряженности продолжает цементировать творческую среду, – вызывает положительную оценку.

На наш взгляд, развитие креативного сектора экономики в Союзном государстве должно основываться на духовном и культурном взаимообогащении результатами творческой деятельности народов двух стран. В этой связи, в условиях современных реалий, законодательная база в отношении государственного регулирования и поддержки креативного сектора экономики требует совершенствования.

Список источников

1. Юсупова Я.В. Музыкальная индустрия на территории Союзного государства: есть ли точки для роста? (к 25-летию Союзного государства): монография / Я.В. Юсупова. – Москва: ФГБОУ ВО РГАИС. – 2024. – С. 24–25.
2. Бунеев Т.П. Развитие национальных креативных индустрий: сравнение зарубежного и отечественного опыта / Т.П. Бунеев, А.И. Зайончковский // Россия: общество, политика, история. – 2023. – № 1. – С. 102–121. URL: [https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1\(6\)-102-121](https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1(6)-102-121) (дата обращения: 10.03.2024).
3. Зеленцова Е.В. Становление и развитие креативных индустрий в современной культуре: анализ зарубежного опыта: дисс. на соискание учен. степени кандидата культурологии: 24.00.01 / Е.В. Зеленцова. – Москва, 2008. – 153 с.
4. Гудков Э.С. О государственной поддержке как о методе государственного управления экономикой в Российской Федерации (организационный и правовой аспекты) / Э.С. Гудков // Российское конкурентное право и экономика. – 2023. – № 1 (33). – С. 22–31.
5. Мяснянкина О.В. Государственная поддержка малого и среднего предпринимательства: особенности и направления развития / О.В. Мяснянкина, Б.Г. Преображенский // РЕГИОН: системы, экономика, управление. – 2017. – № 4 (39). – С. 71–79.
6. Ницевич В.Ф. Методическое обеспечение научного исследования: научный статус понятия «творческие индустрии» / В.Ф. Ницевич, Я.В. Юсупова // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). – 2023. – № 3. – С. 5–22.
7. Имущественная поддержка креативных индустрий. URL: <https://mybiz63.ru/service-categories/imushhestvennaia-podderzka-kreativnykh-industrii> (дата обращения: 29.11.2024).

References

1. Yusupova Ya.V. Muzykal'naya industriya na territorii Soyuznogo gosudarstva: est' li tochki dlya rosta? (k 25-letiyu Soyuznogo gosudarstva) = The music industry in the territory of the Union State: are there any points for growth? (dedicated to the 25th anniversary of the Union State): monograph / Ya.V. Yusupova. – Moscow: RSAIP Publ. 2024. Pp. 24–25 (in Russ.).

2. Buneev T.P., Zayonchkovsky A.I. Development of national creative industries: comparison of foreign and domestic experience. Rossiya: obshchestvo, politika, istoriya = Russia: society, Politics, history. 2023. Pp. 102–121. URL: [https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1 \(6\)-102-121](https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1 (6)-102-121) (date of access: 10.03.2024) (in Russ.).

3. Zelentsova E.V. Stanovleniye i razvitiye kreativnykh industriy v sovremennoy kul'ture: analiz zarubezhnogo opyta: diss. na soiskaniye uchen. stepeni kandidata kul'turologii = The formation and development of creative industries in modern culture: an analysis of foreign experience. He is a scientist for the job. candidate's degree in cultural Studies: 24.00.01. – Moscow, 2008. 153 p (in Russ.).

4. Gudkov E.S. On State support as a method of state economic management in the Russian Federation (organizational and legal aspects). Rossiyskoye konkurentnoye pravo i ekonomika = Russian Competition Law and Economics. 2023. No. 1 (33). Pp. 22–31 (in Russ.).

5. Myasnyankina O.V., B.G. Preobrazhensky State support for small and medium-sized businesses: features and directions of development. REGION: sistemy, ekonomika, upravleniye = REGION: systems, economics, management. No. 4 (39), 2017. Pp. 71–79 (in Russ.).

6. Nitsevich V.F., Yusupova Ya.V. Methodological support for scientific research: scientific status of the concept of “creative industries”. Kopirayt (vestnik Akademii intellektual'noy sobstvennosti) = Copyright (bulletin of the Academy of Intellectual Property). 2023. No. 3. P. 5–22 (in Russ.).

7. Property support for creative industries. URL: <https://mybiz63.ru/service-categories/imushhestvennaia-podderzka-kreativnykh-industrii> (date of access: 29.11.2024) (in Russ.).

Статья поступила 05.08.2025, принята к публикации: 25.08.2025.

© Аракелова А.О., Ницевич В.Ф., 2025

Научная статья
УДК 338

**Проблемы развития городского инновационного потенциала
в условиях цифровой трансформации**

Игорь Викторович Рыжов,

Российская государственная академия интеллектуальной собственности,
Москва, Россия

Доктор экономических наук

<https://orcid.org/0009-0001-2942-6086>

i.ryzhov@rgiis.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу эволюции концепции инновационного потенциала территориальных образований и современным подходам к управлению муниципальными инновационными системами. Рассматривается переход от агломерационного к экосистемному подходу в управлении инновационным развитием регионов. Особое внимание уделяется роли цифровой трансформации, развитию транспортно-логистической и телекоммуникационной инфраструктуры в формировании инновационного потенциала. Анализируется значение межрегиональной интеграции и «умной» специализации для эффективного управления региональными инновационными системами. Обосновывается необходимость комплексного подхода к управлению, учитывающего синергию различных технологических направлений в условиях цифровизации.

Ключевые слова: муниципальное управление, городское управление, инновационный потенциал, региональные инновационные системы, управление инновациями, цифровая трансформация, «умный» город, экосистемный подход, межрегиональная интеграция, «умная» специализация, городская инфраструктура, устойчивое развитие.

Для цитирования: Рыжов И.В. Проблемы развития городского инновационного потенциала в условиях цифровой трансформации / И.В. Рыжов // IP: теория и практика. – 2025. – № 3 (11).

Original article

**Problems of developing urban innovation potential in the context of
digital transformation**

Igor V. Ryzhov,

Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia

Doctor of Economics

<https://orcid.org/0009-0001-2942-6086>

i.ryzhov@rgiis.ru

Abstract. The article analyzes the evolution of the territorial innovation potential concept and modern approaches to managing regional innovation systems. The transition from agglomeration to ecosystem approach in managing regional innovation development is examined. Special attention is paid to the role of digital transformation, development of transport-logistics and telecommunication infrastructure in forming innovation potential. The importance of interregional integration and smart specialization approach for effective management of regional innovation systems is analyzed. The necessity of a comprehensive management approach considering the synergy of various technological directions under digitalization conditions is substantiated. The study demonstrates fundamental transformation of regional innovation systems management in the digital economy era.

Keywords: innovation potential, regional innovation systems, innovation management, digital transformation, smart city, ecosystem approach, interregional integration, smart specialization, urban infrastructure, sustainable development

For citation: Ryzhov I.V. Problems of developing urban innovation potential in the context of digital transformation // IP: theory and practice. 2025. No. 3 (11).

Введение

Комплексный анализ эволюции инновационного потенциала территориальных образований и современные подходы к целенаправленному управлению региональными инновационными системами занимают в настоящее время самое пристальное внимание, как ученых, так и практиков государственного и муниципального управления. На современном этапе экономического развития наблюдается перманентный переход от агломерационного к экосистемному подходу в управлении инновационным развитием регионов, городов, муниципальных образований. Особое внимание сегодня уделяется роли цифровой трансформации, развитию транспортно-

логистической и телекоммуникационной инфраструктуры в формировании инновационного потенциала городской среды.

Превалирующее значение в настоящее время имеет межрегиональная интеграция и постоянно развивающийся подход к вопросам реализации «умной» специализации для эффективного управления региональными инновационными системами. Все это в конечном счете обуславливает необходимость комплексного подхода к инновационному развитию государственного и муниципального управления, учитывающего синергию различных технологических направлений развития территориальных образований в условиях цифровизации.

Инновационный потенциал территориальных образований становится не просто показателем технологического развития, но комплексной характеристикой способности территории генерировать и коммерциализировать инновации в условиях цифровой трансформации и глобальных вызовов устойчивого развития.

Целью настоящего исследования является анализ эволюции концепции инновационного потенциала территориальных образований и современных подходов к управлению региональными инновационными системами.

Методы

В процессе анализа концепции инновационного потенциала территориальных образований и современных подходов к управлению региональными инновационными системами был использован системный подход, а также методы логического, аналитического и компаративного анализа, что позволило рассмотреть инновационный потенциал в ретроспективе, с учетом его преобразования в инновационную экосистему в условиях цифровой трансформации.

Основное исследование

Понятие инновационного потенциала территориального образования прошло значительную трансформацию за последние десятилетия. Изначально данный термин рассматривался преимущественно как совокупность научно-

технических ресурсов определенной территории. Современное же понимание существенно расширилось, включив в свое смысловое поле множество взаимосвязанных факторов.

Современные методологии оценки инновационного потенциала территорий, рассмотренные в работе О.А. Зинченко и соавторов [1], включают такие компоненты, как «инновационная безопасность» и «инновационная поддержка». Это свидетельствует о многомерности понятия и необходимости учета различных факторов при анализе инновационного потенциала.

Л.А. Гамидуллаева отмечает, что полноценная реализация научно-технологического потенциала территорий жизнеспособна только при учете возможностей межрегионального партнерства [2]. Такой подход значительно расширяет понимание территориального инновационного потенциала, выводя его за рамки отдельных административных единиц. Дальнейшее развитие данной концепции привело к формированию качественно нового взгляда на организацию инновационных процессов на региональном уровне. Важную роль в межрегиональном взаимодействии инновационных систем играет стандартизация, как показано в работе А.В. Докукина [3].

Поворотным этапом в развитии концепции инновационного потенциала стало формирование экосистемного подхода, который, как показывают Л.А. Гамидуллаева и Л.А. Страхов [4], приходит на смену агломерационному. Анализ литературы выявляет увеличение числа исследований по инновационным экосистемам и их разнообразию, включая корпоративные экосистемы (например, статьи Я.С. Матковской [5] и Е.С. Мезенцевой [6]), региональные экосистемы (работы Ю.С. Пронузо [7], Ю.Н. Лапыгина [8]), что указывает на потенциал дальнейшего развития концепции инновационных экосистем. В рамках данного подхода территориальное образование рассматривается как единая экосистема, где взаимодействие различных акторов (университетов, бизнеса, государства, общества) создает синергетический эффект для инновационного развития.

Такой подход позволяет не только анализировать существующий инновационный потенциал, но и формировать эффективные стратегии его развития с учетом особенностей конкретных территорий. В частности, подход «умной» специализации, предполагающий выявление и развитие уникальных конкурентных преимуществ территорий, становится важным инструментом реализации инновационного потенциала через межрегиональную интеграцию, вопросы управления которой рассмотрены в работе В.В. Климанова [9]. Практическая реализация данных подходов требует разработки соответствующих методологий оценки инновационного потенциала.

В современной научной литературе инновационный потенциал территориальных образований рассматривается через призму множества взаимосвязанных компонентов. Исследователи выделяют не только традиционные показатели инновационной активности, но и более сложные комплексные индикаторы, отражающие способность территории генерировать, абсорбировать и коммерциализировать инновации, влияя тем самым на устойчивость регионального развития (см. обзор С. Динь и соавторов [10]).

Разработка методологии оценки инновационного потенциала территорий является важной задачей современных исследований. Предлагаемые методологии оценки инновационного потенциала региона учитывают такие аспекты, как обеспечение развития инноваций, содействие активности инноваций, гарантирование их эффективности и безопасности. Это отличает современные подходы от традиционных, ориентированных преимущественно на количественные показатели инновационной активности.

Важно отметить, что инновационный потенциал территории имеет прямое влияние на такие показатели реализации национальных экономических интересов, как валовый региональный продукт и реальные располагаемые доходы населения. Это подтверждается выявленными в [10] статистически значимыми связями между инновационным потенциалом и показателями экономического развития, что свидетельствует о важности

развития инновационного потенциала для общего экономического благополучия территорий. Ключевым фактором реализации инновационного потенциала выступает качество городской инфраструктуры как материальной основы инновационных процессов.

Городская инфраструктура играет ключевую роль в формировании и развитии инновационного потенциала территориальных образований. В исследованиях Дж. Монтейро и соавторов [11] подчеркивается взаимозависимость городского проектирования и транспортных систем в достижении целей устойчивого развития, что напрямую влияет на инновационный потенциал территорий. Авторами выделены несколько важных измерений и практик городского планирования, которые влияют на инновационный потенциал, включая городскую форму, смешанное землепользование, уплотнение и заполнение, а также городские общественные пространства. Эти факторы напрямую влияют на транспортную динамику и логистику.

Инновационные подходы в городском планировании, такие как транзитно-ориентированное развитие и технологические достижения, например электрическая мобильность, также становятся, по мнению Ф. Паиса [12], важными факторами для устойчивого функционирования городского транспорта и, следовательно, для последующего развития инновационного потенциала городов. Это подчеркивает важность интеграции различных элементов городской инфраструктуры для создания среды, способствующей инновациям. В современных условиях особую актуальность приобретает цифровизация как системообразующий элемент инновационной инфраструктуры.

Цифровая интеграция становится одним из ключевых факторов, определяющих инновационный потенциал современных городов. Интеграция цифровой экономики в реальную экономику ускоряется, и продвижение инноваций через эту интеграцию, основанную на соответствующих стандартах [13], имеет большое практическое значение для

высококачественного городского развития, как свидетельствует исследование Дж. Пань и соавторов [14]. В свою очередь С. Ван описывает роль цифровизации в достижении экологических целей [15].

Исследования на примере китайских городов показывают, что интеграция цифровой и реальной экономики имеет нелинейный стимулирующий эффект для зеленых инноваций. Когда уровень такой интеграции превышает определенный порог, каждое увеличение интеграции, как показали Т. Хуан и Х. Ся [16], на 1% приводит к увеличению зеленых инноваций на 1,439%. Этот эффект проявляет гетерогенность в зависимости от местоположения города и его ресурсной обеспеченности.

В этом процессе транзакционные издержки и модернизация отраслевой структуры выступают в качестве опосредующих факторов. Кроме того, экономическая интеграция цифровой экономики и реального сектора в одном городе может значительно повысить уровень зеленых инноваций в соседних городах через эффекты пространственного распространения. Это свидетельствует о важности региональной координации в развитии цифровой интеграции для максимизации инновационного потенциала территорий. Практическое воплощение принципов цифровой интеграции находит свое отражение в развитии концепции «умного» города.

Концепция «умного» города становится важным элементом в развитии инновационного потенциала территориальных образований. Интеграция различных видов транспорта в единую услугу, доступную по требованию через бесшовное цифровое планирование и платежное приложение (Mobility as a Service, MaaS), рассматривается М. Мюллером и соавторами как эффективный подход к повышению устойчивости мобильности, особенно в густонаселенных городских районах. Это исследование показывает потенциальное сокращение размера автомобильных парков, с соответствующими прогнозируемыми улучшениями в области перегруженности и воздействия на окружающую среду, которые могут быть реализованы благодаря появлению автоматизированных транспортных

средств как части будущих систем MaaS. Однако ограничивающие предположения, сделанные Мюллером, указывают на сложную задачу прогнозирования того, как комплексные взаимодействия демографии пользователей и выбора режима, уровня автоматизации транспортных средств и моделей управления повлияют на устойчивую мобильность.

Исследование Гаффарпасанда и соавторов [17] свидетельствует, что внедрение интеллектуальных транспортных систем способствует созданию более безопасной, чистой и устойчивой городской транспортной среды, а телематика транспортных средств¹, включающая сбор данных о транспортных потоках, характеристиках вождения, расходе топлива и выбросах, становится важным инструментом оптимизации городской мобильности. Внедрение телематики позволяет оценивать транспортные переменные, такие как скорость транспортного потока, характеристики вождения, расход топлива и выбросы. Это способствует развитию интеллектуальных транспортных систем, оптимизированных маршрутных сервисов, более безопасных дорожных сетей и справедливых оценок страховых премий. Кроме того, телематика облегчает внедрение новых технологий городской мобильности, сетей связи между транспортными средствами (V2V) и других технологий Интернета вещей и Интернета транспортных средств. В то же время интеллектуализация и автоматизация городского транспорта требует пристального внимания к вопросам информационной безопасности [18].

Объединение технологий, творчества и предпринимательства в системах общественного транспорта, например, в службе автобусных перевозок, обладает потенциалом для революционизирования городской инновационной среды и стимулирования экономического развития. Концепция «умных автобусных остановок» рассматривается в работе М.С. Тивари [19] как стратегическое направление решения растущих проблем городской мобильности, доступности бизнеса и удобства пассажиров. «Умные

---

¹ *Телематика транспортных средств* – это система, которая позволяет собирать, передавать и анализировать данные с автомобилей и спецтехники в режиме реального времени.

автобусные остановки», оснащенные передовыми технологиями, такими как устройства Интернета вещей, дисплеи отображения данных в реальном времени, системы цифровых платежей и интеллектуальные рекламные панели, становятся не просто транзитными терминалами, но и центрами предпринимательства, способствующими созданию кооперативной экосистемы. Исследование Тивари иллюстрирует, как инновационные подходы в транспортной инфраструктуре могут стимулировать общее инновационное развитие городских территорий. Не менее важную роль в формировании инновационной среды играет развитие телекоммуникационной инфраструктуры как технологической платформы цифровой трансформации.

Телекоммуникационная инфраструктура становится ключевым фактором, определяющим инновационный потенциал территориальных образований в эпоху цифровизации. Беспроводные сенсорные сети (WSNs) стали неотъемлемым элементом в развитии «умных» городов, обеспечивая сбор и анализ данных в реальном времени для широкого спектра городских приложений. Применение методов машинного обучения к беспроводным сенсорным сетям показано в работе Приядарши и соавторов [20], что открывает новые возможности для управления инфраструктурой, городской мобильностью и осуществлением экологического мониторинга. Данное исследование подчеркивает значимость различных типов алгоритмов, включая алгоритмы подкрепления и глубокого обучения, для оптимизации функционирования городских систем. При этом отмечаются значительные препятствия, такие как безопасность данных, масштабируемость и энергоэффективность, для преодоления которых предлагаются различные решения. Одной из важнейших проблем является переход от проприетарных решений к единым стандартам с целью масштабирования наиболее удачных технологий; в ходе процесса формирования национальных стандартов на базе частных решений необходимо внимательно следить за предотвращением попыток извлечения односторонних выгод и формирования институционализированной монополии, основанной на патентном

сепаратизме [21]. Комплексная модернизация городской инфраструктуры создает предпосылки для внедрения технологий следующего поколения.

Интеграция Индустрии 4.0 и автоматизированных транспортных средств в концепцию «умных» городов представляет актуальную тему в урбанизации городов и технологических инноваций. Поскольку это относительно современный вопрос, многие аспекты этой области еще не исследованы, что делает поиск синергетических взаимодействий между Индустрией 4.0 и автоматизированными транспортными средствами в инфраструктуре «умных» городов особенно важным, как подчеркивают Кашшай и Перачек [22]. Основная их гипотеза заключается в том, что интеграция технологий Индустрии 4.0 и автоматизированных транспортных средств в инфраструктуру «умного» города приведет к значительным улучшениям в эффективности транспорта, использовании ресурсов и общей устойчивости городов. Обсуждаются позитивные и негативные аспекты такой интеграции, подчеркиваются, с одной стороны, преимущества, а с другой, – потенциальные проблемы и риски, что формирует комплексный взгляд на перспективы развития инновационного потенциала современных городов. Обобщение рассмотренных подходов помогло выявить ключевые тенденции трансформации инновационных систем территориальных образований.

Анализ современных тенденций позволяет выделить несколько ключевых направлений, определяющих перспективы развития инновационного потенциала территориальных образований в ближайшем будущем.

Цифровая трансформация становится важным путем к модернизации городского управления. Исследования (см., например, В. Ли [23]) по построению системы городского цифрового управления направлены на изучение того, как использовать новый менеджмент, оптимизировать общественные услуги и повысить конкурентоспособность городов.

Заключение

Проведенный аналитический обзор современных академических исследований проблем управления инновационным потенциалом территориальных образований демонстрирует эволюцию этого понятия от узкого понимания как совокупности научно-технических ресурсов к комплексному представлению о сложной экосистеме взаимосвязанных элементов. Ключевую роль в формировании и развитии инновационного потенциала играет городская инфраструктура, особенно ее транспортно-логистические и телекоммуникационные компоненты. Концепции «умного» города, интеллектуальных транспортных систем и цифрового управления формируют основу для будущего развития инновационного потенциала городов и агломераций.

Перспективы развития инновационного потенциала территориальных образований связаны с дальнейшей цифровой трансформацией, межрегиональной интеграцией и реализацией «умной» специализации. Важную роль будет играть синергия между различными технологическими направлениями, такими как Индустрия 4.0, автоматизированные транспортные средства, искусственный интеллект и Интернет вещей.

Таким образом, инновационный потенциал территориальных образований становится не просто показателем технологического развития, но комплексной характеристикой способности территории генерировать и коммерциализировать инновации в условиях цифровой трансформации и глобальных вызовов устойчивого развития.

Проведенное исследование демонстрирует фундаментальную трансформацию подходов к управлению региональными инновационными системами в условиях цифровизации. Переход от традиционного агломерационного подхода к экосистемной парадигме управления инновационным потенциалом территорий открывает качественно новые возможности для регионального развития. Управление инновационными системами на региональном уровне требует комплексного учета

множественных факторов: от развития транспортно-логистической и телекоммуникационной инфраструктуры до внедрения концепций «умного» города и интеллектуальных транспортных систем.

Дальнейшее развитие систем управления инновационным потенциалом территорий должно основываться на балансе между стандартизацией подходов для обеспечения масштабируемости успешных практик и сохранением гибкости для учета региональной специфики. Формирование эффективных механизмов управления региональными инновационными системами становится критически важным условием устойчивого развития территорий в эпоху глобальных вызовов и цифровой трансформации.

Список источников

1. Zinchenko O.A. et al. Procedure for assessing the territorial innovation potential in the context of national economic interests // *Eastern-European Journal of Enterprise Technologies*. – 2023. Т. 1. – №. 13. – С. 121.
2. Гамидуллаева Л.А. Реализация научно-технологического потенциала территории через межрегиональную интеграцию на основе подхода «умной» специализации / Л.А. Гамидуллаева // *Управленческое консультирование*. – 2024. – № 5 (185). – С. 80–96. EDN TFEWBL.
3. Докукин А.В. Зарубежная практика использования стандартизации в целях инновационного развития / А.В. Докукин. – Москва: Стандартинформ, 2007. – 23 с. EDN QTKGTJ.
4. Гамидуллаева Л.А. Эволюция концепции кластерного развития: от агломерационной теории к экосистемам / Л.А. Гамидуллаева, Е.П. Страхов // *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. – 2023. – № 1. – С. 106–125. DOI: 10.18184/2079-4665.2023.14.1.106-125.
5. Матковская Я.С. Инновационные экосистемы: исследование корпоративных инновационных экосистем и перспективы формирования межкорпоративных экосистем в России / Я.С. Матковская // *Современные решения и риск-менеджмент*. – 2023. – № 4. – С. 352–367. DOI: 10.17747/2618-947X-2023-4-352-367.
6. Мезенцева Е.С. Корпоративные экосистемы в промышленности: российский и зарубежный опыт / Е.С. Мезенцева // *Современные технологии управления*. – 2023. – № 4 (104). – С. 1–10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/>

korporativnye-ekosistemy-v-promyshlennosti-rossiyskiy-i-zarubezhnyy-opyt/viewer (дата обращения: 05.09.2025).

7. Пронузо Ю.С. Генезис региональных инновационных экосистем: обзор и современная трактовка / Ю.С. Пронузо // Экономическая наука современной России. – 2024. – № 2 (105). – С. 125–139. EDN DYXJML.

8. Лапыгин Ю.Н. Формирование стратегии региона с позиций экосистемного подхода / Ю.Н. Лапыгин, Д.Ю. Лапыгин // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Экономика. – 2025. – №2. – С. 63–75. DOI: 10.18384/2949-5024-2025-2-63-75.

9. Климанов В.В. Инструменты межрегионального взаимодействия в системе государственного управления / В.В. Климанов, С.М. Казакова, В.А. Яговкина // Регионоведение. – 2021. – Т. 29. – № 2 (115). – С. 250–282. DOI: 10.15507/2413-1407.115.029.202102.250-282.

10. Ding C. et al. Digital economy, technological innovation and high-quality economic development: Based on spatial effect and mediation effect // Sustainability. – 2021. – Т. 14. – № 1. – С. 216.

11. Monteiro J. et al. Challenges ahead for sustainable cities: An urban form and transport system review // Energies. – 2024. – Т. 17. – № 2. – С. 409.

12. Pais F. et al. Walking to Public Transport: Rethinking Catchment Areas Considering Topography and Surrogate Buffers // ISPRS International Journal of Geo-Information. – 2025. – Т. 14. – № 5. – С. 205.

13. Ломакин М.И. Методологические проблемы стандартизации в условиях развития цифровой экономики / М.И. Ломакин, А.В. Докукин, А.П. Шалаев // Стандарты и качество. – 2018. – № 11. – С. 80–83. EDN YMIABN.

14. Pang, J., Jiao, F., Zhang, Y. An Analysis of the Impact of the Digital Economy on High-Quality Economic Development in China – A Study Based on the Effects of Supply and Demand // Sustainability. – 2022. – Т. 14. – № 24. – С. 16991.

15. Wang S., Zheng Y., Yang H. Digital economy and green total factor productivity in China // Plos one. – 2024. – Т. 19. – № 3.

16. Huang, T., Xia H. How Can Digital – Real Economy Integration Affect Urban Green Innovation? Evidence from China // Sustainability. – 2024. – Т. 16. – № 24. – С. 11072.

17. Ghaffarpasand O. et al. Vehicle Telematics for Safer, Cleaner and More Sustainable Urban Transport: A Review // Sustainability. – 2022. – Т. 14. – №. 24. – С. 16386.

18. Докукин А.В. Основы разработки стандартов информационной безопасности / А.В. Докукин, Т.Б. Ершова, В.А. Коновалов, А.А. Стреха // Стандарты и качество. – 2008. – № 8. – С. 46–48. EDN MUMYGP.

19. Tiwari M.S. Integrating Technology, Innovation & Entrepreneurship in BEST Bus Service: Smart Bus Stops as Catalysts for Urban Business Transformation // International Journal of Advanced Research in Science, Communication and Technology. – 2025.
20. Priyadarshi R., Ranjan R., Vishwakarma A.K., Kumar, R.R. A Comprehensive Overview of Transformative Potential of Machine Learning and Wireless Sensor Networks in Sustainable Urban Development. International Conference on Intelligent Systems for Cybersecurity (ISCS). – 2024. – С. 1–6.
21. Докукин А.В. Предотвращение патентного сепаратизма при разработке стандартов и понятие «шиканы» / А.В. Докукин. – Москва: Стандартинформ, 2008. – 19 с. EDN QRDIAP.
22. Kaššaj M., Peráček T. Synergies and potential of industry 4.0 and automated vehicles in smart city infrastructure // Applied Sciences. – 2024. – Т. 14. – №. 9. – С. 3575.
23. Li W. Research on the Construction of Urban Digital Governance System // Forum on Research and Innovation Management. – 2024. – Т. 2. – №. 3.

References

1. Zinchenko, O.A., Apalkova, V., Mylnichenko, S., Rudenko, O., Prikhodyuk, O. Methodology for assessing the innovation potential of territories in the context of national economic interests. Eastern European Journal of Corporate Technologies. 2023. No. 13. С. 121.
2. Gamidullayeva L.A. Realization of the scientific and technological potential of the territory through interregional integration based on the "smart" specialization approach. Upravlencheskoye konsul'tirovaniye = Management consulting. 2024. No. (185). Pp. 80–96. ED.TFEWBL (in Russ.).
3. Dokukin A.V. Foreign practice of using standardization for the purposes of innovative development. Moscow: Stratinform Publ., 2007. 23 p. (in Russ.).
4. Gamidullayeva L. A., Strakhov E. P. Evolution of the concept of cluster development: from agglomeration theory to ecosystems. MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitiye) = MIR (Modernization. Innovation. Development). 2023. No. 1. Pp. 106–125. DOI: 10.18184/2079-4665.2023.14.1.106-125 (in Russ.).
5. Matkovskaya Ya.S. Innovative ecosystems: a study of corporate innovation ecosystems and prospects for the formation of intercorporate ecosystems in Russia. Sovremennyye resheniya i risk-menedzhment = Modern solutions and risk management. 2023. No. 4. Pp. 352–367. DOI: 10.17747/2618-947X-2023-4-352-367 (in Russ.).
6. Mezentseva E.S. Corporate ecosystems in industry: Russian and foreign experience. Sovremennyye tekhnologii upravleniya = Modern management

technologies. 2023. No. 4 (104). Pp. 1–10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/corporate-ecosystems-in-industry-Russian-and-foreign-experience/view> (date of access: 05.09.2025) (in Russ.).

7. Pronuzo Yu.S. The genesis of regional innovation ecosystems: a review and modern interpretation. *The economic science of modern Russia*. 2024. No. 2 (105). Pp. 125–139. EDN DYXJML (in Russ.).

8. Lapygin Yu.N., Lapygin D.Yu. Formation of the region's strategy from the perspective of an ecosystem approach. *Bulletin of the State University of Education. Series: Economics*. 2025. No. 2. Pp. 63–75. DOI: 10.18384/2949-5024-2025-2-63-75 (in Russ.).

9. Klimanov V.V., Kazakova S.M., Yagovkina V.A. Tools of inter-regional cooperation in the public administration system. *Regionology*. 2021. T. 29. No. 2 (115). Pp. 250–282. DOI: 10.15507/2413-1407.115.029.202102.250-282 (in Russ.).

10. Ding S., Liu S., Zheng S., Li F. Digital economy, technological innovation and qualitative economic development: based on the spatial effect and the mediation effect. *Stability*. 2021. P. 216.

11. Monteiro H., Souza N., Coutinho-Rodriguez H.M., Natividade-Jesus E. Challenges facing sustainable cities: an overview of urban form and transport system. *Energy*. 2024. P. 409.

12. Pais F., Souza N., Monteiro H., Coutinho-Rodriguez H.M., Natividade-Jesus E. Walking distance to public transport: Rethinking catchment areas, taking into account topography and surrogate buffer zones. *ISPRS International Geoinformation Journal*. 2025. P. 205.

13. Lomakin M.I., Dokukin A.V., Shalaev A.P. Methodological problems of standardization in the context of the development of the digital economy. *Standarty i kachestvo = Standards and quality*. 2018. No. 11. Pp. 80–83 (in Russ.).

14. Pang J., Jiao F., Zhang Yu. The analysis of the impact of the digital economy on China's qualitative economic development is a study based on the effects of supply and demand. *Stability*. 2022. P. 16991.

15. Wang S., Zheng Yu., Jan H. The digital economy and the "green" aggregate productivity of factors of production in China. *Plos one*. 2024. P. 19.

16. Huang T., Xia H. How can the integration of the digital and real economy affect green innovation in cities? Data from China. *Stability*. 2024. No. 3.

17. Gaffarpasand O., Burke M., Osei L.K., Ursell H., Chapman S.K., Pope F.D. Telematics of vehicles for safer, cleaner and more environmentally friendly urban transport: An overview. *Stability*. 2022. No. 24. P. 16386.

18. Dokukin A.V. Fundamentals of the development of information security standards / A.V. Dokukin, T.B. Ershova, V.A. Konovalov, A.A. Strekha. *Standards and quality*. 2008. No. 8. Pp. 46–48. EDN MUMIGP (in Russ.).

19. Tiwari M.S. Integrating technology, innovation and entrepreneurship into a BETTER bus service: Smart bus stops as catalysts for urban business transformation. International Journal of Advanced Research in Science, Communications and Technology. 2025.

20. Priyadarshi R., Ranjan R., Vishwakarma A.K., Kumar R.R. A comprehensive overview of the transformative potential of machine learning and wireless sensor networks in sustainable urban development. The 2024 International Conference on Intelligent Cybersecurity Systems (ISCS). 2024. P. 1–6.

21. Dokukin A.V. Prevention of patent separatism in the development of standards and the concept of "chicanes". Moscow: Stratinform Publ., 2008. 19 p. ED. QRDIAP (in Russ.).

22. Kashshay M., Perachek T. The synergy and potential of Industry 4.0 and automated vehicles in the smart city infrastructure. Applied sciences. 2024. No. 9. P. 3575.

23. Lee W. A study on the creation of a digital urban management system. Research and Innovation Management Forum. 2024. No. 3.

Статья поступила 15.08.2025, принята к публикации: 26.09.2025.

© Рыжов И.В., 2025
